

оформление сибирская таможенная система получила (1623—1625 гг.) в результате реформаторской деятельности тобольского воеводы князя Ю. Я. Судешева, направленной на увеличение «государевой прибыли» в Сибири. С момента своего создания сибирская таможенная система действовала под ведомством и контролем тобольских воевод.

Появившаяся в период ликвидации политической раздробленности страны, сибирская таможенная система отличалась от действовавшей в «удельный период» зауральской таможенной системы большим однообразием пошлин и меньшим их количеством. С момента своего возникновения она имела единую для всех сибирских городов десятую пошлину. В таможенной системе Европейской России такая единая рублевая пошлина появилась только после уставной таможенной грамоты 1653 г. Но одновременно с этим сибирская таможенная система несла на себе и «живые следы» прежних порядков, существовавших на Руси «в эпоху московского царства»¹⁸². Это проявлялось в отсутствии полного территориального пошлинного однообразия и в наличии отдельных пошлинных привилегий для некоторых слоев местного населения. Во многом здесь сказались и отсутствие внутри Сибири на первых порах экономической спайки между районами русского расселения.

Колониальное положение Сибири и интересы «государевой казны» определили введение здесь повышенных по сравнению с Европейской Россией пошлинных ставок. Основная из них — десятая — была по своей величине в два раза выше рублевой, существовавшей в Европейской России.

Ускоренное приходом русских экономическое развитие Сибири, выразившееся в создании в ней собственных земледелия, торговли, промышленности, интенсивного собольного промысла с элементами раннекапиталистического предпринимательства и возникшего на базе этого расширенного товарообмена, привело к тому, что между отдельными частями Сибири начала изживаться прежняя замкнутость и изолированность и стала появляться определенная экономическая консолидация, усиливавшаяся ростом товарного производства и постепенным включением Сибири в общую систему складывающегося в то время всероссийского рынка с одновременным развитием сибирских городов как торгово-промышленных центров. Это обусловило введение здесь в 80—90-х годах XVII в. унифицированной и облегченной для торговых людей таможенной системы, в том числе унифицированных единиц измерения сыпучих тел.

4. БУХАРЦЫ И ИХ ТОРГОВЛЯ В СИБИРИ

Торговые связи Западной Сибири со Средней Азией существовали издавна¹. В период времени, предшествовавший включению Западной Сибири в состав Русского централизованного многонационального феодально-крепостнического государства, бухарские караваны при своих странствованиях по Сибири доходили даже до низовий Оби, выменивая везде, где только было можно, мягкую рухлядь на предметы восточного ремесла². Развернувшаяся затем упорная и длительная борьба Русского государства с Кучумом за преобладание в Сибири привела к некоторому расстройству существовавших до этого времени регулярных торговых сношений Западной Сибири со Средней Азией.

Особенно пострадали в этом отношении области, занятые русскими, так как Кучум, не желая усиления последних, не пропускал направлявшихся к ним бухарских купцов, под именем которых выступали тогда почти все среднеазиатские тезики, кроме хивинских (юргенских)³. Население этих областей, оказавшись без бухарских товаров, испытывало большую нужду в них, острота которой усиливалась еще и тем, что нерусская Сибирь, не располагавшая своей сколько-нибудь значительной земледельческой и промышленной базой, не могла полностью не только прокормить, но и одеть появившихся в ней русских. Москва же была слишком далеко, и еще не были налажены с ней правильные сообщения, чтобы она могла сразу заменить прежние привычные связи этого края со Средней Азией⁴. Поэтому русским приходилось думать о восстановлении торговых связей с бухарцами с первых дней своего появления в Сибири⁵.

Для привлечения бухарцев в русскую Сибирь Московское правительство предоставляло им значительные торговые льготы. Так, в царском наказе второму тарскому воеводе Федору Борисовичу Елецкому и голове Василию Михайловичу Хлопову от 10 февраля 1595 г. указывалось, что если «торговые люди учнут приезжать в новый город на Тару из Бухар и из Ногай со всякими товарами и с лошадьми и с животинкою», то не только у тех «у торговых людей велети служилым людям всякие товары и лошади и животину покупать», но «и береженье к торговым людям, к бухарцам и ногаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпускати не издержав»⁶. Также предусматривалось: «А которые будут торговые люди похотят идти мимо

Новой город в Сибирские города, в Тобольской или в Тюмень торговати всякими товары или с лошадьми и с животиною, и их потому ж пропускати и бережение к ним держати. А только будут бухарцы учнут приезжать из Бухар о которых о государевых и о земских о тамошних делех, и воеводе князю Федору и голове Василью о том отписывати к государю, а их отпускати, не задержав, и государь велит указ свой учинити. А что у воеводы у князя Ондreja Елецкого государевых хлебных запасов, и денег, и наряду и всяких пушечных запасов возмут (на обратный путь через степь в Бухару. — *О. В.*), и воеводе князю Федору с товарищи о том всем отписати и роспись прислати ко государю к Москве в Посольский в четвертый приказ к дьяку к Василью Щелкалову, чтоб про то государю было ведомо⁷. То есть бухарцам и ногайцам разрешались свободная торговля на Таре и свободный проезд для торговли в Тобольск и Тюмень. Исторговавшихся бухарцев, «не задержав» и снабдив необходимым продовольствием, деньгами, нарядом и «пушечным запасом», отпускали в Бухару.

В следующем году русское правительство вновь обратилось к вопросу о торговле бухарцев и ногайцев в сибирских городах. Из дошедших до нас грамот тюменскому и тарскому воеводам (от 31 августа 1596 г.) явствует, что бухарцам и ногайцам был разрешен не только свободный, но и беспошлинный торг «за городом и посаде или за посадом, где будет пригоже», с одним лишь ограничением в отношении заповедных товаров, в состав которых, однако, не входили еще дорогие сибирские меха, издавна получаемые приезжими бухарцами из прежнего сибирского царства⁸. Тюменские и тарские воеводы должны были следить за тем, чтобы «они (т. е. бухарцы и ногайцы. — *О. В.*) заповедным товаром: доспехи и пансыри, и саблями, и ножи и топоры с юртовскими и ясаинскими татари не торговали»⁹. Та же беспошлинная торговля предоставлялась приезжим бухарцам и во всех прочих сибирских городах без всякого стеснения сроков их пребывания «до тех мест, как они товары свои испродадут»¹⁰. «А как они... изторгуются, — повелевали царские грамоты, — и вы б отпускали их неиздержав, чтоб нужды ипкакне не было, и им приказывали, чтобы они вперед со всякими товары в сибирские города приходили и с нашими служилыми с русскими людьми торговали. А мы их пожаловали, велели их приходить во все сибирские города поволью и торговати беспошлинно»¹¹. Только на рубеже XVI и XVII вв., в царствование Бориса Годунова, число заповедных, запретных для свободной закупки приезжими

бухарцами товаров было расширено включением сюда лучших сортов мягкой рухляди — «соболей и лисиц черных и бобров лутчих»¹².

Предоставляя приезжим бухарцам такие большие торговые льготы, Московское правительство, однако, требовало, «чтоб они через нашу землю из Бухар х Кучюму царю без ведома не ходили, а ходили бы с торгом в наши города». В противном случае «мы на тех людей», которые «станут... х Кучюму царю ходити», «ведем рать свою посылати... и тех людей рухлядь, сыскав», положим «в нашу казну»¹³. Такое требование царя Федора Ивановича не оставалось пустым звуком. В датированной 11 сентября 1595 г. челобитной приезжие бухарцы писали царю, что «пошло де их из Бухар из Ясырского городка да из Саврана городка 29 человек, а итить было из тех 29 человек половине в наши сибирские города, а другой половине х Кучюму царю, и как де пришли оне к Иртышу реке на Казьму перевоз и хотели де в ночи перевестися за Иртыш и пришли де на них наши ратные люди и их побили и убили у них на том погроме 6 человек, а иные люди с того погрому разбежались»¹⁴.

Подобные действия, однако, дали обратный результат: без бухарских товаров остался не Кучум, а сибирские города. «Ныне к нам в Сибирь, — жаловались сибиряки царю в 1597 г., — гости и торговые люди ниоткуда не ходят, и мы всем скудим; а толкоб торговые люди приходили, и мыб всем пополнялись и сытиб были. А воеводы здешние без твоего великого князя Белого царя веленья послов посылать не смеют и тыб, государь, повелел в Бухары и в Ногаи послов посылати, чтоб земле была прибыль, о том холопы твои сибирские все от мала до велика челом бьют»¹⁵.

Московское правительство и в помыслах не имело оставлять сибирские города без бухарских товаров, что привело бы к ослаблению усилий русского народа по освоению Сибири. Поэтому оно вынуждено было не только смириться с торговлей бухарцев с Кучумовичами¹⁶, но даже ассигновать из сибирской казны определенную сумму на расходы по приему среднеазиатских купцов. Указ царя Бориса Федоровича Годунова 1599 г. говорит о взятии «с кабака вина, меда, хмеля и солода на всякие расходы для выездных бухарских торговых людей»¹⁷.

Однако беспошлинная торговля в Сибири приезжих бухарцев, как и купцов «с Руси», продолжалась только до первых успехов сибирской торговли, земледелия и ремесла. Как только Сибирь оказалась в какой-то мере вовлеченной в орбиту торговли российскими и иностранными товарами,

царское правительство в целях увеличения своих доходов стало вводить в ней таможенную систему. Точными и определенными сведениями о времени появления в Сибири таможенных пошлин мы не располагаем. Однако на основании сопоставления двух документов: царского наказа тарскому воеводе Федору Елецкому от 10 февраля 1595 г. и царской грамоты, выданной 31 августа 1596 г. тюменскому воеводе Григорию Долгорукому, можно заключить, что мысль о введении таможенных пошлин в Сибири возникла именно между этими датами. И действительно, если в царском наказе Федору Елецкому не содержится указаний о наличии таможенных пошлин в Сибири и констатируется лишь разрешение «служилым людям всякие товары и лошади и животину покупати» у приезжих бухарцев и ногайцев¹⁸, то в царской грамоте Григорию Долгорукому говорится: «Как к вам ся наша грамота придет, а которые будут бухарцы с товарами или ногами с лошадьми торговые люди учнут к вам на Тюмень приезжать, и вы б тем бухарцом и ногайцом торговыми людям велели с нашими русскими торговыми людьми и с юртовскими и с ясашными татарами на Тюмени торговать безпошлинно; а иных никаких таможенных пошлин с них имати не велели»¹⁹. Здесь, как видим, упоминание о таможенных пошлинах уже есть.

В отписке пельмского воеводы Шаховского также сообщалось, что приехавшие к ним 28 сентября 1597 г. торговые люди были и торговали на Таре, а «твоей государевы десятинные пошлины с мягкой рухляди на Таре и в Тоболе воеводы не имели»²⁰. Одновременно с этим Шаховской отмечал, что «многие... торговые люди из русских разных городов из Тобольска проехали со многими сибирскими товарами до твоей государевой грамоты» (грамота от 20 сентября 1597 г. о сборе десятинной пошлины. — О. В.) и «мы не успели обложить торговавших на Пелыме торговых людей десятинной пошлиной»²¹. Отсюда ясно, что десятая пошлина в Сибири была введена по грамоте царя не позднее 20 сентября 1597 г.

По сравнению с российскими торговцами приезжие бухарские купцы стали облагаться десятой пошлиной несколько позже. Произошло это примерно в самом начале XVII в. и с учетом местных условий. В Тобольске и Тюмени с приезжих бухарцев взималась десятая пошлина, как пишет туринский воевода И. Н. Годунов в своей отписке от 26 декабря 1609 г. верхотурским воеводам С. С. Годунову и И. М. Плещееву, одинаково как с привозимых, так и с закупленных ими товаров, «потому что они (т. е. приезжие бухарцы. — О. В.) ходят издавна». В Туринске наполовину

действовали еще старые нормы, причем в зависимости от количества и частоты привозимых товаров взималась также десятая пошлина или торг производился совершенно беспошлинно, «чтобы им было вперед повадно ходить, а товары у них невелики»²².

Разраставшаяся затем открытая польско-шведская интервенция и вызванное ею экономическое разорение страны отрицательно сказались на снабжении Сибири всем необходимым «с Руси». Были такие годы (1610 и 1611), когда Сибирь почти ничего не получала из-за Урала²³. В это тяжелое время экономическая необходимость диктовала расширение торговых связей со Средней Азией и другими восточными странами, ради чего русское правительство вынуждено было пойти на сокращение таможенного обложения восточных товаров, выразившееся в замене десятой пошлины двадцатой.

Когда именно это произошло, мы не знаем, но в 1622 г. приезжие бухарцы «били челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел у них с товаров взяти пошлину и велел бы им торговать на Тюмени. И мы господине, — доносили тобольскому воеводе Матвею Годунову тюменские воеводы Федор Бобрищев-Пушкин и Михайл Елизаров, — по их челобитью государеву двадцатую пошлину велели взяти и торговати им на Тюмени велели»²⁴.

Двадцатая пошлина с привозимых в Сибирь среднеазиатскими купцами восточных товаров взималась обычно натурой. При этом учитывались следующие обстоятельства: если количественные показатели отдельного вида товара делились на двадцать без остатка, то двадцатая пошлина бралась натурой; в противном же случае она уплачивалась и в натуральном, и в денежном выражении. Двадцатая пошлина взималась «по оценке деньгами» и тогда, когда ее нельзя было взять с облагаемого товара натурой (например, с одного «чюдного котла», одного бухарского лука и т. д.). Взятые товары в счет двадцатой пошлины распродалась, например из тобольской таможни, «по торговой цене врознь всяким людям»²⁵.

30 августа 1693 г. был издан новый таможенный указ, в котором об обложении приезжих бухарцев было сказано следующее: «А которые бухарцы в сибирские города приедут вновь, а наперед того в сибирских городах те бухарцы для торговли не бывали, и с тех новоприезжих бухарцев с торгов их с полных десятков товарами, а с неполных по оценке деньгами имать двадцатая; а которые бухарцы после первых приездов станут приезжать впредь для торгов же и с них...

пошлина имать десятая ж, против русских торговых людей»²⁶. Более того, Новоуставной сибирский таможенный устав 21 ноября 1698 г. повелевал товары бухарцев, калмыков, монголов, приходивших в Сибирь с посольствами восточных государей, обкладывать десятой пошлиной, а вывозимые ими товары — двадцатой. На этот счет в уставе отмечалось: «Буде из которых калмыцких и мунгальских землиц от тайшей присланы будут их посланцы по прежним обыкновениям приедут... бухарцы или их же калмыцкого и мунгальского народа люди с разными товарами... (то) товары, пересмотря... взять десятую... А как те бухарцы в сибирских городах исторгуютца, и купят русские товары, и с тех товаров взять по прямой оценке деньгами, а буде денег нет теми товарами за пропуск с рубля по 10 денег, для того, чтоб тех иноземцов калмыцких тайшей и бухарцов от государевой милости не отогнать и не озлобить... А что прежде сего с тех бухар, кои с посланцы приезжали, пошлина не имана, и то указал великий государь отставить; для того, что в том учинятся многие... казне недоборы, а те бухарцы люди купецкие и себя боготят, а дел с ними бывает на-мале»²⁷.

Одновременно с этим был расширен состав заповедных товаров включением в него, наряду с дорогостоящими соболями (свыше 40 руб. сорок), бобрами и лисицами, золотых монет, ружей, свинца и пороха²⁸. При этом необходимо отметить, что приезжие бухарцы, приобретающие на тобольском рынке «русские» и сибирские товары не «на товарные деньги», т. е. не на деньги, вырученные от распродажи обложенных двадцатой пошлиной привезенных ими бухарских товаров, а «сверху» их, обязаны были платить десятую пошлину; платили они и «поанбарную», и «головщину», и посаженую, и проезжую пошлины. Иными словами, при покупке, хранении и провозе «русских товаров», в состав которых входили и российские, и иностранные товары, приезжие бухарцы были еще в первой трети XVII в. уравнианы с русскими торговыми людьми²⁹. Отсюда ясно, что высказанное Г. Ф. Мидлером, П. А. Словоцким, Г. Н. Потаниным и Р. М. Кабо³⁰ положение о беспошлинной торговле приезжих бухарцев верно только для периода времени до начала XVII в.

Приезжие бухарцы, получившие такие большие торговые льготы и лично заинтересованные в развитии своего посредничества в торговле России с Востоком, стали часто навещать сибирские города. В Тару, Тобольск, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск они приходили целыми кара-

ванами. Здесь караваны обычно дробились, и в другие сибирские города приезжие бухарцы разъезжались отдельными группами.

В Тобольске, который в XVII в. был центром русско-бухарской торговли в Сибири, среднеазиатские торговые караваны обычно появлялись в осенние месяцы — в октябре (23,6 %), сентябре (21 %) и ноябре (18,4 %). В феврале, мае, июле, августе и декабре караваны приходили реже. И совсем их не было в январе, марте, апреле, июне. Подобное распределение прихода в Тобольск среднеазиатских торговых караванов по месяцам было связано со стремлением бухарских купцов миновать среднеазиатские пустыни и казахские степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи и поспеть в Тобольск ко времени массового приезда в него торговцев из Азиатской и Европейской России. В 1655/56, 1667/68, 1668/69, 1669/70 гг. в Тобольск приходило ежегодно по четыре каравана, в 1639/40 и 1659/60 гг. — по три, в 1644/45, 1647/48, 1649/50, 1654/55, 1665/66, 1670/71 и 1671/72 гг. — по два, в 1652/53 и 1673/74 гг. — по одному. Всего за рассматриваемые годы Тобольск посетило 38 караванов. Количественный состав караванов колебался от 3 до 82 чел. Самые крупные караваны приходили в Тобольск в 1639—1655 гг., а наиболее мелкие — в 1656—1674 гг.³¹

В Тару бухарские караваны прибывали также преимущественно осенью (сентябрь, октябрь). В ноябре, декабре, феврале, июне, июле, августе они приходили реже. И совсем их не было в марте, апреле, мае. В 1653/54, 1682/83 и 1688/89 гг. в Тару приходило ежегодно по два каравана, а в 1645/46 г. их было три. В остальные годы (1637/38, 1648/49, 1657/58, 1658/59, 1666/67, 1674/75, 1677/78, 1689/90, 1694/95, 1696—1698, 1699/700) этот город принимал ежегодно по одному каравану. Всего за рассматриваемые годы Тару посетили 21 бухарский караван. Количественный состав караванов колебался от 8 до 25 приезжих бухарцев³².

В Тюмень, Томск, Красноярск и Иркутск также приходили бухарские караваны, но сведения об этом довольно скудны. Известно, что «на Москве» по повелению царя Федора Ивановича была написана 31 августа 1596 г. грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому «с товарищи» о создании благоприятных условий для развития торговли бухарцев и нотаицев в Тюмени³³. Тюменские ямщики, плывя «с Епанчина на Тюмень», увидели 10 июня 1603 г. «в ельнике», «в дщице» пути «с Епанчина», отдохавших «человек с 20-ть да лошадей де ходит с 20-ть же и больше оседланы, а на седлах на всех сандаки, а того неведомо, какие

то люди они; и они де, плывучи после того, спрашивали у юртовских татар, какие это люди стоят; а татар де тутю юртовских нет; нешто де будут идут бухарцы или казанские татарове»³⁴. О том, что на Тюмень, как и в Тобольск, бухарцы «ходят издавна», свидетельствует и переписка верхотурских воевод Степана Степановича Годунова и Ивана Михайловича Плещеева с туринским воеводой Иваном Никитичем Годуновым в 1609 г. по поводу обложения бухарцев пошлинами³⁵.

В «Наблюдениях Вильяма Гордона о зимовке в Пустозерске в 1614 и 1615 гг.» сказано, что «русские ежегодно торгуют с купцами бухарскими в городе, называемом Тюмень в Татарии, куда эти бухарцы каждый год приходит на верблюдах»³⁶. 23 октября 1622 г. «пришел на Тюмень посол из Бухарские земли от царя Имангула посол Чабак Балыков, да с ним кашевар, да с ними же в короване пришли всяких бухарских торговых людей и с кашевары 19 чел.»³⁷. Посла без прибывших с ним бухарцев тюменские воеводы Федор Бобрищев-Пушкин и Михаил Елизаров отправили в Тобольск 26 октября 1622 г., дав ему «для береженья» в провозытые «тобольского стрельца Федьку Милованова да тюменского служилого человека Ивашка Семенова», а с торговых людей бухарцев «по их челобитью государеву двадцатую пошлину велели взяти и торговати им на Тюмени велели»³⁸. При этом тобольский воевода боярин Матвей Михайлович Годунов был недоволен тем, что тюменские воеводы не отпустили в Тобольск вместе с послом и торговых бухарцев³⁹, в результате чего Тобольск терял в таможенном сборе.

Желая исправить положение, тобольский воевода боярин Иван Иванович Салтыков исходатайствовал издание царем Алексеем Михайловичем 27 июня 1646 г. указа о запрещении калмыцким послам «пословать и торговать на Тюмени». В отписке 1646 г. тобольского воеводы Ивана Салтыкова тюменскому воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину указывалось, что «которые будут калмыцкие тайши учнут присылать на Тюмень с торги или с каких делех послов своих, и он бы тем калмыцким послом на Тюмени отказывал и отсылал их совсем в Тобольск, чтобы они вперед на Тюмень ни с какими товары торговать не приходили, а приходили б торговать в Тобольск»⁴⁰. Поэтому 21 ноября 1646 г. «калмыцкие Тайчины жены Дарыка да сына ее Гешкепа послы 7 человек да 5 человек торговых бухарцев с лошадьми и с рогатым скотом и с товары», а 8 июля 1647 г. «торговые бухарцы и калмыцкие послы с торгом и с лошадьми и с коровы и с овцами от Тайчиновы жены Дарыки да сына ее Ешкепа да от Ирде-

воя коптайши», общим числом, вместе с кашеварами, в «32 человека», были тюменскими служилыми людьми остановлены на Пышме и на Тюмень не «пущены»⁴¹. Так что неточным является утверждение С. В. Бахрушина о том, что «в 1647... калмыцкие послы, а с ними бухарцев, торговых людей и кашеваров 32 чел.»⁴² были пропущены на Тюмень «с торгом», ибо им, отказавшимся идти в Тобольск, пришлось расторгиваться у Андреевского озера, в 15 верстах от Тюмени, а не в самой Тюмени⁴³.

Торговые бухарцы, приходившие в Тюмень не в составе калмыцких посольств, на Тюмень допускались. Так, 15 июля 1647 г. «пришли не калмыков на Тюмень торговые бухарцы Сафарко Септов да Кумрабабейко Маметов, да Аблайко Мамедов» и «в распросе» тюменскому воеводе Ивану Тургеневу сказали, что «были они де в калмыцких улусех у Тайчин Кошучины жены у Дарыка да у сына ее у Гешкепа. И тайчины де жена Дарыка и ее сын Ешкеп послали на Тюмень послов своих Чеченку да Дарала, а с ними торговых людей и кашеваров 50 человек, а у них 70 лошадей да 20 коров. Да они же де наехали на Тобол-реке у перевозу калмыцких послов и торговых людей 25 человек, а идут на Тюмень же от Ирденя-Коптайши, а сказывают у себя 200 лошадей, полтораста коров, 300 овец... А только де и нынешних послов их на Тюмень не примут, чаят де от них, калмыцких людей, задору и войны»⁴⁴.

Неприемом на Тюмени калмыцких послов были недовольны и тюменские жители, нуждавшиеся в лошадях и скоте и просившие в своих челобитных принимать «не калмыцких улусов послов с торгом против прежнего», и отказывавшиеся идти в Тобольск ввиду трудности пути калмыки и бухарцы, и грозившие войной из-за недопуска их послов в Тюмень калмыцкие тайши. В этих условиях царское правительство грамотой из Сибирского приказа от 21 января 1650 г. указало «делать о тех тюменских колмацких торгах и о послах, примеряясь к прежнему и смотря по тамошнему делу», т. е. оно разрешило «пословать и торговать» калмыкам и прибывшим с ними бухарцами на Тюмени⁴⁵.

Приезжие бухарцы навещали «с торгом» и Томск. Они были в нем и в 1623 г., и в 1630 г.⁴⁶ 28 сентября 1623 г., например, из Томска были отпущены «в киргизы по их челобитью с товаришком» бухарцы Шанглан и Азенк, которые вернулись в Томск 7 ноября 1624 г. В 1652 г. в Томск было привезено бухарцами вместе с другими товарами 20 аршин китайки, а в 1653 г. — 7 кусков⁴⁷. В 1696/97 г. в Томск приезжало 6 чел. бухарцев, а в 1697/98 г. — 8 чел. Ими было

привезено бухарского и иркутского товару в 1696/97 г. на 500 руб., а в 1697/98 г. на 297 руб. 13 алт. 2 ден.⁴⁸

Знал приезжих бухарцев в Красноярск, бывший в XVII в. одним из пунктов торговых сношений со Средней и Центральной Азией. Приезды бухарских купцов в Красноярск были неравномерны. В 1671 г. приезжали 4 бухарца «с торжишком». В 1672 г. пришли с торгом «от джунгарского хунтайчи» «купчины его, бухарцы Дейна с товарищи» — 12 чел. В январе 1674 г. прибыли 4 бухарских купца и сказали, что де они пришли из Бухар в Красноярский острог, а шли де через Китай, а из Китая через Калмыцкую землю⁴⁹. Наиболее богатый бухарский караван прибыл в Красноярск в декабре 1685 г. Бухарцами было продано тогда товаров приблизительно на 1200 руб. В 1686/87 г., однако, «в приезде бухарцев было человек с три с малыми товарами» стоимостью примерно в 110 руб. В июле 1689 г. прибыли в Красноярск один калмык и два бухарца. Приезжие бухарцы посещали Красноярск и в 90-х годах. В 1693/94 г. торговал в Красноярске бухаретин Олга, пришедший «из китайского городка Шурги», а в 1697 г. — бухаретин Мула.

Привозимые товары (камки, китайки, драгоценные камни, жемчуг, лисьи меха, «ясырой» (рабов) и т. д.) приезжие бухарцы распродавали как на сооруженном в конце 70-х годов гостином дворе, так и в построенном между 1683 и 1686 гг. «особом бухарском дворе». На этом дворе постоянного с них было взято в 1693/94 г. тканями на 4 руб. 9 алт. Не распроданные в Красноярске товары приезжие бухарцы отвозили в другие сибирские города, в первую очередь в Енисейск. Но когда в Красноярск приходил большой бухарский караван, как это было в 1685 г., то, наоборот, торговцы немедленно съезжались туда из Енисейска. Большой наплыв в Енисейск китайских тканей (камки, китайки, бархат, атлас), привозимых российскими и бухарскими купцами, привел к снижению цен на них с 1649 по 1687 г. от 25 до 62 %. Обратно с собой приезжие бухарцы увозили из Красноярска в основном пушнину, лошадей и скот⁵⁰.

По аргументированному предположению В. А. Александрова, первым бухарским караваном в Иркутске был караван, раскинувший под городом свои 30 юрт 8 ноября 1684 г. Перевалив 15 октября 1684 г. хребет Хамар-Дабан, этот большой караван пришел из Северной Монголии через Тункинский острог вместе с джунгарскими дипломатическими представителями Мэргэн Косючеем и Мэргэн Бааханом. В его составе насчитывалось 170 верблюдов, 90 из которых везли китайские ткани, хлопчатую бумагу, чай, табак и

мерлушки. Остальные животные использовались для перевозки скарба самих торговцев, а также сопровождавших их лиц и семей общим числом в 100 чел. Ровно через год, в октябре 1685 г., с двумя другими джунгарскими посланцами, Далай-ламой и Номон-ханом, тем же путем в Иркутск пришли 15 торговых бухарцев с семьями и привели караван в 130 верблюдов. Еще через год, в конце ноября 1686 г., вместе с джунгарским представителем Быседачаном Таулаем в Иркутск прибыл третий караван, в котором участвовали не только бухарские, но и джунгарские торговцы. Он был еще более многочисленным: 11 купцов на 172 верблюдах привезли на 2 тыс. руб. (по иркутской оценке) китайских и бухарских «докотных» (текстильных) товаров и 30 своих юрт. К их прибытию в Иркутск съехалось столько всякого торгового люда, что в городе не стало хватать складских помещений. И наконец, как показал В. А. Александров, тем же порядком в конце 1687 г. Иркутск посетил четвертый бухарский караван при джунгарском посланнике Гердачее.

Прекращение с конца 80-х годов XVII в. появления в Иркутске бухарских караванов было связано как с разразившейся в Монголии джунгаро-халхо-маньчжурской войной (1688—1697 гг.), так и с расширением после Нерчинского договора 1689 г. прямой русско-китайской торговли через посылку в Пекин русских купеческих караванов, что делало бухарское посредничество ненужным.

Приведенные данные показывают, что в Сибири бухарские торговые караваны посещали Тюмень, Тобольск, Тару, Томск, Красноярск и Иркутск. В этих городах они бывали довольно часто. При этом происходило смещение посещений с запада на восток. Так, в Тюмень, Тобольск, Тару бухарские караваны, используя издавна существовавшую торговую дорогу из Средней Азии через Западную Сибирь в Восточную Европу, стали приходить с конца XVI в., в Томск — несколько позднее, в Красноярск — с начала 70-х годов XVII в., а Иркутск знал их лишь в 1684—1687 гг. Отсюда следует, что датировка Е. М. Залкиным появления бухарцев в Восточной Сибири («издвна торговавшие с Западной Сибирью, бухарцы в 80-е годы XVII в. появляются и в Восточной. Сначала они посещают Красноярск...»⁵¹) неточна.

Появление бухарских караванов в Красноярске и Иркутске было связано с попыткой вступить в конкуренцию с русским купечеством на открытых им новых путях из Восточной Сибири в Монголию и Китай. Использование этих путей обуславливалось экономическим подъемом в восточно-сибирских городах и растущим стремлением русского купе-

чества и торговле с Китаем без посредничества бухарских купцов. Еще Н. Г. Спафарий на пути в Китай писал из Енисейска 19 июля 1675 г. в Москву, что «и нынешнее посольство zelo им (бухарским и татарским торговым людям. — О. В.) нелюбо. Для того, буде даст бог, устроится сей путь (т. е. через Забайкалье. — О. В.) в Китай, тогда весь торг будут промысливать русские люди, а их промысел останетца»⁵². Более того, как стало тогда же известно Н. Г. Спафарию, бухарцы настраивали маньчжурские власти против русских⁵³.

Приведенные данные также свидетельствуют, что А. П. Чудовников, утверждая, что «временем обычного появления в сибирских пограничных городах среднеазиатских торговых караванов были зимние месяцы — ноябрь и декабрь и уже значительно реже осенние — сентябрь — октябрь»⁵⁴, был неправ, ибо основная масса бухарских торговых караванов приходила в Сибирь все же в сентябре — октябре, а не в ноябре — декабре. Приход бухарских караванов в Тюмень прекратился после 1647 г., а в Тобольск — после 1674 г. Это было связано с тремя переносами караванной торговли: сначала из Тюмени в Тобольск, где в 1655/56 г. повелевалось для калмыцких послов, прибывавших, как правило, с торговыми бухарцами, поставить двор⁵⁵, а затем — из Тобольска в Тару и наконец на Ямышевскую и Ирбитскую ярмарки и частично в Восточную Сибирь. Определенную роль во втором переносе сыграло и правительственное распоряжение об обложении двадцатой пошлиной приходящих в Сибирь бухарских караванов не в Тобольске, как это было до 1673/74 г., а в Таре, а затем на Ямышевском озере. Среднеазиатские купцы, прибывавшие на Ямыш-озеро и в Тару целыми караванами, разбивались здесь на отдельные группы и разъезжались в Тобольск, Тюмень, Томск и в другие места Сибири. В 1701—1714 гг. среднеазиатские товары развозились с Ирбитской ярмарки в Тюмень, Верхотурье, Тару, Томск и другие местности⁵⁶.

Поскольку основная масса бухарских караванов проходила до 1673/74 г. не в Тару, а в Тобольск, то состав ввезенных ими в Сибирь в 1639—1671 гг. восточных товаров целесообразнее рассмотреть по материалам тобольских, а не тарских приходных таможенных книг. Сплошная статистическая обработка данных одиннадцати таможенных приходных книг Тобольска⁵⁷ показала, что за рассматриваемые годы привезавшими в Сибирь через Тобольск бухарцами ввозились восточные товары девятию наименований.

При этом на долю среднеазиатских товаров приходилось 47 видов, 19 из них составляли ткани (зендени: семенди,

дюменди, пурбени, бурмети; выбойки широкие, узкие, лоцденые, сата; лоцины бухарские, пестряди, кисеи и полукисеи, мели, кумачи, кутни, фаты и полукутачье); 15 — одежда и изделия из тканей (кафтаны разные, азиями зендени, фережи, епанчи, рубашки, кушаки бумажные, кушаки полупелюковые, завесы бухарские, поласы, чалмы, полсти валяные, кофты войлочные, одеяла бумажные, пологи бухарские); 4 — мехи и кожи выделанные (барашки бухарские крашенные, сафьян, замша, мешины); 9 — прочие среднеазиатские товары (бумага хлопчатая, «бумага шитья», шелк-сырец; корица; бадьян, ревень; луки бухарские, котлы чюдинные, одекуй).

Калмыцких товаров было 28 видов. Здесь насчитывалось 14 видов мехов (лисицы калмацкие, недолиси, лисьи лапы, лисий доскуг, корсаки, куницы, недокунцы, куньи хвосты, бобры, бобровый черепиш, бобровые меха, овчины, козлины, мерлушка); 4 — одежды (тулупы овчинные, кожаные козлиные, штаны козлиные, шубы лисьи); 8 — скота (лошади, верблюды, коровы, быки, нетели, овцы, бараны, козлы) и 2 вида прочих товаров (ковские арканы, ясырь).

Среди китайских товаров (12 видов) было 9 видов тканей (китайка — без указания вида, большая и средняя; камка — малая китайская, соломянка китайская и волосная китайская бязь; зенден черная китайская); 2 — одежды (кафтаны китайские, кушаки бумажные китайские) и чай.

Из арабских товаров таможенные книги отметили только 2 вида: выбойку арабскую и завесы арабские.

Среднеазиатских, китайских и арабских тканей насчитывалось 29 наименований, среднеазиатской, калмыцкой, китайской и арабской одежды и готовых изделий из тканей — 23, калмыцкой и бухарской пушнины, мехов и кож — 18, калмыцкого скота — 8 и прочих бухарских, китайских и калмыцких товаров — 12 наименований.

Характерно, что за эти же годы произошло сокращение номенклатурного состава ввозимых в Сибирь через Тобольск приезжими бухарцами восточных товаров на 36 названий (в 1639/40 г. — 60, в 1644/45 г. — 32, в 1647/48 г. — 8, в 1649/50 г. — 26, в 1654/55 г. — 20, в 1655/56 г. — 21, в 1657/58 г. — 22, в 1659/60 г. — 10, в 1668/69 г. — 18, в 1669/70 г. — 26 и в 1670/71 г. — 24) за счет выпадения из него разновидностей арабских, калмыцких и среднеазиатских товаров. Арабские товары между 1639/40 г. и 1644/45 г. совершенно исчезли из ассортимента восточных товаров бухарских караванов. Ассортимент калмыцких товаров сузился с 23 наименований в 1639/40 г. до 4 (недолиси, корса-

ки, мерлушки, тудупы овчинные) в 1670/71 г., бухарских — с 35 до 14 названий (зеидени-семенди, зеидени-дюменди, выбойка узкая, бязь лощеная, пестряди, кисей и полукисей, фаты, епанчи, кушаки бумажные, завесы бухарские, сафьян, бумага хлопчатая). И только ассортимент китайских товаров расширился с одного наименования (зеидени черная китайская) в 1644/45 г. до семи названий (китайки — большая и средняя; камки — малая, волосная китайская; бязь, кушаки бумажные китайские, чай) в 1670/71 г.

Общее сокращение номенклатуры происходило не столько за счет сужения ассортимента исчисляемых источником и концах, аршинах, штуках тканей и прочих полуфабрикатов, сколько вследствие уменьшения числа разновидностей таких товаров, как скот, меха и кожи, одежда и готовые изделия. Прекращение к 1658 г. пригона калмыцкого скота было связано с развитием сибирского животноводства, а сокращение ввоза калмыцкой пушнины с четырнадцати наименований в 1639/40 г. до трех (педолисицы, корсаки, мерлушки) в 1670/71 г. обуславливалось ввозом в Сибирь через Тобольск восточно-сибирской пушнины. Некоторое значение имело перемещение части калмыцких кочевий ближе к Поволжью, что и повлияло на интенсивность русско-калмыцкой торговли через Сибирь, ибо теперь на первое место выдвинулись Астрахань и другие поволжские города⁵⁸. Сокращение поставок одежды и готовых изделий бухарскими караванами из восточных стран при все уменьшающемся ввозе их из Европейской России определялось увеличением товарного выхода кожевенной и портняжной промышленности Сибири⁵⁹.

Ту же тенденцию к сокращению в количественном и стоимостном выражении испытывали и поступающие в Сибирь через Тобольск восточные товары. При этом необходимо отметить сильные годовые колебания суммарных количественных показателей ввоза бухарскими караванами измеряемых концами, аршинами и штуками среднеазиатских, китайских и арабских тканей в течение 1639—1671 гг. с ясно выраженной тенденцией к сокращению. Если в 1639/40 г. их поступило 12 665 концов, 98 214 арш. и 686 шт., то в 1644/45 г. — 2250 концов, 8302 арш. и 8 шт., в 1649/50 г. — 1919 концов, 1521 арш., в 1654/55 г. — 8330 концов, 5000 арш. и 120 шт., в 1655/56 — 13 095 концов, 18 900 арш., 60 шт., в 1657/58 г. — 8501 конец, 13 420 арш. и 327 шт., в 1659/60 г. — 7320 концов, 10 400 арш. и 20 шт., в 1668/69 г. — 5762 конца, 40 шт., в 1669/70 г. — 15 805 концов и в 1670/71 г. — 7743 конца и 60 шт.

Из этого общего количества в 83 400 концов, 155 757 арш. и 1321 шт. на долю среднеазиатских тканей приходилось 68 072 конца, 155 756 арш. и 1321 шт., китайских — 15 317 концов, 1 арш. и арабских — 11 концов. При этом надо учесть, что размер конца среднеазиатских и арабских тканей колебался, как показала наша обработка данных источника, от 6 до 80 арш., а размер конца китайских тканей был всегда равен 10 арш. Зная это, можно сказать, что общий ввоз среднеазиатских и арабских тканей в это время не мог быть ниже $564\,014\ (68\,083 \times 6 + 155\,756)$ арш. и 1321 шт. и выше $5\,602\,396\ (68\,083 \times 80 + 155\,756)$ арш. и 1321 шт., а ввоз китайских составил $153\,171\ (15\,317 \times 10 + 1)$ арш. Совокупный ввоз всех этих восточных тканей колебался от 717 185 арш. и 1321 шт. до 5 755 567 арш. и 1321 шт.

Но поскольку среди среднеазиатских и арабских тканей наиболее часто встречались концы размером в 6, 8, 10 и 20 арш., а китайские ткани все измерялись концами размером в 10 арш., то мы вправе взять этот конец в 10 арш, также за единицу и нашего исчисления, и тогда получится, что весь тканевый ввоз будет колебаться не в пределах 717 185—5 755 567 арш. и 1321 шт., а составит только 989 757 арш. и 1321 шт. Из этого последнего количества за первые пять лет (1639, 1644, 1649, 1654, 1655) было привезено всех восточных тканей 514 627 арш. и 874 шт., а за второе (1657, 1659, 1668, 1669, 1671) — лишь 475 130 арш. и 447 шт.

Сокращение ввоза тканей во втором пятилетии по сравнению с первым на 39 497 арш. и 427 шт. получилось за счет того, что возросшее во втором пятилетии поступление китайских тканей на 127 289 арш. (140 230 и 12 944 арш.) не смогло перекрыть падение ввоза среднеазиатских тканей в этом пятилетии по сравнению с первым (501 576 арш. и 874 шт.) на 166 676 арш. и 447 шт. Арабские же ткани (110 арш.) совершенно исчезли из ввоза с 1640 г. Такой большой приток в Сибирь восточных, а также зауральских⁶⁰ тканей не содействовал развитию в Сибири собственных коноплеводства, льноводства и ткачества.

Большим годовым колебаниям подвергался также ввоз с Востока одежды и изделий из тканей. Общий их ввоз в 1639/40 г. составил 2455 шт., в 1644/45 г. — 661, в 1649/50 г. — 405, в 1654/55 г. — 115, в 1655/56 г. — 420, в 1657/58 г. — 731, в 1659/60 г. — 760, в 1668/69 г. — 240, в 1669/70 г. — 3220 и в 1670/71 г. — 630 шт. Как видим, импорт был невелик. При этом из него в рассматриваемое

время совершенно выпали такие вещи, как фрезы, спанчи, шубы лисьи, рубашки, полосы, коньмы войлочные, полог бухарский (с 1640 г.), кафтаны разные, чалмы, полсти валиные, одеяла бумажные, завесы арабские (с 1645 г.), кафтаны китайские, штаны козлиные, гилемы (с 1650 г.). Среди оставшихся предметов во второй половине рассматриваемого периода (1657—1671 гг.) по сравнению с первой (1639—1656 гг.) увеличилось поступление азымов зедеенных (на 175 шт.), тулунов овчинных (на 52 шт.), кушаков полушелковых (на 627 шт.), кушаков бумажных китайских (на 460 шт.), завес бухарских (на 218 шт.) и скатертей (на 1682 шт.). Всего за анализируемые годы приезжими бухарцами было привезено в Сибирь через Тобольск 22 вида различной восточной одежды и изделий из тканей общим количеством в 9637 шт. Небольшой объем этого ввоза при все сокращавшемся поступлении в Сибирь зауральской одежды и изделий из тканей⁶¹ свидетельствует о том, что сибиряки носили в доминирующем большинстве одежду собственного, а не зауральского и восточного производства.

В рассматриваемый период и прочих восточных товаров поступало немного. Например, с 1639 по 1671 г. приезжими бухарцами было ввезено: бумаги хлопчатой — 717,5 пуда, «бумаги шитья» — 2, шелка-сырца — 12 пудов — всего 134,5 пуда полуфабрикатов; чая — 21,5 пуда, ревеня — 308,5, бадьяна — 127,5, корицы — пуд — итого 458,5 пуда овощных и лекарственных растений, а также луков бухарских — 82 шт., конских арканов — 20 шт., котлов «чудинных» — 161 шт., одекуя — 40 мотков. Привезено было и 4 ясыря.

Общая стоимость всех этих 90 товаров за десять лет рассматриваемого периода (1639—1671 гг.) составила 40 347 руб. (в 1639/40 г. — 14 633 руб., в 1644/45 г. — 2174, в 1647/48 г. — 440, в 1649/50 г. — 1202, в 1655/56 г. — 4563, в 1657/58 г. — 3709, в 1668/69 г. — 3173, в 1669/70 г. — 6570 и в 1670/71 г. — 3883 руб.). Показательно, что общая стоимость всех восточных товаров, привозимых в Сибирь через Тобольск приезжими бухарцами, после кратковременного взлета в 1639/40 г., упала до 440 руб. в 1647/48 г., а затем, немного поднявшись, оставалась на уровне 3—6,5 тыс. руб.

Определяя значение отдельных групп и предметов во ввозе товаров с Востока в Сибирь, необходимо подчеркнуть особую роль тканей, ибо Сибирь не знала бухарских караванов без восточных тканей. Как предмет первой необходимости, ткани пользовались широким спросом со стороны всех слоев тогдашнего сибирского общества. Предпочте-

ние, оказываемое сибиряками хлопчатобумажным тканям по сравнению с льняными, шелковыми и пеньковыми, определило и их преобладание в поступлении тканей с Востока. Так, если за рассматриваемые годы всего было ввезено в Сибирь среднеазиатских, арабских и китайских хлопчатобумажных тканей 885 276 арш., то всех остальных — только 104 481 арш., а именно: пеньковых — 88 570 арш., шелковых — 8161 и льняных — 7750 арш.

Среди хлопчатобумажных тканей доминировали среднеазиатские зедеени. Они получили наименование от расположенного под Бухарой селения Зедаана (Зедеене), где впервые стали вырабатываться. Затем их производство наладилось и в других местностях. В XVII в. зедеени изготовлялись не только в Бухарском ханстве — исконном месте их производства, но и в Хивинском. Об этом свидетельствует запись статейного списка, сделанная русским посланником Иваном Федотьевым, ездившим в Хиву в 1669 г. Запись гласит: «Июня в 30 день ездил Иван Федотьев с приставом своим в города в Канку да в Озарист для провеживания торгов и товаров, и в тех де городах юргенские и хивинские всяких чинов люди меж себя торгуют зедеенными и выбойки и бумагою хлопчатую и шолком сырцом, а купят де шолку сырцу пуд по 60 руб., выбойки по 13 алт. по 2 деньга, пестредь по 6 алт. по 4 ден., зеньдень по 3 алт. по 2 ден., бумаги хлопчатой пуд по полтора рубля, а делают шолк и бязи и зедеени простые, а не чаровые, в Юргенской земле, а бурмети и выбойки и бумаги и пестряди привозят из Бухар сами юргенцы, а бухарцы с товары в Хиву и в Юргенч приезжают мало...»⁶²

Имелись, как мы видели, и китайские черные зедеени. Они были привезены приезжими бухарцами лишь в одном 1644/45 г. в количестве 18 концов (180 арш.).

Хлопчатобумажные зедеени — довольно толстая и плотная ткань полотняного переплетения. Ткалась она из пряжи низких номеров очень слабой крутки. Часть зедееней дощилась, при этом нити расплющивались и ткань приобретала твердость и блеск. В зависимости от оформления и окончательной отделки особыми веществами (крахмал, мыло, жирные вещества, эфиры целлюлозы и др.) для придания требуемых свойств (определенной жесткости, эластичности, блеска и т. д.) зедеени получались разных видов. В Сибирь приезжие бухарцы ввозили зедеени-семенди, зедеени-дюменди, зедеени-пурбени, зедеени-бурмети. Были и другие разновидности зедееней: «кутин зедеенные», «зедеени чара», или чаровые, «объяринные зедеени», «нимбенди», «зедеени

шанекне». Все они различались между собой способом орнаментации ткани путем ее перевязки. Окраска тканей или основ, приготовленных для тканей, способом перевязки сводится к тому, что «красильщики», — как свидетельствует П. Н. Небольсин, — перевязывают моток шелку как можно туже, в нескольких местах, крепкими нитками или перевязками, смотря по тому, сколько цветов хотят дать шелку и сообразно с узором ткани. Перевязав моток, кладут его в первую краску, например синюю. Места не перевязанные принимают краску, а перевязанные остаются белыми. Потом развязывают одну белую часть, а закрашенный конец перевязывают и кладут шелк в новую краску, например красную. Продолжая таким образом, дают шелку столько цветов, сколько нужно. Шелк, таким образом окрашенный, употребляется на основу для полу-шелковых тканей: они умеют расположить его так искусно, что составляются волнистые узоры, довольно хорошие на вид»⁸³.

Известно, что «ним» — половина, «ду» — два, «се» — три, «чор» (чар) — четыре, «пур» — много, полный, а «менди» («бенди», «банд») имеет значение «завязывать», «связка». Отсюда зедеи-нимбенди, зедеи-дюменди, зедеи-семенди — это ткани, орнаментированные способом соответственно одноразовой, двойной и тройной перевязки. «Чарован» же зедеи представляла собой ткань, оформленную более трудоемким способом четырехкратной перевязки, увеличивавшей число цветов в узоре до четырех. Пурбень, как ткань многократной перевязки, логически завершает ряд узорных зедеи, в которых кроме основных цветов имелись на линии соприкосновения красок и производные. Основными цветами в узорных зедеях были красный, синий, зеленый, желтый, белый и их производные⁸⁴. Зедеи-бурмети — это грубые бумажные ткани вроде бязи или холста. Всего зедеи было привезено в 1639—1671 гг. 32 257 концов, или примерно 322 257 арш. — семенди (23 875 концов), дюменди (8 147), пурбени (232) и бурмети (3 конца). В общем привозе восточных тканей на их долю приходилась почти 1/3.

Бязи — очень прочной некрашеной бумажной ткани вроде толстого миткала — привозилось несколько меньше — 313 662 арш., в том числе выбойки — грубой бумажной ткани с непечатанным рисунком — 141 534 арш.

В 1649 г. в привозе бухарским караваном впервые появилась китайка — очень прочная и гладкая бумажная ткань, впоследствии заполонившая сибирский рынок. Китайки различались между собой и по видам (простая, самса), и по размерам (большой руки, средней руки, малой руки

и т. д.), и по цвету (темно-зеленые, черные, белые, лимонные, крапивные и т. д.). Продавались китайки аршинами, концами, тюнями (тюмами), равными 100 аршинам. Китайка узкая была дешевле холста сермяжного среднего, крашеины и татарского холста, но дорожке бязи и выбойки узких, холста толстого хряца, холста парусного, холста среднего хряца. По своей стоимости она равнялась холсту усичи и холсту хряцу тонкому, хотя и превосходила их чистотой отделки и качеством. Сибиряки очень широко использовали китайку, как и среднеазиатские зедеи, бязи и выбойки, на одежду. Китайкой покрывали шубы, из нее шили «китайчатые сарафаны» и мужские рубахи. Ввоз китайек в Сибирь через Тобольск в течение 1649—1671 гг. увеличивался. Всего за эти годы китайек поступило 141 400 арш. Их ввоз в это время еще значительно отставал от импорта среднеазиатских зедеи, бязей и выбоек, которых было привезено в 5 раз больше (772 026 арш.).

Из прочих хлопчатобумажных тканей поступали кисей и полукусей, кумач. Кисей и полукусей — это тонкая, редкая бумажная ткань, по гораздо плотнее современной кисей. Всего ее было привезено приезжими бухарцами в указанные годы 617 концов, или примерно 670 арш. Она ввозилась чаще в 1639—1650 гг., чем в 1657—1671 гг. Кумача — бухарский бумажной ткани, преимущественно красного цвета, реже — синего и других цветов, — было ввезено всего 13 концов (130 арш.).

Из пеньковых тканей импортировалась только пестредь (пестрядь) — грубая пестрая ткань, сделанная из ниток двух цветов — крашеной основы и белого утка или наоборот. Приезжими бухарцами в Тобольск она завозилась почти ежегодно. Завоз ее сильно колебался по годам. В 1639/40 г. ее было привезено 3105 концов, в 1644/45 г. — 626, в 1654/55 г. — 277, в 1655/56 г. — 505, в 1657/58 г. — 2500, в 1668/69 г. — 160, в 1669/70 г. — 565 и в 1670/71 г. — 1120 концов. В 1647/48, 1649/50, 1659/60 гг. ее не было в караванных привозах. Всего ее за указанные годы поступило 8857 концов, или примерно 88 570 арш. Из льняных тканей ввозилась мели, но она поступала реже и в меньших количествах. В 1639/40 г. мели было ввезено 283 конца, в 1644/45 г. — 71, в 1649/50 г. — 15, в 1654/55 г. — 55 и в 1657—58 г. — 351 конец. После 1658 г. привоз ее бухарскими торговыми караванами прекратился. Общих воз мели за указанные годы составил 775 концов, или 7750 арш. Отсюда видно, что имевшееся в литературе утверждение Н. Г. Аполловой о том, что вырабатываемые в Бухаре «льняные и пеньковые ткани

(пестряди и мели) производились только для внутреннего употребления и почти не поступали на внешний рынок⁶⁵, не совсем согласуется с нашими данными⁶⁶.

Состав привозимых шелковых и полшелковых тканей отличался большим разнообразием. Среди них были: кутня — полшелковая ткань из шелка и бумаги вроде атласа, по большей части полосатая; полукушачье — пояс, опояска, широкая тесьма или полотнище ткани, сложенное в несколько раз для обвязки по поясу и изготовленное из разноцветных шелков и шерсти, часто с примесью золота и серебра; фата — шелковая прозрачная ткань из тонких скрученных ниток. Всего этих тканей было ввезено 197 концов (1970 арш.) и 1321 шт.

Привоз китайских шелковых тканей приезжими бухарцами открыла в 1644 г. китайская черная зедеень. Поступление шелковых китайских зедеен было невелико (180 арш.) и после 1645 г. прекратилось. Зато китайская шелковая камка — довольно плотная одноцветная или многоцветная ткань с одинаковым узором на обеих сторонах, в утке которой применялись иногда нити придепого золота или серебра, — имела иную судьбу. Первый привоз приезжими бухарцами китайской камки был зарегистрирован в таможенных книгах в 1649 г. В среднеазиатском привозе встречались камки разных сортов (видов), а именно: камки китайские шелковые, камки водосянки (с вплетенными золотыми или серебряными нитями, род шелковой парчи), камки соломянки (с вплетенными позолоченными нитями). Камки были разных цветов (черачатые, красные, лавровые, вишневые, светло-лазоревые, осиповые, лимонные, песочные и т. д.) и разных размеров (большой руки, средней руки, малой руки). Были камки «добрые» и «плохие». Китайские камки употреблялись на верхнюю одежду и платье. У сибяриков они не пользовались таким широким спросом, как китайки. Их привозили в основном для реэкспорта в Европейскую Россию. Всего китайских камок было ввезено в 1649/50, 1654/55, 1668/69, 1669/70, 1670/71 гг. 6182 арш. (681 концов и 2 арш.).

Из продовольственно-лекарственных товаров в 1639—1671 гг. приезжие бухарцы привозили из Китая ремень копытчатый, чай, бадьян, корицу. Впервые ремень копытчатый был завезен приезжими бухарцами в 1649 г. Он употреблялся как слабительное лекарство. Привозилось его значительное количество (в 1649 г. — 15 пудов на 275 руб., в 1654 и 1655 гг. — соответственно 198 пудов и 95,5 пуда (на 3564 и 1719 руб.), и в течение 1649—1655 гг. он являлся главным импортируемым товаром. В 1656 г. ремень, объявленный мо-

нопольным товаром, был изъят из частной торговли. Вместо ремня приезжие бухарцы увеличили вывоз в Сибирь китайск.

«Трава — чай», впервые завезенная среднеазиатскими купцами в 1654 г., не исчезала из их караванных привозов, но завозилась sporadически и в небольших количествах (1,5—8 пудов). Бадьян (звездчатый анис) — лекарственное растение, употребляющееся главным образом для лечения желудка, приезжие бухарцы начали поставлять в Сибирь из Китая около 1668 г. Завозили они его только в 1668/69 г. (117 пудов) и в 1669/70 г. (10,5 пуда). Корица была явлена ими лишь однажды (в 1668 г.), да и то в размере одного пуда, оцененного в 12 руб.⁶⁷

Восточные товары, привезенные бухарскими караванами в Тобольск 15 мая и 15 июля 1640 г., распродавались из «государевых лавок» тобольского гостиного двора. Приезжие бухарцы, прибывшие в Тобольск с майским караваном (30 чел.), торговали здесь восточными товарами с 15 мая по 20 июня 1640 г. За этот срок они распродали товаров на 4309 руб. 26 алт. 4 ден. За наем «государевых лавок» на гостином дворе с них была взята поамбарная пошлина за «5 недель с человека по 10 алтын итого 9 рублей»⁶⁸. Бухарцы, приехавшие с июльским караваном (64 чел.), торговали на гостином дворе с 29 июля по 31 августа 1640 г. Товаров у них было на 9812 руб. 11 алт. 2 ден. «Сомедши с гостиного двора», они заплатили поамбарной пошлины с каждого человека по 10 алтын, итого 19 руб. 6 алт. 4 ден.⁶⁹

Восточные товары пользовались массовым спросом со стороны всех слоев тогдашнего населения России. Например, в 1640 г. среди покупателей этих товаров, собранных тобольской таможней в «государеву двадцатую таможенную пошлину», были торговые, промышленные и гулящие люди Европейской России, сибирские юртовские бухарцы, проживающие в Таре, Тобольске и Тюмени, тобольские, тюменские, туринские, верхотурские, енисейские посадские люди, верхотурские, туринские, тюменские, тобольские, тарские, березовские, мангазейские дьяки, подьячие, служилые люди и татары, церковники Тобольской епархии, государственные пашенные и оброчные крестьяне, крестьяне Тобольского Знаменского монастыря, тобольские захребетные татары, люди князя Алачева, самаровские ямщики. Восточных товаров (стоимостью 585 руб. 9 алт.), взятых в счет двадцатой пошлины 15 июля 1640 г. и реализуемых тобольской таможней, было куплено представителями Азиатской России на 382 руб. 9 алт. (65,5 %), а приехавшими с «Руси» — на 203 руб. (34,5 %)⁷⁰.

Восточные товары приобретались не только «для себя», но и для перепродажи. Показательно, что некоторые лица, едва успев приобрести эти товары, стремились сразу же реализовать их в других местах. Так, торговый человек вычегжанин Семен Артемьев и промышленный человек устюжанин Артем Андреев повезли бухарский и «русский» товар в Березов 3 августа 1640 г., а тобольский посадский человек Девиат Паутов поехал с бухарским товаром туда же 8 августа 1640 г. У первых было товаров на 87,5 руб., а у второго — на 10 руб. 25 коп. Тобольский захребетный татарин Мелик Елусанов 7 августа 1640 г. явил, что он поехал в Ишимский острог «ради долговой взятки» и взял с собой «тобольской купли» 10 кафтанов азиатских зеенных ценою в 10 руб. и денег 10 руб. В этот же день «бухарской товар тобольской купли» пошел в Нижненицынскую слободу с торговым человеком лалетином Неустроем Дмитриевым. Товару было на 17 р. 82 к. В августе 1640 г. явил устюжанин промышленный человек Григорий Лазарев тобольской купли «русского» и бухарского товару на 10 руб. 25 коп., что «с ним идет на Тюмень и по слободам до Верхотурья». Тобольский юртовский бухаретин Однокул Панкулеев повез 20 августа 1640 г. в Тару тобольской купли бухарского и «русского» товара на 184 р. 25 к. 25 августа 1640 г. тобольский посадский человек Борис Коряков послал со своим приказчиком Ларионом Золколтином в Томск тобольской купли бухарского и «русского» товара на 504 руб. 25 алт.⁷¹

В общей стоимости этих семи партий товаров, отправленных из Тобольска в августе 1640 г. в Березов, Томск, Тару, Ишимский острог, Тюмень, Верхотурье, Нижненицынскую и иные слободы, на долю среднеазиатского товара приходилось 67,5 % (556 руб.), а на долю «русского» — 32,5 % (268 руб.). Подобное соотношение между рассматриваемыми товарными группами объясняется тем, что основной отпущек «русских» товаров в эти пункты в 1640 г. пришелся на июль — июль, а среднеазиатских — на август.

Из среднеазиатских товаров туда пошли 303 зеенни дюменди и пурбени на 118 руб. 9 алт. 2 ден., 3015 ари. бязи узкой на 90 руб. 15 алт., 20 бязей широких толстых на 12 руб., 3 бязи белые лощеные на 3 руб., 1670 ари. выбойки узкой на 60 руб. 6 алт. 4 ден., 13 полукисей на 13 руб., 2 кисей на 6 руб., 296 пестрадей на 116 руб. 14 алт. 2 ден., 3 мели на 3 руб., 68 кушаков на 20 руб. 21 алт. 4 ден., 5 фат белых на 1 руб. 16 алт. 4 ден., 94 кафтана азиатских зеенных на 87 руб. 13 алт. 2 ден., 3 рубашки бухарские на 1 руб. 16 алт. 4 ден., 2 дорожные ферези на 10 руб.; бухарская

замша на 6 руб. 4 ден.; фунт шелку на 4 руб.; 1,5 фунта бумаги синей «шיתי» на 25 алт., 0,75 пуда бумаги хлопчатой на 3 руб., 3 бухарских «чудинных» котла на 9 руб. В общей их стоимости (566 руб. 6 алт. 2 ден.) на долю хлопчатобумажных (302 руб. 31 алт.), пенных (116 руб. 4 алт. 4 ден.), шелковых (22 руб. 5 алт.) и льняных (3 руб.) тканей приходилось 78,5 % (444 руб. 17 алт. 2 ден.), одежды — 17,5 % (98 руб. 30 алт.), кож — 1 % (6 руб.) и прочего — 3 % (16 руб.).

Восточные товары, доставленные в Тобольск бухарскими караванами, реализовывались и в других городах, куда их отвозили или сами приезжие бухарцы, или их доверенные лица. Так, таможенные книги Тобольска 1654/55 и 1655/56 гг. зарегистрировали поездки приезжих бухарцев с товарами в Сургут, Тару, Тюмень, Пелым, Казань. 16 июля 1658 г. в Тобольск «приехал с Березова тобольский бухаретин Аршин Бабишев и явил у себя по березовской своей проезжей грамоте... что он выменял на Березове на посыльном бухарский товар приезжего бухаретина Нурума Бакеева 7 выдр средних и малых на 16 р., 2 шубы хребтовые белые на 6 р., 4 шубы хребтовые белы шиты из подпалей красных на 8 р., 3 шубы белы с белизнами на 6 р., 9 лисиц сиводушчатых красных на 9 руб. И всего тое у него мягкие рухляди на 45 р. И с тое у него с мягкие рухляди с приценки с 17 руб. 31 алт. 4 ден. государевы десятые пошлины взято 1 руб. 26 алт. 4 ден. А с 27 руб. 1 алт. 4 ден. с тое у него Аршина мягкие рухляди государевы десятые пошлины не взяты потому, что взята государева двадцатая пошлина в Тобольску у приезжего бухаретина у Нурума Бакеева с привозного его бухарского товару в прошлом 165 (1656/57.— О. В.) году и с приценки с того ж бухарского товару на Березове в нынешнем 166 (1657/58.— О. В.) году, а ту он Аршин мягкую рухлядь менял на Березове на тот его Нарумов посыльный бухарский товар, с которого его бухарского товару государева двадцатая пошлина взята в Тобольску и с приценки с того ж бухарского товару на Березове⁷².

Основная масса товаров распродавалась все же приезжими бухарцами в Тобольске. Торговля ими шла бойко. Дешевые, качественные и прочные бухарские товары разбирались быстро. Покупались они россиянами и «про свой домашний обиход», и для перепродажи. В последнем случае товары, приобретенные в Тобольске, незамедлительно развозились по Сибири местными и зауральскими торговцами. Самыми ходовыми покупными товарами являлись зеенни дюменди и пурбени, бязи узкие, широкие и лощеные, а также пестради.

Взамен распроданных товаров приезжие бухарцы приобретали российские и западноевропейские. Однако по приходным таможенным книгам Сибири получить исчерпывающие сведения о составе и структуре товаров, вывозимых из России через Тобольск приезжими бухарцами, не представляется возможным. Таможенной регистрации у приезжих бухарцев подвергались лишь те товары, которые были приобретены «сверх товарных денег», т. е. денег, вырученных от продажи ранее обложенных пошлинами товаров. В этом случае пошлиной облагалась только разница между стоимостью вновь купленного на «товарные деньги» товара и количеством «товарных» денег, ранее обложенных пошлиной. Так, 15 марта 1658 г. тобольские таможенники записали, что у приезжих бухарцев Муллыбаба Бенбабина и Кутаберда Бектемирова «объявилось сверх их привозного бухарского товару в тобольской покупке и русском товаре в приторгу 19 рублей и с тех с 19 рублей государевы десятые пошлины взято 1 р. 30 а.»⁷³.

Регистрировались также товары, с которых приезжим бухарцам приходилось платить десятую пошлину за продавцов. Это происходило тогда, когда купля-продажа совершалась вне гостинного двора и продавец в таможенно вместе с покупателем не являлся.

Так, 1 марта 1662 г. в тобольской таможене зарегистрирован сбор с Койсары Курумбакеева, человека приезжего бухаретина Курамбака Мевбакеева, 1 руб. 20 алт. Эти деньги в счет десятой пошлины Койсары Курумбакеев заплатил за продавцов товаров (15 лисиц красных на 12 руб. и 4 белых шубы на 4 руб.), купленных им «на базаре в розницу у всяких чинов людей»⁷⁴.

Но такие явления были редки, и поэтому приходные таможенные книги содержат лишь отдельные, эпизодические записи о покупке приезжими бухарцами «русских» и сибирских товаров. Выявление и анализ этих разрозненных данных о вывозе приезжими бухарцами на восток через Тобольск сибирских и «русских» товаров, приобретенных ими в Сибири и «на Руси» сверх «товарных» денег, имеют важное значение, ибо помогают определить как состав и структуру основной массы товаров, вывозимых приезжими бухарцами, так и товары, пользовавшиеся повышенным спросом у населения восточных стран.

Изучение материалов двадцати одной тобольской таможенной книги⁷⁵, подвергнутой статистической обработке, показывает, что в совокупной массе товаров, приобретенных в 1639—1699 гг. приезжими бухарцами в Тобольске и вне

его «сверх товарных денег», преобладали и по номенклатуре (38 из 60 названий), и по стоимости (4895,67 из 5254,85 руб.) изделия из животного сырья. Основное место среди них занимала «мягкая рухлядь». На ее долю приходилось 40,6 % (24 из 60 названий) совокупной номенклатуры и 58,1 % (3045,22 из 5254,83 руб.) совокупной стоимости. Особенно преобладали приезжих бухарцев пушные шкурки. Из «сверх товарных денег» было приобретено 1718 соболей на 1196,85 руб., 210 собольих пушков на 16 руб., 289 выдр на 586,5 руб., 4960 горностаев на 295 руб., 72 лисы на 50,2 руб., 5 недолисей на 3,2 руб., 9 лисенков на 5,2 руб., 550 корсаков на 55 руб., 14 бобров на 17 руб., 3 фунта бобровой черевы на 2,85 руб., 14 рысей на 28 руб., 1750 белок на 48,6 руб., 194 песца на 31,76 руб., 3 волка на 0,8 руб., 10 зайчи на 0,3 руб. В совокупных номенклатуре и стоимости вывозимых товаров это составляло соответственно 25,0 и 44,4 % (15 названий и 2337,26 руб.).

Пользовалась спросом со стороны приезжих бухарцев также бобровая и кабаргина струя — особое ароматическое и лечебное сырье, которого было приобретено 310 фунтов на 379, 4 руб., что составляло 7,2 % от совокупной стоимости купленных для вывоза товаров.

Из меховой одежды приезжие бухарцы «сверх товарных денег» купили 85 шуб белых за 145,2 руб., 70 мехов заячьих за 87,2 руб., 32 шубы заячьи за 31,5 руб., 2 шубы горностаевые за 12 руб., 8 собольих исподов за 3,2 руб., 10 бобровых шапок за 5 руб. и лисий испод за 8 алт. и 2 ден. Всего они приобрели меховой одежды на 284,35 руб. Эта сумма составляла 5,4 % девятинадцатилетней совокупной стоимости их вывоза на Восток через Тобольск.

Купили они и 40 фунтов моржовой кости за 45 руб. (0,8 % совокупной стоимости).

Второе место среди изделий из животного сырья занимали телятине и сафьяновые кожи. Их было куплено приезжими бухарцами 769 юфтей (пар) за 1411,5 руб., в том числе 4 юфти сафьянов за 6 руб. В девятинадцатилетней совокупной стоимости (5254,83 руб.) на долю кож приходилось 26,9 % (1411,5 руб.).

Третье место с удельным весом по номенклатуре 10,1 % (6 названий) и по стоимости 6,2 % (334,2 руб.) принадлежало сукнам и изделиям из них. Сукна лятчины приезжими бухарцами «сверх товарных денег» было приобретено 23 половишки на 149,5 руб., английского — 10 портиц и 15 аршин на 67 руб., гамбургского — 4 половишки и 5 арш. на 46 руб., сермяжного — 468 арш. на 66,2 руб., сукна кар-

машина — 2 арш. на 4 руб. Отсюда видно, какое сукно и каким спросом пользовалось у приезжих бухарцев.

Из суконной одежды они купили 3 сукмана (суконных кафтана) за 1,5 руб. Приобрели они также 10 фунтов шелку рижского на 40 руб., 4,25 фунта корольков (коралловых шариков, употреблявшихся вместо пуговиц на одежде, из корольков вытачивались и другие вещи) на 63 руб., безмен воску на 1 руб., 20 роговых гребней на 0,4 руб. и 50 клеев на 0,35 руб.

Приезжие бухарцы не обходили своим вниманием и металлические изделия. Они купили для вывоза на Восток 6,5 пуда медных котлов на 39,5 руб., 3 винтовки (пищали) на 15 руб., 30 топоров на 10,25 руб., 4500 оловянных пуговиц на 9 руб., 3700 игл узловых на 6 руб., 7 сабель с ножнами на 0,7 руб., 200 медных серег на 2 руб., литр мишуры на 1,2 руб., 10 ножей усольских на 0,7 руб. и 10 пил малых на 0,3 руб. В совокупной стоимости товаров, вывозимых бухарцами из России, металлические изделия занимали третье место (94,65 руб., или 1,8 %).

Четвертое место с удельным весом по стоимости 0,5 % (30,5 руб.) занимали изделия из растительного сырья (7 кисей на 14 руб., 10 саадаков на 15 руб., 6 деревянных блюд на 0,6 руб., 4 деревянных братины на 0,6 руб., 1,5 фунта бумаги хлопчатой на 0,3 руб.).

На долю изделий из минерального сырья (53 фунта пороха на 14 руб., 12 фунтов киновари на 10 руб., 26 ярославских зеркал на 1,8 руб., фунт яри на 0,92 руб., 30 круглых стекол на 0,3 руб.) приходилось 0,5 % (27,2 руб.). Из киновари — минерала красного цвета (сернистой ртути) — получали ртуть и красную краску, а из яри — ядовитой соли — добывали преимущественно зеленую или синюю краску. Эти краски широко использовались при окрашивании среднеазиатских тканей и других вещей.

В Tobольске приезжие бухарцы купили еще 15 «ясырей» (домашних рабов) на 173 руб. и 10 лошадей на 34 руб. Доля этих покупок в совокупной стоимости приобретенных приезжими бухарцами сибирских и «русских» товаров «сверх товарных денег» составляла соответственно 3,3 и 0,7 %.

Состав и структура товаров, приобретенных приезжими бухарцами в России для вывоза на Восток через Tobольск, в течение 1639—1697 гг. подверглись сильным погодным колебаниям (табл. 12). Из общего количества товарных наименований (60 названий) в вывозе 1639/40, 1668/69, 1696/97 гг. фигурировали 8, 1644/45 — 14, 1649/50, 1654/55 гг. — по 5, 1655/56 г. — 15, 1657/58, 1659/60, 1675/76, 1686/87 гг. —

Таблица 12

Динамика структуры товаров, приобретенных приезжими бухарцами «сверх товарных денег» в Tobольске и вне его (1639—1697 гг.)*

№ п/п	Группы товаров	Ед. измерения	1639/40	1644/45	1649/50	1654/55	1655/56	1657/58
1	Изделия из животного сырья	руб.	932	188	18	21	1167	45
	В том числе:	%	100	65,5	100	100	95,8	100
	пушнина	руб.	909	105	17	21	404	25
		%	97,6	36,6	94,5	100	33,5	55,5
	струя	руб.	—	4	1	—	—	—
		%	—	1,5	5,5	—	—	—
	одежда	руб.	23	1	—	—	20	20
		%	2,4	0,5	—	—	1,3	44,5
	кожи	руб.	—	43	—	—	505	—
		%	—	15	—	—	41,5	—
	сукна	руб.	—	27	—	—	182	—
		%	—	9,4	—	—	15,0	—
		%	9,4	—	—	—	—	15,0
	прочее	руб.	—	8	—	—	56	—
		%	—	2,7	—	—	4,5	—
		%	—	7	—	—	35	—
2	Изделия из металлов	руб.	—	2,4	—	—	2,8	—
3	Изделия из растительного сырья	руб.	—	0,6	—	—	15	—
		%	—	0,2	—	—	1,2	—
4	Изделия из минерального сырья	руб.	—	—	—	—	2	—
		%	—	—	—	—	1	—
5	Ясырь	руб.	—	91	—	—	—	—
		%	—	31,9	—	—	—	—
6	Лошади	руб.	—	—	—	—	—	—
		%	—	—	—	—	—	—
7	Разное	руб.	—	—	—	—	—	—
		%	—	—	—	—	—	—
Итого . . .		руб.	932	286	18	21	1219	45
		%	100	100	100	100	100	100

№ п/п	Группы товаров	Ед. измерения	1659/60	1661/62	1665/66	1668/69	1671/72	1674/75
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Изделия из животного сырья	руб.	107	54,08	4,4	173,7	309,8	402,5
	В том числе:	%	100	94,2	100	58,8	89,9	95,7
	пушнина	руб.	41	53	4,4	—	81,2	97
		%	38,1	94,2	100	—	23,6	23,1

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
	струя	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	218 51,9
	одежда	руб. %	59 55,1	— —	— —	— —	39,5 9	11 2,6
	ножи	руб. %	3 3,2	— —	— —	167 56,4	72,5 21	54 12,8
	сукна	руб. %	4 3,6	— —	— —	5,7 1,9	85,5 24,8	22,5 5,3
	прочее	руб. %	— —	1,08 0,6	— —	1 0,5	40 11,6	— —
2	Изделия из метал- лов	руб. %	— —	2,5 4	— —	4,5 1,1	19,6 5,7	— —
3	Изделия из расти- тельного сырья	руб. %	— —	— —	— —	— —	14,9 4,4	— —
4	Изделия из мине- рального сырья	руб. %	— —	1,22 1,2	— —	2 0,9	— —	17,9 4,3
5	Ясырь	руб. %	— —	— —	— —	82 27,7	— —	— —
6	Лошади	руб. %	— —	— —	— —	34 11,5	— —	— —
7	Разное	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Итого . . .		руб. %	107 100	57,8 100	4,4 100	296,2 100	344 100	420,4 100

г/г	Группы товаров	Ед. изме- рения	1675/76	1683/84	1686/87	1688/89	1690/91	1694/95	1696/97
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Изделия из живот- ного сырья	руб. %	294 91,5	54,3 100	354 110	96,25 100	80 100	269,5 100	368,9 100
	В том числе: пушнина	руб. %	— —	54,3 100	123 31,3	46,25 48,1	80 100	233 86,5	228,4 61,9
	струя	руб. %	— —	— —	110 —	— —	— —	16,5 —	— —
	струя	руб. %	— —	100 —	31,3 110	48,1 —	100 —	86,5 16,5	61,9 —
	одежда	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	— —	0,5 —
	ножи	руб. %	290 90,03	— —	115 32,5	5 5,1	— —	20 7,4	140 38
	сукна	руб. %	4 1,2	— —	6 1,7	— —	— —	— —	— —

Окончание табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	прочее	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
2	Изделия из метал- лов	руб. %	22 7	— —	— —	— —	— —	— —	— —
3	Изделия из расти- тельного сырья	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
4	Изделия из мине- рального сырья	руб. %	4,6 1,5	— —	— —	— —	— —	— —	— —
5	Ясырь	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
6	Лошади	руб. %	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
7	Разное	руб. %	— —	— —	— —	45 46,8	— —	— —	— —
Итого . . .		руб. %	320,6 100	54,3 100	354 100	96,25 100	80 100	269,5 100	368,9 100

* ПРАДА, СП, кн.: 44, 181, 263, 327, 348, 371, 412 и 419, 433, 490, 533, 562, 583, 611, 727, 802, 820, 989, 1078, 1118.

по 6, 1661/62, 1673/74 гг. — 10, 1665/66 г. — 2, 1671/72 г. — 21, 1683/84, 1688/89 гг. — по 4, 1690/91 г. — 1 и 1694/95 г. — 7 наименований.

Наибольшим видовым разнообразием отличался ассортимент товаров, приобретенных приезжими бухарцами в 1671/72 г., а наименьшим — в 1690/91 г. В первый состав товаров входили выдры, недолеси, рыси, горностаи, шубы и меха заячьи, шапки бобровые, сукманы (суконные кафтаны), сукно сермяжное, английское и гамбургское, кожи телятние красные и сафьяновые, шелк рязский, кисей, бумага хлопчатая, братины деревянные, медные котлы, топоры, ножи усольские, мишура, а во второй — одни горностаи.

Среди товаров, вывозимых приезжими бухарцами из России через Тобольск в анализируемый период, каждый год преобладали по стоимости изделия из животного сырья. В течение 11 лет на них приходилась вся стоимость вывоза, а остальные 8 лет их удельный вес не опускался ниже 58,8 %. Основными в этой группе товаров были пушнина и выделанные кожи. Из рассматриваемых 19 лет пушнину приезжие бухарцы не приобретали только в 1668/69 и 1675/76 гг., а кожи — в 1639/40, 1649/50, 1654/55, 1657/58, 1661/62, 1665/66, 1683/84 и 1690/91 гг. В остальные годы они их покупали. При этом в 1654/55, 1665/66, 1683/84 и 1690/91 гг.

пушнина являлась единственным товаром, вывозимым приезжими бухарцами из России на Восток. Во все другие годы удельный вес пушнины в стоимости купленных приезжими бухарцами товаров «сверх товарных денег» не падал ниже 23,1 % (1673/74), а удельный вес кож не поднимался выше 90,3 % (1675/76) и не опускался ниже 3,2 % (1659/60). Наиболее интенсивно кожи стали покупаться приезжими бухарцами с 1668/69 г. В 9-летнем периоде до этого кожи приобретались ими только 3 года (1644/45, 1655/56 и 1659/60), а из последующих 10 лет покупными годами были 8 (1668/69, 1671/72, 1673/74, 1675/76, 1686/87, 1688/89, 1694/95 и 1696/97).

Важно отметить, что при почти ежегодном вывозе приезжими бухарцами мягкой рухляди из Тобольска ее «сверх товарных денег» приобретал не каждый. Так, из прибывших в Тобольск 15 мая 1640 г. с бухарскими и калмыцкими товарами 49 среднеазиатских купцов и кашеваров пушнину «сверх товарных денег» покупали только 22 чел. Караважный голова Юмарт Казыев купил 40 соболей за 35 руб., Малмет Сулакулнев — 240 соболей за 220 руб., Чабач Чабаров — 40 соболей за 30 руб., Саметкул Мухтаров — 80 соболей за 50 руб., Маныдер Мамтирипов — 40 соболей за 25 руб., Барахмет Муллин — 40 соболей за 30 руб., Мамтирихан Маметев — 40 соболей за 32 руб., Бали Ямат Бакеев — 40 соболей за 30 руб., Мамет Маркиев — 55 соболей за 52 руб., 2 беличьи шубы за 3 руб., 3 выдры за 6 руб., 200 белок за 3 руб., Имаммет Лусаркиев — 40 соболей за 33 руб., Азим Асанов — 47 соболей за 43 руб., 2 шубы беличьи за 3 руб., Мелым Абызов — 80 соболей за 75 руб., Каранбак Шитимов — 40 соболей за 25 руб., Илик Асанов и Магоммет Шапов — 60 соболей за 45 руб., Килим Турдеев — 120 соболей за 40 руб., Авес Шагапов — 5 выдр за 12,5 руб., 5 ф. струи бобровой за 5 руб., 2 испода собольих за 2 руб., 200 белок за 3 руб., свидетельствуя тем самым об имущественном неравенстве в своей среде.

Другие изделия из животного сырья (бобровая и кабаргина струя, меховая одежда, сукна и галантерея) приобретались ими 5 лет, а меховая одежда и сукна — 8 лет из 19. Удельный вес струи в годовой стоимости вывозимых приезжими бухарцами сибирских и «русских» товаров в эти 8 лет не падал ниже 1,5 % (1644/45) и не поднимался выше 51,9 % (1673/74), а удельный вес галантереи из животного сырья колебался в пределах 0,5—11,6 %. Доля меховой и суконной одежды (3 сукмана — 1,5 руб.) в суммарной по годам ее приобретения приезжими бухарцами стоимости товаров со-

ставляла от 0,1 % (1696/97) до 55,1 % (1659/60), а сукна — от 1,2 % (1675/76) до 24,8 % (1671/72). Показательно, что снижение интенсивности покупки приезжими бухарцами меховой одежды компенсировалось приобретением сукон.

Изделия из металлов покупались приезжими бухарцами 5 лет из 19. Доля их в годовой стоимости товаров колебалась от 1,1 (1668/69) до 5,7 % (1671/72). Состав металлических изделий показывает, что он был рассчитан на продажу приезжими бухарцами степным кочевникам и на поддержание ими своей безопасности при проезде в Среднюю Азию.

Покупка приезжими бухарцами изделий из минерального сырья имела место только в 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1673/74 и 1675/76 гг. В суммарной по этим годам стоимости товаров на долю изделий из минерального сырья приходилось соответственно 1; 1,22; 2; 17,9 и 4,6 %.

Изделия из растительного сырья прослеживаются в ассортименте покупаемых приезжими бухарцами «русских» и сибирских товаров на вывоз в 1644/45, 1655/56 и 1671/72 гг. В указанные годы удельный вес этих изделий в годовой стоимости товаров, приобретенных бухарцами, равнялся соответственно 0,2; 1,2 и 4,4 %.

По частоте ежегодных покупок приезжими бухарцами в течение 19 лет все товары располагаются в следующем (убывающем) порядке: выдры и кожи телятинные (по 10 лет), соболи и лисицы (по 7 лет), горностаи и шубы беличьи (по 6 лет), белки и струя бобровая (по 5 лет), песцы, сукно сермяжное и оловянные пуговицы (по 4 года), пунки собольи, корсаки, недолисы, бобры, бобровая черевись, струя кабаргина, меха заячьи, сукно лятчина, английское и гамбургское, медные серьги, зеркала ярославские, киноварь и ясырь (по 2 года), шубы заячьи, медные котлы, иглы узловые и порох (по 3 года), лисенки, рыси, зайцы, волки, собольи исподы, лисьи исподы, бобровые шапки, шубы горностаевые, сукманы, кожи сафьяновые, сукно кармазин, клей, корольки, гребни роговые, воск, шелк, кость моржовая, топоры, пилы малые, ножи усольские, винтовки (пищали), сабли с ножнами, мишура, кисей, хлопчатая бумага, деревянные блюда и братины, саадаки, круглые стекла, ярь и лошади (по году). Товары, покупаемые в течение 10—7 лет из 19, следует отнести к товарам повышенного спроса, встречающиеся в покупках приезжих бухарцев в течение 6—3 лет — к товарам среднего спроса, а все остальные — это товары пониженного спроса.

Таким образом, повышенный спрос со стороны приезжих бухарцев имели такие товары, как выдры, кожи телятин-

ные, соболы и лисицы. В группу товаров среднего спроса входили горностаи, беличьи шубы, белка, струя бобровая, песцы, сукно сермяжное, оловянные пуговицы, шубы заячьи, медные котлы, иглы узловые и порох. Все остальные товары, в том числе западноевропейские сукна, ярославские зеркала и бобры, попадают в категорию «русских» товаров, пользовавшихся у приезжих бухарцев в 1639—1697 гг. повышенным спросом.

Приведенные данные существенно дополняют и корректируют свидетельства бухарского посла Хадики Фарруха о составе и структуре бухарского вывоза «с Руси». Прибыв в Москву через Тобольск в 1674 г., Хадики Фаррух говорил, что «русские де товары у них zelo потребны: соболы, сукна, зеркала, выдры, бобры, меха белыя и заячьи, горностаи, корольки. И есть ли меж царским величеством и ханом бухарским пересылки частые учинятся и торговые люди на обе стороны будут ходить, то на русские товары на сукна и юфти красные будут у них в Бухаре выменять камни и атласы и каменья ялы, и иные дорогие индийские всякие товары и серебро и золото...»⁷⁶. При этом надо иметь в виду, что доля кож в стоимости «русских» товаров, приобретенных приезжими бухарцами в Тобольске на вывоз в Бухару «сверх товарных денег», была значительна. В 1639/40 г. она равнялась 15 %, в 1655/56 г. — 41,5, в 1659/60 г. — 3,2, в 1668/69 — 56,4, в 1671/72 г. — 21, в 1673/74 г. — 12,8, в 1675/76 г. — 90,03, в 1686/87 г. — 32,5, в 1688/89 г. — 5,1, в 1694/95 г. — 7,4 и в 1696/97 г. — 38 %.

Большим годовым колебаниям подвергалась и общая стоимость сибирских и «русских» товаров, приобретенных в анализируемые 19 лет приезжими бухарцами «сверх товарных денег» для вывоза на Восток. Наибольшую стоимость эти товары имели в 1655/56 г. (1219 руб.), а самую низкую — в 1665/66 г. (4,4 руб.). Суммарная по отдельным годам стоимость в 285—420 руб. была наиболее распространенной. При этом общая стоимость товаров, приобретенных с 1639 по 1666 г. (2690 руб.), была на 75 руб. больше совокупной стоимости товаров, купленных с 1668 по 1697 г. Следовательно, в первой половине рассматриваемого периода приезжие бухарцы покупали товаров в Тобольске «сверх товарных денег» больше, чем во второй.

Среднеазиатские купцы играли важную роль в становлении и развитии торговли России с Востоком через Тобольск. Они были основными, но не единственными, как утверждают некоторые авторы⁷⁷, поставщиками россиянам восточных товаров. Доля товаров среднеазиатских купцов в годовой

стоимости восточного импорта в Тобольск в период с 1639 по 1671 г. составляла 53,1—99,3 %, а в города «Руси» — только 0,7—46,9 %. Лишь с переносом центра этой торговли из Тобольска на Ямышевскую ярмарку положение изменилось.

На Ямышевской ярмарке в обмен на российские и иностранные товары (выделанные кожи — телитинные красные, ошойки, полти белые; сукна — лятчины, английское, гамбургское, кармазин, насторофиль, яранга, шептуха, одицовое, сермяжное, холсты, крашенные; металлические изделия — медные котлы, тазы, оловянные блюда, «кунганы»; топоры, косы-горбуши, прутное олово, уклад, слюдяные окончины; меха — выдры, горностаи, белок, зайцев, меховая одежда — беличьи и заячьи шубы, галантерея — иглы-шпанки, медные серьги, роговые гребни, белый блесер, красные корольки, одежда — опашни сермяжные и лятчинные, деревянные изделия — блюда и ставцы, воск, писчая бумага, осетровый и стерляжий клей) российские торговцы получали от прибывших на ярмарку из Китая, Джунгарии, Бухары и «Колмакии» среднеазиатских купцов и калмыков китайские, «аркецкие» (иркендские) и бухарские хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани, ремень, бабьян, корицу, чай, «цинные блюда» и чашки, хлопчатую бумагу, калмыцкий скот, мерлушки (каракуль) и исырей.

Основную массу закупленных на Ямышевской ярмарке восточных товаров доставляли в Тобольск и другие города России уже не среднеазиатские, а российские купцы, так как первые, расторгнув здесь, отправлялись прямо в Среднюю Азию и Китай, чтобы на следующий год снова прийти сюда с восточными товарами, а «колмаки и прочие — в улусы свои»⁷⁸.

Среднеазиатские купцы показали русским и основные торговые пути, по которым можно было достичь Средней Азии и Китая. Одна из этих дорог, так называемая Ишимская, шла от Тобольска вверх по Иртышу и Вагаю на Абдашский (Атбашский) острог, затем переходила на Ишим до Каменного брода, оттуда направлялась «прямо на зимний полдень» в сторону города Туркестана, не доходя до которого 6 дней разветвлялась на две — к «казакским» (казахским) владениям и калмыцкую. Далее от города Туркестана в сторону Бухарских владений эта дорога пересекала р. Сырдарью и направлялась к колодезю Дерт-Кутук, откуда через три колодезья степью доходила до колодезья Антлы и заканчивалась наконец у города Бухары. На прохождение пути от Туркестана до Бухары требовалось около 15 дней. Но

иногда на переезд из Бухары в Тобольск тихим ходом тратили не 11 недель с днем, как здесь получается, а три месяца, как на это израсходовал бухарский посол мулла Фаррух в 1669 г.

Кроме Ишимской дороги была еще «дорога внешнего пути в Казачью орду» — Ордынская. Она шла слободами вверх по Тоболу. На эту дорогу был путь и из Тобольска, и из Тюмени. Из Тобольска он тянулся вверх по Тоболу. Из Тюмени же на Тобол, в район верхних тобольских слобод, попадали степью через устья рек Обуги и Уй. «И от тех верхних тобольских слобод с Царева городища и из Утянкой и Калмыцкой» дорога направлялась через степь к тому же Ишиму, перейдя который Большою Лукою, прозванием Удутагой, выходила к Каменному броду. Здесь она встречалась с Туркестанской дорогой, «лежащей прямо на зимний полдень». На весь этот путь до соединения с Ишимской дорогой и до Туркестанской уходило 10 дней. В целом расстояние от Тобольска до границ Туркестана по этому Ордыско-Туркестанскому направлению покрывалось, очевидно, за 40 дней.

Имелся, по-видимому, еще и третий путь, выводивший торговых людей к верховьям Ишима, в Туркестанской дороге. Этот путь тянулся по левому берегу Иртыша и от Тобольска через Тару, на которую выходили из Томска через Барабинскую степь, до расположенного напротив Чернолудского острога речного загиба, затем поворачивал на юго-запад и, пройдя по степи солидное расстояние, неожиданно появлялся в верховьях Ишима; перейдя Ишим в районе Каменного брода, он встречался с Ишимской и Ордынской дорогами, образуя Туркестанскую дорогу.

В город Туркестан можно было попасть и другим путем: поднимаясь по Иртышу судами до озера Ямыш, а затем пройдя на конях степью до Туркестана с верховьев Иртыша в Китай²⁰.

Бухарские караваны приходили в Тобольск в основном по Ишимо-Вагайской дороге. На эту дорогу, «не займывавшую» Тары и Тюмени, тобольской таможене пришлось для встречи караванов дважды в 1655 г. высылать целовальников на взятых «в наем» у тобольских жителей «лодке-набойнице» и лошади. В сентябре бухарские караваны тобольские целовальники встречали на устье р. Ашлык, а в октябре — у Атбашского острога. Навстречу идущим по Ишимо-Вагайской дороге бухарским караванам тобольские таможенники выезжали также «до Ашлыку» и «до Атбаша» и в 1657/58, и в 1659/60 гг. В 1672 г. «через Вагай в Колмыцкую

землю» поехали из Тобольска приезжие и тобольские бухарцы. Этой дорогой бухарские купцы доставляли товары еще Кучуму²¹.

Оседание бухарцев на жительство в Сибири началось еще до Кучума, продолжалось при нем и не прекращалось в последующее время. Русское правительство, заинтересованное в развитии торговли с восточными странами, благосклонно относилось к бухарцам, переселившимся на постоянное жительство в Сибирь. Оно даже стимулировало это переселение разными льготами. Переселившиеся сюда на постоянное жительство бухарцы освобождались от тягла и оброков. Грамотой Михаила Федоровича от 3 ноября 1644 г. им было обеспечено содействие властей и неподсудность при торговых поездках на Русь. С них была снята ямская повинность. Они не платили выделного хлеба, не несли повинностей с посадскими людьми. Грамота 1686 г. давала им право проезда по русским городам и слободам вплоть до Архангельска и Астрахани и свободу от суда, кроме уголовных дел. В марте 1701 г. бухарцы получили право пользоваться сданными, закладными, купленными землями и свободой от несения тягла и служб²². Такие льготы раздражали русское население, и оно требовало лишения сибирских бухарцев их привилегий. Так, еще в 1646 г. тобольские посадские люди своей челобитной сообщали царю следующее: «А юртовские, государь, тобольские бухарцы живут в Тобольске и торгуют торгами в городе и во всех сибирских городах и к Руси ездят и у города Архангельска торгуют и приказчиков всюду отпускают. А те, государь, бухарцы люди прожиточные ... рублей по тысяче и по две и по три тысячи и по четыре, а один бухарец Муратом (зовут. — О. В.), а живота у него есть тысяч за двадцать, а тех, государь, бухарцев лутчих тридцать два человека, опричь молотных людей, да у тех же, государь, бухарцев дворы многие со всякими угодыя и пашни большие, а в твою, государь, казну с своих животных податей не платят и с пашен своих выделного хлеба пятого снопа не дают и с нами, сиротами твоими, вместе государевых служб не служат, изделия не делают... а служат все легкие службы»²³. Челобитная заканчивалась словами: «Вели, государь, тем тобольским всем юртовским бухарцам с нами, сиротами твоими, вместе всякие твои государственные городские и отъезжие службы служить, изделия делать»²⁴.

В конце XVII столетия правительство попыталось обложить бухарцев податями наравне с прочими жителями Сибири. 28 марта 1698 г. выходит указ о взимании с бухарских

земель податей, а с торговых бухарцев — оброка, смотря по пожиткам и промыслам, «потому, что они многие годы живут во льготе, землями владеют, утеснения и обид в их вере нет; а русские посадские и татары служат в службе; и того нет и в бусурманских странах, чтоб пришлому иностранцу жить без всякой дани и землями владеть и торговать свободно»⁸⁴. С целью приведения их земель в известность в Тобольск был прислан переписчик Иван Качанов, который стал облагать бухарцев налогом: с ржаной десятины — по две гривны, с овса и ячменя — по гривне, а с сенных покосов — по деньге в год. Это вызвало со стороны тобольских бухарцев просьбу, поданную, как известно из царской грамоты сибирским воеводам, муллою Акеютком Алимовым 16 июля 1761 г., в которой они напоминали Петру I, что «в прошлых де годах деда и отцы и они, услыша нашу великого государя милость, оставя в своей земле отцов и матерей и родственников и жен и детей и дома и пожитки, выехали под нашу великого государя самодержавную руку, в Сибирь в Тобольск... и по нашим де грамотам 153, 157, 177 и 195 г. и по 1700 г., для их иноземства и за выезд, выдельного и пятинного хлеба и пятые и десятые денег и тягла и оброков имать и с посадскими русскими людьми в тягло писать, ни какими службами их не велено тяготить, и на купленных и зданных и закладных их землях истари никаких оброков не бывало»⁸⁵. Поэтому бухарцы просили царя, ради их иноземства, а также ввиду разорений от недавних пожаров и наводнений, «убавить оброк на 5 алтын с ржаной десятины и на 10 денег с яровой десятины». Петр I, еще нуждаясь в их посредничестве в своих сношениях со Средней и Центральной Азией, пошел им навстречу и уважил их просьбу. Окончательно всех своих привилегий бухарцы были лишены в 1834 г.

Получив большие привилегии и лично заинтересованные в торговом и ином посредничестве между Россией и восточными странами, бухарцы стали охотно переселяться на постоянное жительство в сибирские города. Их поселения возникали в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске и Кузнецке.

Бухарцы, в разное время выезжавшие в Сибирь и поселившиеся в ней, составили особое сословие в сибирском населении. Исторические сведения о первых переселениях бухарцев в города Сибири скудны, ибо «сказки», собранные с них по указу от 28 марта 1698 г. в тобольской приказной палате о том, что «давно ли они, из каких земель выехали и по каким данным владеют землями и дворами», сохранились в незначительном количестве⁸⁶.

Опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении сведения, можно сказать, что в Тобольске бухарцев числилось в 1631—1632 гг. 59 чел. взрослых мужчин, в 1636 г. — 44, в 1646 г. — 32 чел. лучших, «опричь молотчих» людей. В Тарском уезде бухарцев, живших в трех юртах, в 1622—1623 гг. насчитывалось 21 чел.; в Таре в 1672 г. было 53 бухарских двора, в 1689 г. — 34, в 1701 г. — 84; в Тюменском уезде в 1686—1687 гг. — 29 бухарских дворов, в 1701 г. — 49. В Тобольской губернии по седьмой ревизии 1815—1825 гг. насчитывалось бухарцев в округах: в Тобольском — 1404 души, в Туринском — 5 душ, в Тюменском — 977, в Тарском — 935, в Ялуторовском — 43 души. В Томске бухарцев было 131 чел.⁸⁷

По данным тобольских таможенных книг, в торговой части тобольского юртовского бухарского населения, принимавшего непосредственное участие в торговле на тобольском рынке, в 1639/40 г. насчитывалось 33 чел., в 1644/45 г. — 24, в 1647/48 г. — 14, в 1649/50 г. — 23, в 1655/56 г. — 23, в 1661/62 г. — 15, в 1668/69 г. — 19, в 1669/70 г. — 17, в 1670/71 г. — 18, в 1676/77 г. — 17 и в 1686/87 г. — 19 чел.⁸⁸

Главным занятием сибирских юртовских бухарцев была торговля. Они, как отмечает официальная справка 1635 г., «в Тобольску, и на Тюмени (владеют. — О. В.) лавками и, отъезжая в сибирские города, русскими и бухарскими товарами и мягкую рухлядь торгуют и в колмаки для торгов же ездят»⁸⁹.

В торговой деятельности на тобольском рынке в 1639—1703 гг. участвовали, хотя и с разной интенсивностью, юртовские бухарцы Тобольска, Тары, Тюмени, Томска, Уфы, Казани и Астрахани, оперируя с сибирскими, «русскими», казачьими, среднеазиатскими, джунгарскими, китайскими товарами. Они реализовывали эти товары и в других местах, выторговывая на них тарскую, березовскую, сургутскую, томскую пушнину, меховые изделия, лосиные кожи, томский хмель, уфимский мед и воск, астраханские товары, сибирский слободской хлеб, обскую рыбу, сибирские, уфимские, казанские выделанные кожи и другие товары местного промышленного производства. Торговые операции сибирских, уфимских, казанских и астраханских бухарцев в Астрахани, Казани, Уфе, Тюмени, Тобольске, Таре, Березове, Сургуте и Томске способствовали укреплению экономических связей между этими пунктами и усилению товарного выхода их продукции⁹⁰.

Торговля как профессия, передаваемая из поколения в поколение, привела к сложению у сибирских торгующих

бухарцев настоящих фамильных купеческих домов, где куплей-продажей товаров занималось все взрослое мужское население. Семейная кооперация в торговле позволяла сибирским тобольским бухарцам Алиму Сулейманову с братьями Назарметом и Муратом, сыновьями Сулиманом, Аршаком и Лятипком и племянником Байандой, Сеит Сентову с сыном Назарметом, Курмамет Сеитмаметову с сыном Сейдином и племянником Кулашем, Чиняш Бабаичеву с братом Аязеом и с племянниками Салеем и Маметом, Падыр Бакееву с сыновьями Анткулом и Кутайгулом, Ших Шихову с братьями Сульяком и Юсуфом успешно торговать одновременно разными товарами в различных местах на протяжении целых десятилетий подряд (1639—1703 гг.)⁹¹.

Тобольские бухарцы Бакей Епаров (Чафаров) и Чиняш Бабаичев (Бабицев) со своими родственниками Салеем (Алеем) и Шибаш Аязеевыми совмещали занятия торговлей с портняжничеством и шили из купленных сукон руками калмыцких ясырей сермяжные зипуны, фереширные киндыки, зипуны из лятчины, азямы из сермяжного, гамбургского и английского сукон, которые потом отвозили на продажу в Тару. Тобольский юртовский бухаретин Мирбакей Абдеев, вместе с братом своим Назармаметом занимаясь торговлей, продавал ремесленные изделия, изготовленные его людьми, и пушнину, добытую для него тобольскими захребетными татарами⁹².

Некоторые из тюменских бухарцев совмещали занятия торговлей с изготовлением кож, производством ковров, шитьем одежды как для домашнего употребления, так и для рынка. Кожки красные и черные «своего промыслу и работы» тюменские бухарцы поставляли на тобольский рынок в 1709—1714, 1716, 1721 гг. «Своей работы шитья» азямы тюменские бухарцы отправляли в 1704 и 1727 гг. в Уфу и Тобольск. Занимаясь этими промыслами, они содействовали развитию в Сибири кожевничества и портняжничества. Приписывание же бухарцам, как это делают Г. Н. Потанин, К. Голодяников, С. В. Бахрушин, заложения в Тюмени и других сибирских городах основы кожевного производства противоречит данным современного сибиреведения. Работами О. Н. Вилкова, Д. Н. Кошлова и других было аргументированно доказано, что создание и развитие сибирского кожевничества было связано главным образом с деятельностью русского, а не бухарского населения.

В торговые операции сибирские бухарцы вкладывали значительные средства. Только по официальной справке, у тобольских бухарцев 1632/33 г. было в торговле как в са-

мом Тобольске, так и в других городах товаров на 3166 руб. 22 алт. 3 ден., в 1633/34 г. — на 2738 руб. 25 алт. и в 1634/35 г. — на 1827 руб. 16 алт. 4 ден.⁹³

Среди сибирских бухарцев встречались довольно крупные купцы, торговые операции которых охватывали Азиатскую и Европейскую Россию, Колмакию, Среднюю Азию, Джунгарию, Монголию и Китай. На внутреннем российском рынке довольно успешно подвизались кланы тобольских юртовских бухарцев Алима Сулейманова и Мирбакея Абдеева, а клан тобольского юртовского бухарца Сеиткула Абдина, о котором скажем в другой связи, вел и внутреннюю, и внешнюю торговлю. Алим Сулейманов, владелец двух лавок, торговал вместе с братьями Муратом и Назарметом, сыновьями Сулиманом (Сулейманом), Аршаком, Лятипком и племянником Байандой Муратовым в 1632/33 г. на 696 руб., в 1633/34 г. — на 278, в 1634/35 г. — на 376, а в 1639/40 г. — на 1591 руб. В 1639/40 г. торговые интересы Алима и Мурата Сулеймановых были прикованы к приобретению у тобольских захребетных и служилых татар кож досинных и мягкой рухляди, которых они купили на 1017 руб. 31 алт. При этом Алимом были куплены 103 досинные кожи за 717 руб., а Мурат приобрел мягкой рухляди (3 лисьи хребтовые шубы — 15 руб., 82 хвоста кунных — 2 руб. 18 алт. 4 ден., 28 кунниц — 11 руб. 6 алт. 4 ден., 22 кашлока и ярца — 30 руб., 52 бобра рыжих — 106 руб., 3 бобра больших — 9 руб., 9 росомах — 9 руб., 16 красных лисиц — 11 руб. 6 алт. 4 ден., 5 недолисей красных — 1 руб., 698 белок — 10 руб. 5 алт. 4 ден., 365 собольих хвостов — 36,5 руб., 270 пунков собольих — 27 руб., 28 фунтов черевеси бобровой — 32 руб.) на 300 руб. 31 алт. Из этой и бывшей у них ранее мягкой рухляди Алим Сулейманов продал приезжим бухарцам 387 соборей за 375 руб., 2 шубы беличьи за 6 руб., 4 собольих испода за 2 руб., 0,5 пуда струн бобровой за 20 руб., а вятчанину торговому человеку Александру Данилову 4 досинные кожи за 8,5 руб., т. е. всего на 401,5 руб. Алим и Мурат Сулеймановы в 1639/40 г. привяли участие в покупке распродававшихся тобольской таможенной собранных «в государеву таможенную двадцатую пошлину» калмыцких, бухарских и китайских товаров, каковых они, преимущественно тканей, верхней одежды и мерлушек, приобрели вместе на 51 руб. 10 алт. 4 июня 1640 г. Мурат Сулейманов повез «через Камень к Руси» на четырех судах купленные в Тобольске сибирские и бухарские товары, «а с ним в работниках пошло 8 чел. гулящих людей». Кроме того, 27 июля 1640 г. Алим Сулейманов послал к Руси на товарную по-

кушку с приказчиком гостинной сотни торгового человека Исаака Ревякина Филиппом Гавриловым к брату своему Назармету Сулейманову 80 руб. денег. К Ямыш-озеру на продажу Сулеймановыми было отпущено пушнины всего на 27 руб.

Хотя после 1640 г. сам Алим Сулейманов и перестал уже фигурировать на страницах таможенных книг, но его торговое предприятие продолжало успешно функционировать, являя в тобольской таможне лосиные шкуры и мягкую рухлядь, приобретаемые его родственниками, приказчиками и компаньонами в Тобольске, Таре, Березове, Сургуте, Томске на явленные и на «товарные деньги», вырученные от распродажи в этих пунктах «русских», калмыцких, бухарских и китайских товаров, привозимых ими с Руси, Колмакии, Ямышевской ярмарки, а также приобретенных в Тобольске. Так, в марте 1645 г. Мурат Сулейманов, которого тобольские посадские считали в 1646 г. самым богатым бухарцем, явил, по верхотурской проезжей грамоте, «русского» товара на 4521 руб. 32 алт., а в июне 1656 г. на его «товарные деньги», вышедшие с «русского» и бухарского товара, было куплено для него в Томске тобольским служилым татаринцем Онес Бакеем Кулмамметевым пушнины на 421 руб. 7 сентября 1661 г. тобольский захребетный татарин Алмамет Алыбаев доставил из Березова тобольскому юртовскому бухаретину Сулиману Алимову березовской покупки мягкой рухляди и кож лосиных на 100 руб. 16 алт. 4 ден. Десятая пошлина была взята лишь с приценки (с 27 руб.) в размере 2 руб. 23 алт. 2 ден., а «с 73 рублей 16 алтын 4 денег с тое у него Алмаметка с мягкие рухляди и кож лосиных великих государей десятые пошлины не взята потому что взята великих государей десятая пошлина в Тобольску у тобольского юртовского бухаретина у Сулимана Алимова с тобольские покупки русского товара и с явленных с его с денег в прошлом 169 г. (1660/61 г. — *О. В.*) с приценки с того же с русского товара на Березове, а ту он Алмаметко мягкую рухлядь и лосиные кожи покупал на Березове на те его Сулимановы товарные и на посыльные деньги, с которого у него с товару и с денег великих государей десятая пошлина взята в Тобольску и с приценки на Березове»⁹⁴. 29 мая 1662 г. тобольский юртовский бухаретин Сулиман Алимов послал по соль к Ямыш-озеру 8-саженный дощаник с тобольским юртовским бухаретинцем Ягунком Мамедовым.

Представителями этого торгового дома в тобольской таможне было явлено товаров в 1644/45 г. на 4521 руб., в 1649/50 г. — на 21,5; в 1655/56 г. — на 421; в 1661/62 г. —

на 1020 (в том числе денег 620 руб.), в 1668/69 г. — на 184,25; в 1669/70 г. — на 28,5 и в 1675/76 г. — на 162,8 руб. О значимости торгового дома Алима Сулейманова свидетельствует хотя бы то, что его сын Максютка Алимов был муллою, а Мурзам Баиядин — сын его племянника Баиянды Муратова — являлся в 1668/69 г. целовальником тобольской таможенной избы⁹⁵.

Другой крупной фигурой торгово-промышленного мира тобольских юртовских бухарцев был Мирбакей Абдеев. Он вместе с братьями Назармамметом и Сабакеем и сыном Дошукком развернул интенсивную деятельность по мобилизации тобольской, тарской и березовской пушнины, меховых изделий, кож лосиных. Выторгованные на них в Тобольске и на Руси «русские» товары он затем вместе с оставшейся мягкой рухлядью отправлял на сделанных на его средства в Тобольске дощаниках на Ямышевскую ярмарку ради привоза оттуда восточных товаров, в том числе и копытчатого ревеня, и добытой из Ямыш-озера соли. Дощаники его обслуживались наемными работниками. Часть продаваемых им лосиных кож добывалась «его людьми». Работники Мирбакея Абдеева также «шили» из купленных им в Тобольске сукон «кафтаны азияские сермяжного сукна», которые продавались затем в Тобольске и Таре. Торговые связи с Березовом, Тарой, Казанью, Колмакией и Ямышевской ярмаркой он поддерживал не только лично, но и через своих родственников и приказчиков, в роли которых выступали тобольские и тарские бухарцы. В марте 1648 г. Мирбакей Абдеев сам повез в Казань купленную в Тобольске пушнину на 50 руб., а также погнал туда «58 доморощенных коней и кобыл на 114 р.» В 1639/40 г. в тобольской таможне им и его родственниками было явлено товаров и денег на 3464 руб. 5 алт. 2 ден., в 1644/45 г. — на 28 руб., в 1648 г. — на 164 руб., в 1649/50 г. — на 140 руб., в 1652/53 г. — на 78 руб. 18 алт. 4,5 ден., в 1655/56 г. — на 274 руб., в 1661/62 г. — на 253,5 руб., в 1668/69 г. — на 100 руб.⁹⁶

Из тюменских, тарских и томских юртовских бухарцев особенно выделяются размерами торговых операций томич Ширинко Ариев, тарчанин Кулайко-Ангулин и тюмонец Мамесентко Ковжанов. Томский бухарец Ширинко Ариев, приехав из Томска в Тобольск, явил в тобольской таможне 3 октября 1654 г. 35 пудов «кореню ревеню копытчатого» ценою в 630 руб. и 16 пудов «кореню ревеню черенкового» ценою в 144 руб., всего 51 пуд на 774 р. Этот «корень ремень» входил в состав бухарских товаров, привезенных им из Средней Азии в 161 (1652/53. — *О. В.*) г. В 1647/48 г. тар-

ским бухарцем Кулайком Ангулиным было явлено в тарской таможне на отвоз в Тобольск охотничье-промысловых товаров на 160,75 руб. и привезено «русских» товаров «тобольской купли» на 295,5 руб. В 1653/54 г. Кулайко Ангулины послал и сам отвез мягкой рухляди в Тобольск на 411,2 руб. и привез оттуда «русского» товара на 425 руб. 30 ноября 1652 г. тюменский бухарец Мамесентко Ковжанов явил в тобольской таможне привозу своего «из калмыков» 7 пудов 5 гривенок «кореню ревеню копытчатого» ценою в 106 руб. 29 алт. 1 ден. и 4 пуда 30 гривенок «кореню ревеню черенкового» ценою в 9,5 руб., всего 11 пудов 35 гривенок на 116 руб. 12 алт. 3 ден. Для сопоставления отметим, что стоимость отдельных явок привезенного в 1652 г. в Тобольск «из калмыков» кореня ревеня у тобольских бухарцев колебалась от 5 руб. 2 алт. до 135 руб. 32 алт. 3 ден., а у приезжих бухарцев — от 53 руб. 8 алт. 2 ден. до 506 руб. 8 алт. 2 ден.⁹⁷

Сибирское бухарское купечество выполняло также и ответственные поручения русской администрации финансово-го, торгового и дипломатического характера: различные службы в сибирских таможнях и на Обдорской, Собской и Киртасской заставах, участие в оценке и продаже казенной мягкой рухляди на Ямышевской ярмарке, торговлю казенными, а также государственными таможенными товарами в Средней Азии и Китае, прием «юровой» рыбы на «юровом плесе», участие в качестве «вождей» и переводчиков в дипломатических посольствах русских в «Колмакню», Среднюю Азию и Китай⁹⁸.

Правительство, давая такие ответственные поручения сибирским бухарцам, учитывало их деловую опытность, верно-подданические чувства к России, личное знакомство с восточным миром, знание языков, привычку к далеким торговым поездкам и умение вести торговые и дипломатические дела. Оказываемое им доверие большинство из них стремились подтверждать наилучшим выполнением полученных от правительства заданий. Примером этому является торгово-дипломатическая деятельность тобольского юртовского бухарца Сенткула Аблина во время его пребывания в Китае в составе трех российских посольств.

Самые ранние упоминания о торговых операциях Сенткула Аблина в записях тобольских таможенных книг относятся к 1639/40 г.⁹⁹ Одна из этих записей фиксирует, что 7 ноября 1639 г. «приезжий торговый человек Ярославец Ортюшка Микифоров купил... у тобольского бухаретина у Сенткула Аблина 10 пупков собольих за 25 алтын, 10 горно-

стаев за 10 алтын и 3 деньга». Вторая запись от 26 февраля 1640 г. свидетельствует о том, что «торговый соликамский человек Агашка Павлов» купил «у юртовского бухаретина Сенткула Аблина одну лосину» за 2,25 руб. В третьей записи сказано, что 27 февраля 1640 г. явил усалец торговый человек Дмитрий Иванов, что «он купил у юртовского бухаретина Сенткула Аблина 6 лосин венских» за 13,5 руб. Поскольку все рассмотренные нами тобольские таможенные книги 1636—1700 гг. свидетельствуют что «Сенткула Аблина» и «Сенткул Аблин» — это одно и то же лицо, то «самым ранним упоминанием о нем является» не запись от 26 февраля 1640 г., как полагает А. Ю. Филиппов¹⁰⁰, а запись от 7 ноября 1639 г. Всего в этом году Сенткулом Аблиным было явлено в тобольской таможне товаров на 16 руб. 27 алт. 1 ден.¹⁰¹ Кроме самого Сенткула Аблина, тобольская таможенная книга 1639/40 г. зафиксировала еще двух Аблиных — Курмана (Курмана) и Мамея. О первом было сказано, что он 1 июня 1640 г. купил у тобольского захребетного татарина Енинкея Байкова 4 средних выдры за 10 руб., а до этого, продав в Тобольске пушнина на 135 руб., отбыл вместе с тобольским юртовским бухаретином Курмаметом Сентмалетовым на сделанном в Тобольске дощанике к Ямыш-озеру и повез с собой «русского» товара на 10 руб., а о втором — что он 15 июля 1640 г. приехал из Бухары с бухарскими тканями «по оценке деньгами на 103 р.»¹⁰² Затем Сенткул Аблин явил в марте 1645 г., по верхотурской проезжей грамоте, «русского» товара на 1005 руб. 13 алт. 2 ден., а в январе этого же года тобольский юртовский «бухаретин» Курманко Аблин повез на Тару «тобольские купли» «русского» товара на 136 руб. 26 алт. 4 ден. В ноябре 1647 г. тобольский юртовский «бухаретин» Сенткул Аблин «выкупил» у приезжего «бухаретина» за 10 руб. «шария-ясыря» и «отпустил его на волю», а в апреле 1648 г. сделал в Тобольске для Березова две покупки «русского» товара на 114,9 руб. В этом же месяце 1648 г. тобольский юртовский «бухаретин» Маметко Аблин явил «тобольские купли» товара для Колмакина на 23 руб. В марте 1650 г. Мамейко Аблин повез на Тару «тобольской купли» «русского» товара на 32 руб., а Сенткул Аблин поехал с «русским» товаром, которого у него было на 11 руб. 16 алт. 2 ден., на р. Иолду. В ноябре 1652 г. Мамей Аблин привез в Тобольск из колмаков «кореню ревеню черенкового» на 23 руб. 16 алт. 4 ден.¹⁰³, а Сенткул Аблин прибыл в Тобольск в этом же году вместе с калмыцким послом Кошучи Енеем от колмыцкой княгини Гунджи.

Калмыцкое посольство, отправленное из Тобольска в Москву, привезло в подарок царю китайские атласы, а сопровождавшие калмыцкого посла тобольские бухарцы Сенткул Аблин и Ежбаба Сентов и казак Петр Малинин привезли с собой китайские товары. Это побудило царское правительство принять меры по организации государственной торговли с Китаем. Центром такой торговли должен был стать Тобольск. Из него следовало направлять в Китай торговые караваны, одновременно ведя широкую закупку китайских товаров на самом тобольском рынке. Ведение этих торговых операций было поручено московскому дворянину, бывшему воеводе на Валуйках и в Мангазее Федору Исаковичу Байкову. Предвидя большие выгоды от русско-китайской торговли, царское правительство вложило в это дело 50 тыс. руб.¹⁰⁴

9 июля 1653 г. Ф. И. Байков отправил из Тобольска в Китай торговый караван во главе с тобольским татарским головой Петром Ярыжким. «Советником» по торговым делам в этом караване пошел тобольский юртовский бухаретин Сенткул Аблин, которого Ф. И. Байкову порекомендовал для посылки в Китай крупный торговец из тобольских бухарцев Сейдиш Кулмамбетов, сын уже упоминавшегося Кулмамета Сентмамбетова. С П. Ярыжким Сенткул Аблин столкнулся, вероятно, в 1652/53 г., когда в тобольской приказной избе разбиралось судебное дело последнего с тобольскими татарами в связи с правами на землепользование. Караван вышел из Тобольска вместе с послами, возвращавшимися из России в Колмакию к тайше Аблаю, занявшему после смерти калмыцкой княгини Гунджи ее место. Гунджа, а затем Аблай обещали царскому правительству проводить русский торговый караван в Китай. Сведений о том, сколько и каких товаров повез этот торговый караван в Китай, в источниках не сохранилось, но известно, что товары, привезенные из Китая в Москву тобольским бухарцем Сенткулом Аблиным в 1657 г., были оценены в 506 руб. 27 алт. 2 ден.¹⁰⁵

В 1658 г. тобольский бухаретин Сенткул Аблин снова был отправлен в Китай. На этот раз он ехал в качестве помощника главы посольства тарского сына боярского И. С. Перфирьева. Для цинского богдыхана посольство везло в качестве подарков 40 соболей, 15 чернотелых лисиц, 4 куска сукна (по 5 арш. кусок), 3 шубы горностаевые, песцы, зеркала — всего на 200 руб. На торговый оборот и «поминки» казна отпустила всего-навсего 750 руб. В русских архивах отсутствуют данные о пребывании И. Перфирьева и С. Абли-

на в Пекине и о результатах их посольства. 1 июня 1662 г. посольство И. Перфирьева и С. Аблина вернулось в Тару, привезя подарков царю и различных китайских товаров на 1057 руб. по московской цене.¹⁰⁶

13 июля 1668 г. Сенткул Аблин в третий раз выехал из Тобольска в Китай. На этот раз во главе торгового каравана стоял он сам, а в помощниках у него был тобольский «бухаретин» Сейдиш Кулмамбетов, некогда сам рекомендовавший Сенткула Аблина Ф. И. Байкову. Караван сопровождал эскорт из 26 человек (16 русских и 10 татар).

В числе товаров, отправленных в Китай с Сенткулом Аблиным, было 1086 арш. сукон разных сортов (по русским ценам на 991 руб. 28 алт.), 20 фунтов красных корольков (на 369 руб.), 4 зеркала (на 12 руб.), 397 юфтей кож красных (на 457 руб.), 10 подзорных немецких трубок (на 4 руб.), медные часы с боем (на 15 руб.), 60 листов позолоченных кож (на 60 руб.), 2 куска лятины — грубых сукон (на 8 руб. 27 алт.). Но главную массу товаров составляли меха: 3574 горностаевые, 1719 песцов белых, 1500 белок, 788 лисиц красных сиводущатых, 2 лисицы бурые, 2 волка, 163 выдры, 80 заячьих шкурок.

Вернувшись обратно в Тобольск через 3 года и 3 месяца — 11 октября 1671 г., Сенткул Аблин отчитался о своей поездке. Общий итог ее оказался весьма прибыльным для русской казны. Стоимость русских товаров, отправленных с ним, была оценена в Тобольске (в окончательном счете) в 4539 р. 83 к. Из них было продано в Пекине и в пути на 3479 руб. 93 коп. Остальное выменивалось на верблюдов, лошадей, корма, а также пошло на подарки калмыцким ханам и китайскому богдыхану. Непроданные товары на сумму в 100 руб. 90 коп. были возвращены в Тобольск. Выручка от продажи русских товаров составляла 11 507 ланов 7 золотников (не считая стоимости тафты в 2 лана и 8 золотников), или 11 507 руб. (по «сказке» С. Аблина, один лан равен русскому рублю). Часть вырученной суммы, как уже говорилось, была израсходована на покупку лошадей, верблюдов, продовольствия, на подарки, розданные в пути. В Тобольск были доставлены китайские товары, купленные на оставшиеся 898 руб. 39 коп. Кроме того, из Китая было привезено подарков на 767 руб. (не считая подарочного серебра — на 360 руб., израсходованного С. Аблиным в пути).

Сопоставление затрат на русские товары, направленные с Сенткулом Аблиным (4539 р. 83 к.), и реальной выручки, полученной от продажи их в Пекине (8981 р. 39 к.), показы-

вает, что русская казна только от этой торговой операции получила почти 100 % прибыли. Полный же ее доход от поездки этого каравана в Китай был много выше. Сибирским приказом китайские товары, прибывшие в Москву, были оценены по московским ценам в 18 751 руб. 94 к. Таким образом, от продажи их была получена чистая прибыль в сумме 14 212 р. 11 к., т. е. 300 % от стоимости русских товаров, направленных из Тобольска в Китай.

Такая высокая прибыльность вызвала в правительственных и торговых кругах России исключительный интерес к торговле с Китаем. В то же время на пути ее развития стояли существенные преграды: дальность пути через калмыцкие и монгольские земли (оборачиваемость торговых караванов составляла около 4 лет) и опасности, подстерегавшие караваны, которые подвергались грабительским налетам кочевников. Поэтому уже с конца 60 — начала 70-х годов XVII в. началась прокладка торговых путей в Китай из Забайкалья. За успешное выполнение торгового поручения и верную службу Сеиткулу Аблину были пожалованы серебряный ковш, 50 руб., отрезы сукна и шелка, а участникам поездки (тобольчанам) пожаловано «за китайскую их службу из китайских товаров по камке средней руки человеку»¹⁰⁷.

Сибирские юртовские бухарцы принимали активное и регулярное участие в опосредованной (сотрудничество с приезжими бухарцами) и непосредственной (личные поездки, торговые операции на Ямшевской ярмарке) торговле с восточными странами. Здесь основную роль играли тобольские и тарские бухарцы. Они чаще других ежегодно торговали на Ямшевской ярмарке и приходили с караванами восточных товаров в Тобольск и Тару из «Колмакия», Средней Азии и Китая. Такие караваны прибывали в Тобольск в 1639/40, 1644/45, 1649/50, 1652/53, 1654/55, 1655/56, 1657/58, 1659/60, 1665/66, 1668/69, 1669/70, 1670/71, 1671/72, 1673/74 гг., а в Тару — в 1637/38, 1653/54, 1657/58, 1658/59, 1666/67, 1697/98 гг. С караванами 1652/53 и 1665/66 гг. пришли в Тобольск вместе с тобольскими юртовскими бухарцами и тюменские¹⁰⁸.

Неизвестный путешественник, посетивший Тобольск в 1666 г., отметил в своем дневнике, что «эти бухарцы (тобольские — О. В.) ведут большую торговлю товарами, которые их факторы ежегодно вывозят из Китая и из большой империи Хины в их страну Бухару и оттуда перевозят в Тобольск на верблюдах... Они из своей страны имеют в Китай двухмесячный путь, а затем из Бухары до Тобольска — шесть

недель, какой они удобно делают на своих верблюдах. Таким образом они приводят сюда по 4 и 5 и больше верблюдов, тяжело нагруженных дорогими товарами, как, например, хлопком в больших мешках, китайкой, как называется их хлопчатобумажный холст, затем зеенем... различных цветов, также из хлопка, киндяком... а также различно окрашенными шелковыми тканями... шелками и атласами, много полосатых шелков, очень искусно сделанных, а также иными из специй, как, например, бадьяном, который имеет запах и вкус аниса, но более сильный, затем странным родом перца, корицей, драгоценными камнями, которые продаются в Сибири из-под полы, и многим другим». Распродав привезенное, продолжает автор, «покупают они снова и увозит с собой обратно красивое сукно, юфть, соболей, бобров, выдр и другие меха, и все что придется... С подобными товарами приходят они тоже пожалуй 2 раза в год и уходят обратно...»¹⁰⁹.

Из калмыцких степей сибирские бухарцы вывозили главным образом крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, верблюдов, лисиц, корсаков, мерлушек и калмыцких «ясырей», а обратно туда возили сукно литчину, выделанные кожи, шкурки выдр, медные котлы и тазы, оловянные пуговицы, оловянные перстни, узловые иглы, медные серьги, деревянные блюда, ярь, киноварь, ярославские зеркала, бисер, роговые гребни, стекла круглые, стерляжий и осетровый клей, пшеничную муку. Иных товаров в «Колмакию» в 1639—1703 гг. тобольские бухарцы не отвозили¹¹⁰.

Довольно регулярно сибирские бухарцы ездили «на Русь» за товарами. Оттуда они вывозили так называемые «русские» товары, в состав которых входили изделия отечественного и иностранного (западноевропейского и восточного) производства. Состав «русских» товаров, вывозимых ими «с Руси», по верхотурским, казанским, уфимским приезжим грамотам, не оставался неизменным и быстро реагировал как на перемены в торговой деятельности бухарцев, так и на изменения спроса на тобольском рынке. Так, в 1655/56 г. тобольские бухарцы привезли в Тобольск «русские» товары только пяти наименований (кожи красные, сапоги телятинные, воск, выдры, ножи угорские), а в 1668/69 г. — четырнадцати названий (кожи красные, кожи сафьяновые, сукно сермяжное, холст-хрящ, кисею, арабские выбойки, шелк фарабат, шелк ряжский, шкурки выдр, шубы заячьи, воск, топоры, зеркала, киноварь). В 1669/70 г. доставленных ими товаров было 13 номенкла-

тур (кожи красные, кожи сафьяновые, сукно сермяжное, сукно лятчина, мед, выдры, атлас немецкий, паюм, зеркала немецкие с поталью, зеркала стенные немецкие, зеркала ярославские, бумага писчая, порох), а в 1686/87 г. — уже 22 названия (кожи красные, козлины деланные, сапоги сафьяновые, сапоги телятинные, голцы уресковые, сукна — белое, «черемшское», сермяжное, гамбургское, лятчина, сукманы суконные сермяжные, корсаки, выдры, горностан, белки, шубы занчи, воск, узда, насеченная серебром, блюда — крайчатые, деревянные, красные малые, ложки простые). Отсюда видно, что ассортимент «русских» товаров, являвшихся с «Руси» в Тобольск тобольскими бухарцами, с 1656 по 1687 г. увеличился на 17 номенклатур. Кроме того, 29 августа 1656 г. тюменские бухарцы Сентбакей Мамеситов и Ярметко Тачкалов явили в тобольской таможене, по тюменской проезжей грамоте, «русского» товара 10 выдр средних на 25 руб., 20 юфтей кож красных на 50 руб. Всеми сибирскими бухарцами было завезено в Тобольск «русских» товаров в 1644/45 г. на 8476 руб., в 1655/56 г. — на 270, в 1661/62 г. — на 511, в 1668/69 г. — на 1424, в 1669/70 г. — на 1969, в 1670/71 г. — на 1380, в 1683/84 г. — на 936 и в 1886/87 г. — на 563 руб.¹¹¹ Ввозить эти товары они начали с 1644 г.

Приведенные здесь данные о составе «русских» товаров, доставленных в Тобольск «с Руси» тобольскими и тюменскими бухарцами в XVII в., существенно дополняют и уточняют сведения по этому вопросу, опубликованные С. В. Бахрушиным¹¹².

С товарами, приобретенными «на Руси», в «Колмакин», Средней Азии, Китае и на Ямышевской ярмарке, тобольские бухарцы «садились в лавки торговать». В 1624 г. они имели «подле гостина двора в ряду по обе стороны улицы» 6 лавок, из которых 2 лавки принадлежали Облы Адзиеву. В 1632/33 г. тобольский бухаретин Алим Сулейманов тоже являлся владельцем двух лавок. Тобольские бухарцы, как отметил в своих записках проезжавший через Тобольск в 1666 г. неизвестный немецкий офицер, «...имеют в верхнем городе Тобольске свои соответствующие лавки и ларьки, в которых они сидят и продают, и если они наверху имеют большой убыток, то продают они больше под горой в своих домах»¹¹³, не «наймун» поэтому ни разу в течение 1639—1703 гг. лавок «на государеном гостинном дворе»¹¹⁴.

В обмен на «русские» и восточные товары и на «явленные деньги» сибирскими бухарцами покупалась главным образом пушнина. Она была валютным товаром и пользовалась

повышенным спросом на внутреннем и внешнем рынках. На нее можно было приобрести любые другие товары. Кож лосиных, бобровой и кабаргиной струи, меховой одежды покупалось меньше, чем пушных шкур. Сибирский скот, хлеб, суда, камысы, осетровый и стерляжий клей, рыба и другие товары в торге играли незначительную роль. Исключение составляют выделанные кожи местного производства. В российском экспорте через Тобольск в восточные страны они вместе с кожами, привезенными из-за Урала, занимали во второй половине XVII в. второе место после мягкой рухляди.

Когда мягкой рухляди (шкур, черенки, меховой одежды), струи и кож лосиных тобольского промысла не доставало для оговаривания на тобольском рынке привезенных сибирскими бухарцами «русских» и восточных товаров, то часть последних они вынуждены были отправлять для реализации в Тару, Березов, Сургут, Томск, Тюмень, Чусовскую слободу, Уфу, Казань. Здесь они обнаруживали встречное движение со стороны тарских, томских, тюменских, уфимских и казанских бухарцев, которые тоже начали поставлять свои товары, в том числе мягкую рухлядь, струю и кожи лосиные, на тобольский рынок. Так укреплялись экономические связи между этими пунктами, а Тобольск становился центром складывающегося сибирского рынка в орбите формирующегося всероссийского.

На тобольский рынок сибирские бухарцы поставляли нетобольскую пушнину на крупные суммы. В 1639/40 г. тобольскими и тарскими бухарцами сюда было завезено тарской пушнины на 2663 руб., в 1644/45 г. — на 2152 и в 1647/48 г. — на 1619 руб. С 1647/48 г. тобольские бухарцы стали ввозить в Тобольск кроме тарской березовскую, сургутскую, томскую, уфимскую, казанскую мягкую рухлядь и кожи лосиные. В 1647/48 г. ими было привезено в Тобольск березовской и сургутской мягкой рухляди соответственно на 163 и 405 руб., а сургутских кож лосиных — на 568 руб. В 1649/50 г. они вывезли этих товаров из Тары на 1957 руб., из Сургута — на 231 и из Томска — на 1897 руб., т. е. всего на 4085 руб., в 1655/56 г. — на 1526 руб. В 1661/62 г. они привезли из Березова, Тары и Сургута охотничье-промысловых товаров на 1526 руб., в 1669/70 г. — на 208 и в 1670/71 г. — на 219 руб. Тобольские и тарские бухарцы привезли в Тобольск в 1686/87 г. нетобольской пушнины соответственно на 83 и 145 руб.

В пушной торговле тобольских бухарцев мягкая рухлядь, струя и кожи лосиные тобольского происхождения занимали

небольшое место. В 1644—1686 гг. они приобретали их на 26—121 руб. и только в 1639/40 г. купали этих товаров на 1115 руб. Всего же охотничье-промысловых товаров тобольского и нетобольского происхождения сибирскими бухарцами было явлено в тобольской таможне в 1639/40 г. на 3714 руб., в 1647/48 г. — на 2321, в 1655/56 г. — на 1624, в 1661/62 г. — на 1740, в 1668/69 г. — на 120, в 1669/70 г. — на 459, в 1670/71 г. — на 412, в 1683/84 г. — на 520 и в 1686/87 г. — на 228 руб. Отсюда видно, что роль сибирских бухарцев в пушной торговле на тобольском рынке сильно пала: их удельный вес в общем обороте этой торговли по стоимости снизился с 43,6 % в 1639/40 г. до 3 % в 1686/87 г. Свое место в ней они уступили русским торговцам Европейской и Азиатской России¹¹².

В целом торговые операции сибирских бухарцев с «русскими» товарами не идут ни в какое сравнение с операциями прочих российских торговцев. В стоимости ввозимых в XVII в. в Тобольск «русских» товаров на долю последних приходилось от 87 до 98,3 %, а на долю сибирских бухарцев — от 1,7 до 12,9 %. В ежегодной стоимости мягкой рухляди и кож лосиных, являемых в тобольской таможне в 1639—1687 гг. на предмет обложения, как и других товаров, пошлинами, доля сибирских бухарцев упала с 43,5 до 3 %, а доля прочих российских торговцев непрерывно росла и подвиглась с 56,5 до 97 %. В течение 1639—1703 гг. была порушена монополия сибирских (тобольских, тарских, тюменских) бухарцев и в торговле восточными товарами в Тобольске и вне его. Если в 1639/40 г. на долю сибирских бухарцев приходилось 78,3 %, а прочего российского купечества — 21,7 %, то уже в 1668/69 г. — соответственно 23,8 и 76,2 %¹¹³.

Приведенные данные опровергают утверждение П. Н. Буцинского о том, что «бухарцы, поселившиеся в Тобольске, Таре и Тюмени, завладели в этих городах всею торговлей»¹¹⁴.

Итак, торговые связи Сибири со Средней Азией существовали издавна. Русские, придя в неземледельческую и непромышленную Сибирь, испытывали острую нужду в предметах первой необходимости, особенно в конце XVI — начале XVII в. Снимали ее созданием собственного земледелия, животноводства, промышленности и увеличением ввоза «русских» и восточных товаров. Последнее убыстряло и облегчало хозяйственное освоение Сибири.

Русское правительство, стремясь расширить и упрочить торговые связи, издавна существовавшие между Сибирью и восточными государствами, предоставило среднеазиатским купцам большие торговые льготы. Получив их и испы-

тывая к себе «бережение... и ласку», среднеазиатские купцы стали довольно регулярно приходить в Тобольск, Тару, Тюмень и Томск с восточными товарами. С начала 70-х годов они появились в Красноярске, а в середине 80-х годов зачастили и в Иркутск. Постепенно Тобольск, находившийся в узле важнейших торговых путей «с Руси» в Сибирь, Среднюю Азию, Джунгарию и Китай, превратился в центр российско-восточной торговли в Сибири. Этому содействовала, как мы видели, и царская администрация. Переселившимся на постоянное жительство в Сибирь «бухарцам», как тогда называли всех среднеазиатцев, кроме «хиванцев», предоставлялось на их новой родине, т. е. в России, освобождение от несения тягла и служб. Даваемые «для их иноземчества и за выезд» преимущества не распространялись на выполнение различных служб, в том числе в таможнях, и на уплату пошлин при купле-продаже товаров. Таможенные пошлины они платили наравне с русскими торговцами.

Российско-восточная торговля через Сибирь, основную роль в которой до середины 70-х годов играли приезжие и сибирские бухарцы, была взаимовыгодной. Россия в обмен на пушнину и меховую одежду, выделанные кожи, сукна и другие предметы получала с Востока в основном недостающие ей хлопчатобумажные, шелковые, пеньковые и льняные ткани, мерлушки и скот. Такой обмен способствовал товаризации в России пушного промысла, портняжничества, кожевничества, сукноделия, а в Средней Азии и Китае — ткачества. Большой наплыв в Сибирь дешевых и прочных тканей не стимулировал развития льноводства и коноплеводства.

Торговые операции приезжих и сибирских бухарцев по реализации своих товаров в России, в том числе в Сибири, способствовали сложению сибирского рынка в орбите формирувавшегося всероссийского. По своему объему торговля России со Средней Азией через Тобольск, Тару и Астрахань в середине XVII в. составляла пятую часть основной торговли России через Архангельский порт¹¹⁵.

5. СИБИРСКАЯ ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ

Во многих современных сибиреведческих исследованиях, посвященных русскому земледелию Сибири XVII в., содержится немало ценного материала по истории хлебного рынка. В той или иной степени рассмотрены пути, организация и

стоимость переброски хлеба в Сибирь и по Сибири, цены на хлеб и их динамика, структура хлебной торговли. Большинство авторов, фиксируя свое внимание на изучении состояния казенной хлебной торговли, почти совершенно не затрагивали вопроса о частной торговле хлебом в Сибири XVII в. Между тем детальное освещение этого вопроса будет способствовать не только глубокому уяснению происшедших в течение XVII в. социально-экономических сдвигов в развитии этого края, но и разрешению общей проблемы генезиса капитализма в сельском хозяйстве.

Возникновение, развитие и успехи частной торговли Сибири собственным хлебом являлись результатом героических усилий русского населения по созданию вдоль основных путей из европейской части страны через Урал в Сибирь сначала в бассейне Оби, затем Енисея и Лены, в Предбайкалье и Забайкалье не сливавшихся друг с другом пяти земледельческих районов — Верхотурско-Тобольского, Томско-Кузнецкого, Енисейского, Ленского и Забайкальско-Амурского. Сформированы они были в течение XVII в. в тасжонной зоне с частичным выходом в лесостепные пространства и к началу XVIII в. имели в своем составе свыше 15 400 дворохозяев-хлебопашцев, что составляло 61,6 % от общего количества русских семей (25 000) в Сибири. Общая площадь возделываемой земли к концу XVII в. значительно превысила 100 тыс. десятин (более 43 десятин в одном поле). При среднем урожае в 50 пудов с десятины это давало около 4 млн пудов всякого хлеба, в том числе до 2 млн пудов ржи. Этого количества оказалось достаточно для удовлетворения, правда с известным напряжением, запросов сибирского населения. Поэтому с 1685 г. были прекращены поставки в Сибирь хлеба из европейской части страны на жалованье служилым людям. Так Сибирь бесхлебная трудовыми усилиями русских земледельцев была превращена в течение XVII в. в край, обеспечивающий себя натуральной и товарной хлебной продукцией.

Вопросы, связанные с развитием сибирской хлебной торговли, целесообразнее всего рассмотреть на материалах Верхотурско-Тобольского земледельческого района, как самого раннего по времени формирования (первые пашни появились здесь в 90-х годах XVII в.), имевшего наибольшее количество земледельцев (в конце XVII в. — 10 тыс., или свыше 66,6 % всех сибирских дворохозяев-хлебопашцев) и самого крупного по площади возделываемой земли в одном поле (27 тыс. десятин из 43 тыс. во всей Сибири, или свыше 63 %), а внутри его — на примере Тобольска — крупнейше-

го в Сибири демографического, торгово-транспортного, сельскохозяйственного и промышленного центра, социально-экономическое развитие которого в рассматриваемое время получило наиболее четко выраженные формы¹.

На основании сплошной статистической обработки материалов тобольских и частично верхотурских, туринских и тюменских таможенных, окладных, дозорных и переписных книг, а также имеющихся исследований покажем динамику тобольской частной хлебной торговли в 40—90-е годы XVII в., характер, формы, объем, удельный вес, ассортимент, территориальный охват хлебной торговли, социальный и географический состав поставщиков слободского хлеба на тобольский рынок, удельный вес каждой отдельной группы в этом хлебном ввозе, значение покупного хлеба и «хлеба своей пахоты», роль скупщиков и соотношение различных категорий ввозителей слободского хлеба в Тобольск по величине отдельных хлебных явок, значение Тобольска в хлебной торговле и степень товарности земледелия Верхотурско-Тобольского района.

В Тобольске в XVII в. сложился крупный хлебный рынок. Общая товарная масса хлеба, мобилизуемого этим рынком с территорий Тобольского, Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов, удаленных от него на 500—600 верст, была значительна. Согласно хлебным явкам, зафиксированным в сборах десятой записной и померной записной и не-записной пошлин², в тобольской таможенной было явлено следующее количество «всяких хлебных запасов»³ (в четвертях)*:

Год	Количество хлеба	Год	Количество хлеба
1639/40	1253	1670/71	2 692
1644/45	1510	1675/76	819
1647/48	1800	1683/84	1 073
1649/50	886	1686/87	4 026
1655/56	1481	1690/91	4 084
1661/62	552	1694/95	7 023
1668/69	1345	1703	27 280

Исходя из этих данных, можно утверждать, что тобольский хлебный рынок был крупным. В 70-е годы XVII в. Тобольск по количеству поступившего на рынок хлеба не уступал Устюгу Великому. Более того, в отдельные годы он

* В Тобольске вес четверти колебался от 4-пудовой казенной до 40-пудовой (Визков О. П. К вопросу об унификации мер сыпучих тел Сибири XVII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1963. — Вып. 2, № 5. — С. 113). Здесь для 1639/40—1683/84 гг. количество хлеба дано в разнопудных четвертях, для остальных лет — в 8-пудных.

даже превосходил его. В 1670/71 г. в Устюг Великий было привезено крестьянами и скупщиками для распродажи в самом городе и для отправки в Холмогоры и Архангельск 3562 меры хлеба, каждая из которых равнялась трем пудам⁴. В том же году на тобольский рынок поступило 2692 четверти хлеба. Среди четвертей, которыми измерялся этот хлеб, нам не встретилось ни одной, весовое содержание которой было бы менее 8 пудов. В большинстве своем четверти содержали 16—20 пудов⁵. Не выдерживает сравнения с тобольским хлебным рынком и кунгурский. В 1703 г. в Тобольск было привезено по 176 зарегистрированным в таможенные явки 27 280 8-пудных четвертей хлеба, а в Кунгур — только 20 000 четвертей⁶. По количеству привозимого хлеба Тобольску уступает и Архангельск, куда в 1725 г. было привезено 10 792,5 9-пудной четверти хлеба, т. е. почти вдвое меньше, чем в Тобольск в 1703 г.⁷ Кроме того, хлеб в Тобольск свозился более крупными партиями, чем в Архангельск.

По хлебным торговым операциям Тобольск значительно опережал и Верхотурье. В 1647/48 г. верхотурская таможенная зарегистрировала 1877 3,5-пудных кадей хлеба, а тобольская — 1800 разнопудных четвертей, среди которых 8-пудная четверть была наименьшей. Та же самая картина наблюдается и в 1671/72 г., когда в верхотурской таможенной было явлено 2662 3,5-пудных кадей хлеба, а в тобольской — 4392,5 разнопудной четверти⁸. Объем хлебной торговли в Верхотурье в 1687/88 г. выразился в 4024 3,5-пудных кадах, а в Тобольске он составил в 1686/87 г. 4026 8-пудных четвертей⁹.

Енисейск также не выдерживает сопоставления с Тобольском по количеству обращавшегося на рынке хлеба. В 1689/90, 1690/91 (с сентября по март), 1692 (с марта по сентябрь) и 1697/98 гг. непосредственно на енисейский рынок поступило только соответственно 1170, 870, 380 и 2225 пудов хлеба¹⁰. Примерно в этот же период (1686/87, 1690/91, 1694/95, 1703 гг.), как отмечалось выше, на тобольский хлебный рынок поступало в несколько раз больше. Если даже к указанным погодным объемам енисейского хлебного рынка приплюсовать по 20-800 пудов хлеба, ежегодно скупавшегося в 1685—1690 гг. для Туруханска и Якутска в Енисейском, Илимском и Иркутском уездах енисейскими хлебными подрядчиками Иваном и Алексеем Ушаковыми¹¹, а также прибавить и казенные закупки хлеба на енисейское винокурение в размере 1200—1800 пудов в год¹², то и тогда максимальная емкость енисейского хлеб-

ного рынка (24 825 пудов) значительно уступает минимальным показателям тобольского (32 208 пудов).

В середине 40-х годов XVII в. преимущество тобольского рынка прослеживается слабее. В 1645/46 г. торговые и промышленные люди вывозили из Енисейского уезда только одной ржаной муки 28 650 пудов¹³, а на тобольский рынок в 1644/45 г. поступило 1510 четвертей хлеба (в основном 20-пудных), или 30 200 пудов. В 1647/48 г. это поступление составило 36 000 пудов (1800 таких же четвертей). Еще больший разрыв в этом отношении наблюдается у Тобольска с Илимском. Если в 1672 г. вся товарная масса илимского хлеба оценивалась примерно в 13—14 тыс. пудов, т. е. 1625—1750 8-пудных четвертей¹⁴, то только поступившая на тобольский хлебный рынок часть товарного хлеба Тобольского разряда составила 4392,5 разнопудной четверти.

Значительно уступал тобольскому иркутский хлебный рынок. Так, в 1686/87 г. на тобольский рынок только одними частными лицами было привезено 32 208 пудов хлеба¹⁵, а в Прибайкалье казна и хлебные подрядчики за три года (1686/87, 1687/88 и 1688/89) смогли закупить всего около 61 400 пудов хлеба¹⁶.

Что касается орловского хлебного рынка, то он был больше тобольского. В марте 1668 г. торговые люди Москвы, Коломны, Деделова, Орла, Белева и других мест вывезли из Орла на 63 судах более 300 тыс. пудов хлеба. С 1661 по 1667 г. в первоначальный период вскрытия реки ото льда (обычно март — апрель) вывозилось из Орла по Оке от 180 тыс. до 280 тыс. пудов хлеба¹⁷. В то же самое время поступления хлеба на тобольский рынок колебались от 552 до 1345 разнопудных четвертей в год¹⁸. В переводе на 40-пудную четверть это составит только соответственно 22 080 и 53 800 пудов.

Тому, что в Тобольске сложился крупный и устойчивый хлебный рынок, способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, Тобольск находился на территории самого раннего по времени становления и самого важного по значению района русского сибирского земледелия — Верхотурско-Тобольского. В этот район, расположенный ближе других сибирских областей к центру страны, со сравнительно благоприятными для занятия земледелием почвенно-климатическими условиями, в течение всего XVII в. не ослабевал приток новопоселенцев. Сосредоточив на своих земельных просторах, пригодных для сельскохозяйственных занятий, 75 % сибирских крестьян-дворохозяев (8280 чел.)¹⁹, этот район, где в конце XVII в. собирали с 77 294 десятины при-

мерно 315 764 8-пудных четвертей хлеба в год²⁰, являлся житницей Сибири. Таким образом, создание и развитие верхотурско-тобольского земледелия явилось материальной базой для складывания и нормального функционирования тобольского хлебного рынка.

Во-вторых, Тобольск, расположенный на северо-востоке Верхотурско-Тобольского земледельческого района в непосредственном соседстве с неземледельческими, промышленными областями Западной Сибири, был естественным центром снабжения их хлебом. Так как основной массив возделываемых земель находился к западу и к юго-западу от Тобольска и лежал по левым притокам Тобола, а к северу, северо-востоку, востоку и юго-востоку от Тобольска простирались промышленные области, то вполне естественно, что через Тобольск, лежащий на Тоболо-Иртышско-Обской магистрали, и пошел хлебный поток в эти районы в обмен на охотничье-промысловые продукты²¹. Следовательно, различные формы хозяйства в разных районах Западной Сибири также содействовали образованию в Тобольске крупного хлебного рынка.

В-третьих, Тобольск был узлом местных и транзитных дорог, соединивших его с городами Тобольского разряда, европейской и азиатской частями страны, Средней Азией, Джунгарией, Монголией и Китаем²². По этим дорогам через Тобольск проходило ежегодно в течение 1639—1671 гг. от 1 тыс. до 3 тыс. чел.²³ Даже временное пребывание в городе значительного количества пришлого люда повышало спрос на хлеб и способствовало развитию хлебной торговли. Так, в 1640 г. только направлявшиеся на мангазейские пушные промыслы приобретали в Тобольске 114 четвертей разного хлеба на 321,4 руб.²⁴

В-четвертых, Тобольск являлся военно-административным и экономическим центром Сибири, самым населенным ее городом. Только мужского русского служилого и посадского населения насчитывалось в нем в 1696—1698 гг. более 3450 чел.²⁵ Но для развития хлебного рынка важно не количество населения, а удовлетворение его потребностей в хлебе через рынок. Поскольку в рассматриваемое время в жизни Тобольска отчетливо проявлялось действие общих экономических процессов (общественное разделение труда, отделение города от деревни и промышленности от земледелия, усиление специализации и т. д.), то увеличивалась потребность постоянного городского населения в покупном хлебе.

Особенно полно процесс отделения горожан от земледелия происходил в среде тобольских посадских мастеровых.

В 1624 г. случаи возделывания пашни тобольскими посадскими промышленниками («Прокопий — кожевник», «Афонасий — скорняк», «Пятай — шапочник» и т. д.) были редки²⁶. По переписи 1698 г. уже не удалось обнаружить ни одного посадского мастерового, пахавшего пашню²⁷. Процесс отделения от земледелия был присущ также и остальному посадскому населению. Если в 1624 г. среди тобольских посадских людей пашню имел 31 чел. (44,4 %)²⁸, то в 1698 г. она была у 68 чел. (22 %)²⁹, причем только «старых» посадских. Вновь определенные в посад в 1698 г. (421 чел.) не могли значительно увеличить земледельческую прослойку Тобольска. Было бы странно искать самостоятельных хозяев-хлебопашцев среди вновь «приискавших» в посад 159 человек неводчиков, промышленных, митрополичьих и монастырских бобылей, ссыльных людей сугубо неземледельческих профессий и, как правило, холостых. Холостой человек, как известно, не мог быть в условиях XVII в. самостоятельным хозяином-хлебопашцем. Таковые могли находиться лишь в оставшейся части (262 чел.) вновь определенных в тобольский посад людей. В их числе — дети, братья, племянники «старых» посадских людей (221 чел.), возвращенные люди, прежде посадские, из служб в посад (5 чел.), переехавшие на постоянное жительство в Тобольск тюменские и томские посадские люди (7 чел.) и дети вышеперечисленных лиц (29 чел.).

Всего, таким образом, в этой группе новых тягловцев тобольского посада насчитывалось 262 чел. Можно предполагать, что среди них было около 60 хлебопашцев. Таким образом, в 1698 г. из записанных в посад 748 «старых» и «новых» тобольских посадских людей³⁰ земледелием занималось только 136 чел. (17,6 %). По сравнению с 1624 г. процент пашенных посадских людей упал более чем в 2,5 раза (44,4 и 17,6).

Тот же процесс наблюдается и у тобольских служилых людей. Если в 1624 г. пашню имели 325 (26 %) служилых людей³¹, то в 1700 г. — только 160 чел. (5 %)³². Утратившие связь с земледелием посадские люди полностью переходили на покупной хлеб. Служилые люди делали это только частично, стремясь компенсировать покупным хлебом недостающее для пропитания семьи хлебное жалованье.

Объяснять уменьшение процента пашенных посадских и служилых людей только тем, что Тобольск находился в не совсем благоприятной для занятия земледелием местности, не представляется возможным.

Основная причина уменьшения доли пашенных посадских и служилых людей в растущей численности этих кате-

горий населения, видимо, лежит в углублении процесса общественного разделения труда. Как писал неизвестный путешественник, посетивший Тобольск в 1666 г., «русские промышленяют здесь, главным образом, ловлею рыбы... также промышленяют они различным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством, так что, можно сказать, что всякий хочет поступать как купец. Здесь живет также много ремесленников, как-то: кузнецов, сапожников, портных, кожевников и других, но заниматься земледелием никто из них не хочет, поэтому замечательно плодородная земля остается необработанной»³³.

Рост общественного разделения труда сопровождался увеличением не только личного, но и производственного потребления покупного хлеба. Напомним, что Тобольск — крупный торгово-промышленный центр страны, в котором годовая стоимость всех явленных в тобольской таможене в 1639—1695 гг. товаров колебалась в пределах 34—121 тыс. руб. и превосходила за 1650—1670 гг. такие крупные торговые центры России, как Псков и Тихвин, достигая уровня Смоленска³⁴. Число промышленников здесь постоянно увеличивалось: в 1624 г. — 42 чел. (18 специальностей), в 1698 г. — 98 (32 специальности без мастеров из служилых людей)³⁵ и в 1720 г. — 665 чел. (64 специальности)³⁶.

В Тобольске имелись разнообразные промышленные отрасли³⁷, часть которых (пищевая, кожевенная, пимокатная) в своем технологическом процессе не могла обойтись без употребления покупного хлеба.

В 1694/95 г. тобольская винокурня закупила на рынке 286 ведер дрожжей на 17 руб. 5 алт. 2 ден.³⁸ В 1703 г. для приобретения 170 четвертей солода-рощи было выдано хлебному подрядчику 70 руб., а 62 четверти с осьминой солода-рощи купили непосредственно на тобольском рынке, израсходовав 25 руб.³⁹ На полученные 456 руб. 23 алт. 2 ден. хлебные подрядчики закупили 1050 четвертей солода-рощи, ржаной и овсяной муки, из которых на тобольской винокурне было выкурено с 7 ноября 1702 г. по 5 апреля 1703 г. 1760,5 ведра простого и 70 ведер двойного вина⁴⁰.

Хлеб покупался мясниками для откорма скота, которого ежегодно в течение 1639—1695 гг. приобреталось на убой от 198 до 1606 голов⁴¹. Мы, к сожалению, не располагаем данными о количестве покупного хлеба, употреблявшегося кожевниками для изготовления кваса, в котором вымачивались сырые кожи вместе с пивной, березовой и осиновой толчеей, и пимокатами для катания валенок. Но количество это было немалое, если учесть, что в конце XVII — начале

XVIII в. в Тобольске ежегодно вырабатывалось 4000—5000 кож и значительное число пимов⁴². В целом же кваса производилось так много, что загоревшиеся от молнии 29 мая 1677 г. церковь Николая Чудотворца и городовую башню, расположенные вблизи Торговой площади, залили квасом⁴³.

Ввиду большого спроса на хлеб в Тобольск потянулись по сухопутным и водным путям возы, плоты, барки и дощаники с хлебом из сельских местностей. Толчком к развитию хлебной торговли явилась и коммутация ренты, охватившая к концу XVII в. 34 % всех тобольских «государевых» крестьян⁴⁴.

Весь поступающий на рынок хлеб подлежал регистрации в таможене для обложения либо десятой, либо померной пошлиной. Существовавшая в Тобольске взаимозаменяемость этих пошлин имеет прямые свидетельства источников. Так, в одном случае указывается, что «померной пошлины... не взято, потому, что взята десятая пошлина», а в другом, наоборот, взята «пошлина померная вместо десятой»⁴⁵.

Десятая пошлина была записная и незаписная и взималась в размере 10 % с таможенной оценки хлеба. Записная пошлина бралась при регистрации каждой отдельной явки хлеба в таможене с записью в таможенных книгах даты явки, имени, отчества, иногда — фамилии, чина, места жительства явителя. Фиксировалось также (правда, не всегда), откуда и на чем он прибыл, сколько и какого в отдельности привез хлеба, был ли хлеб своего посева или покупной. Запись заканчивалась указанием общей суммы таможенной оценки хлеба и величины взятой с нее десятой пошлины.

Незаписная десятая пошлина взималась с не расчлененной на отдельные явки общей суммы «всяких мелких продаж», собранной на базаре в ящик. При данной системе сбора невозможно проследить количество хлеба, попавшего вместе с другими товарами в сбор незаписной десятой пошлины. Восстановить это по другим источникам не удастся.

Обложение хлеба померной пошлиной обуславливалось существованием государственной монополии на определение объемного количества явленного на продажу жита. Величина померной пошлины в течение 1639—1686 гг. оставалась неизменной и исчислялась «по осьми денег (4 коп.) с чети»⁴⁶ независимо от состава перемариваемых тобольской таможенной мерой хлебных запасов.

Померная пошлина, как и десятая, была записная и незаписная и оформлялась так же. Значит, и в этом случае

Хлебная торговля Тобольска (1639—1695 гг.)*

Наименование пошлины	1639/40		1644/45		1647/48		1649/50		1655/56	
	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти
Записная десятая * померная	24 19	411 275	26	826 15,5	27 3	1349 227	12	564,25 292	44	551,5 382
Незаписная померная		567,6		669,25		230,5				547,75
Итого . . .		4253,6		1510,75		1888,5		886,25		1481,25

Продолжение табл. 43

	1661/62		1668/69		1669/70		1670/71		1671/72	
	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти
Записная десятая * померная	— 9	— 124	12 250	478 250	40 34	108,5 534,5	60 46	675,5 719	80 58	1418,5 1570
Незаписная померная		431,75		917,75		637,16		4297,75		1404
Итого . . .		552,75		1345,75		1380,16		2692,25		4392,5

Окончание табл. 43

	1675/76		1683/84		1686/87		1690/91		1694/95	
	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти	Партии	Четверти
Записная десятая * померная	2 —	5,75 34,5	27 6	520,5 68,5	44 58	804 1731	60 38	3329 38	68 Отменена	1709 Отменена
Незаписная померная		779,75		486,5		954		662		
Итого . . .		820,00		1073,5		3489		4029		6636

* ПГАДА, СП, ин. 44, 181, 752, 241, 263, 348, 433, 533, 540, 547, 562, 611, 797, 989, 892, 1078.

Примечания. 1. Наличие в таблице незаписанных граф объясняется отсутствием данных для их заполнения в таможенных книгах: 1647/48 года — за сентябрь; 1649/50 года (неурожайного в Западной Сибирь) — за август; 1661/62 — неурожайного в Западной Сибирь; 1675/76 и 1683/84 годов за вторую половину мая — август.

2. В итоговые объемы за 1686/87 год входят 3131 8-пудовый и 358 20-пудовых четвертей, или 4056 8-пудовых четвертей; за 1690/91 год — 37 20-пудовых четвертей, всего 4084 8-пудовых четвертей; за 1694/95 год — 8-, 20- и 40-пудовые четверти, или 7323 8-пудовые четверти. В 1703 г. в Тобольской таможене было заявлено 27280 8-пудовых четвертей хлеба на 8609 руб. (ПГАДА, СП, ин. 1308).

исследователь не может проследить за мелкой повседневной розничной торговлей хлебом.

Как видно из данных табл. 13, общая товарная масса хлеба на тобольском рынке на протяжении XVII в. увеличивалась. Если не считать двух неурожайных лет (1649/50 и 1661/62) и неполных сведений за 1675/76 и 1683/84 гг., то эта масса непрерывно возрастала и увеличилась с 1253 разнопудных четвертей в 1639/40 г. до 27 280 8-пудных четвертей к 1703 г., составив 11,2 % всего произведенного «государевыми» крестьянами Тобольского разряда хлеба (315 364 8-пудных четверти)⁴⁷. Товарный выход хлеба с территории уезда на тобольский рынок составлял в это время 14,3 % (24 075 четвертей от 168 тыс. четвертей собранного по уезду хлеба)⁴⁸.

Действительная же товарность земледелия Верхотурско-Тобольского района была значительно выше вычисленной, так как хлебные рынки в районе функционировали не только в Тобольске, но и в Верхотурье, Тюмени, Туринске, Пельме, Таре и существовала, кроме того, внутрислободская торговля хлебом. Крупная казенная закупка хлеба для нужд государства доходила в отдельные годы (1642, 1644 и др.) почти до 14 тыс. 4-пудных четвертей⁴⁹. Практиковались частные закупки слободского западно-сибирского хлеба для нужд восточно-сибирских промыслов и торгов.

В 1639/40 г. торгово-промышленными людьми было вывезено из Верхотурско-Тобольского района в Енисейск и Мангазею 5612,5 разнопудной четверти, в 1644/45 г. — 1317,5 и в 1647/58 г. — 664,5 четверти⁵⁰. Закупки эти, особенно 1639/40 г., можно считать весьма значительными, если учесть, что в 1643 г. торговый человек гостиной сотни Василий Федотьев определял хлебные возможности рынка Тобольского разряда в 10 тыс. 8-пудных четвертей⁵¹.

Возросшая товарность хлеба Верхотурско-Тобольского района привела к увеличению его удельного веса в общей массе явленных в тобольской таможне на продажу товаров. В 1639/40 г. на долю хлеба приходилось только 3,9 % (2621 руб.) всей стоимости явленных в таможне на продажу товаров, а в последующие десятилетия это соотношение не претерпело существенных изменений (не более 6,5 %, как было, например, в 1670/71 г.), а к 1703 г. хлеб составил 35,5 % (8969 руб.) стоимости поступивших на тобольский рынок товаров (25 252 руб.)⁵². В действительности же удельный вес хлеба в общем стоимостном балансе тобольского рынка был больше. И наши сведения, хотя и неполные, позволяют утверждать, что тобольский рынок в основном становился хлебным.

Десятая и померная записные пошлины взимались с поступившего в Тобольск по проезжим грамотам на отдаленных мест хлеба, а незаписная померная пошлина, собиравшаяся на базаре со всяких мелких продаж, взималась с хлеба, привозимого из непосредственно прилегающих к городу земледельческих хозяйств. Исключение из этого правила было сделано только в 1639/40 г., когда тобольский подгородный хлеб оказался зафиксированным в сборах не только незаписной померной пошлины, но и частично записной.

Из данных табл. 14 видно, что в XVII в. хлеба из подгородных земледельческих хозяйств за 14 лет его привоза на тобольский рынок поступило 9070,3 20-пудной четверти. Само поступление подгородного хлеба на рынок было неравномерно по годам и в 1639—1672 гг. увеличивалось, а с 1675 г. пошло на убыль. Сокращение это вызывалось многими причинами, а именно: отделением непосредственного производителя хлеба от рынка сбыта, сокращением торгово-промышленного движения через Тобольск, конкуренцией привозного слободского хлеба.

Также неравномерным было поступление подгородного хлеба по месяцам. Основная масса его привозилась зимой. Зимний привоз был выгоден иногородним продавцам хлеба по многим обстоятельствам. Он происходил в наиболее свободное от сельскохозяйственных работ время; позволял своевременно расплатиться с государством по многочисленным повинностям и податям, а также заранее приобрести необходимые предметы для ведения сельского хозяйства; обеспечивал распродажу отвезенного хлеба до майского наплыва слободского хлеба. Поэтому 62,6 % (5682,9 четверти) хлеба (за 14 лет), предназначенного для реализации на розничном городском торге, продавалось в декабре — марте. При этом непрерывное возрастание потока подгородного хлеба продолжалось с августа по март, достигая в феврале — марте своего апогея. В апреле, в связи с весенней распутицей, этот поток резко падал, а затем, несколько поднявшись в мае, снова начинал скользить вниз до минимальной августовской отметки. Резкое падение привоза подгородного хлеба в августе обуславливалось двумя обстоятельствами: исчерпанием товарных ресурсов старого урожая и сильной занятостью земледельца в сельскохозяйственную страду.

Приток в Тобольск подгородного хлеба свидетельствует об устойчивом спросе на него со стороны постоянного городского населения. Иначе трудно объяснить преимущественно зимний привоз хлеба. Ведь зимой в Тобольске было сравнительно немного пришлого торгово-промышленного люда,

Т а б л и ц а 14
Различная хлебная торговля в Тобольске (1639—1691 гг.; по данным сбора померной пошлины), четвертей

Месяц	1639/40	1644/45	1647/48	1649/50	1655/56	1661/62	1668/69	1670/71	1671/72	1675/76	1683/84	1686/87	1690/91
Сентябрь	21,25	12,00	Нет дан-ных	11,50	25,00	23,75	9,25	37,40	44,00	44,75	18,50	9,00	22,5
Октябрь	49,50	14,75	16,50	15,00	50,00	21,25	58,25	22,25	41,00	50,50	77,00	18,00	13,0
Ноябрь	62,50	52,50	50,00	30,00	126,50	38,75	71,50	90,50	32,50	152,50	103,00	51,25	80,5
Декабрь	70,75	124,50	46,25	37,50	60,50	53,00	143,75	117,00	217,00	90,75	175,00	66,75	61,5
Январь	51,40	45,00	29,50	55,00	84,00	28,75	116,00	132,50	299,25	231,00	106,50	72,75	74,5
Февраль	83,25	101,50	27,00	32,50	80,25	28,75	163,50	109,25	238,75	241,00	129,00	158,0	61,0
Март	133,75	70,00	47,00	32,75	40,00	54,00	242,75	28,75	214,50	358,75	107,00	82,75	51,00
Апрель	14,50	9,00	15,00	11,50	25,00	10,00	45,25	7,00	54,00	33,0	63,25	28,00	47,5
Май	30,00	113,75	11,25	25,50	18,00	27,50	22,50	54,75	65,25	94,00	Нет дан-ных	19,5	—
Июнь	24,50	77,50	9,25	24,50	20,00	40,50	37,75	10,75	61,75	55,50	—	30,0	15,00
Июль	16,25	37,50	4,00	16,50	13,25	50,00	26,75	49,25	47,50	51,75	—	45,0	5,75
Август	10,00	11,25	4,75	Нет дан-ных	5,25	55,50	10,50	7,25	42,25	17,50	—	—	—
Итого...	567,65	669,25	231,0	292,25	547,75	431,75	917,75	636,65	1297,75	4406	779,25	486,4	477
													331,75

* ИГАДА, СП. кн. 44, 181, 234 и 752, 269, 343, 443, 533, 540, 547, 562, 611, 797, 832, 899.

и поэтому спрос на хлеб с его стороны был невелик. Основ-ной поток торгово-промышленного люда через Тобольск на-чинался только с мая и продолжался до июля.

В 1639—1691 гг. удельный вес подгороднего хлеба в об-щей хлебной массе тобольского рынка сокращался. Сведе-ниями о продаже его после отмены померной пошлины в 1693 г. ⁶³ мы не располагаем.

О количестве поступившего на тобольский рынок в тече-ние XVII в. слободского хлеба можно судить по данным табл. 15.

В течение 1639—1703 гг. происходило почти непрерывное (если исключить неурожайные годы — 1649/50 и 1661/62 — и учесть неполноту сведений за 1675/76 и 1683/84 гг., а также некоторое сокращение за 1655/56 и 1668/69 гг.) увели-чение хлебного потока на рынок с территории Тобольского разряда. Всего же зарегистрированного в сборах десятой и померной записных пошлин слободского хлеба на тоболь-ский рынок поступило за 15 лет XVII в. (1639/40, 1644/45, 1647/48, 1649/50, 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1669/70, 1670/71, 1671/72, 1675/76, 1683/84, 1686/87, 1690/91 и 1694/95) 47 659,55 разнородной четверти.

В отличие от подгороднего хлеба, привозимого на рынок круглогодично с преимущественным завозом зимой, слобод-ской хлеб попадал на него почти исключительно в мае — июле. За эти три месяца в Тобольск было доставлено водным путем 72,7 % (34 677 четвертей) всего слободского хлеба. Летний ввоз слободского хлеба также имел свои причины. Хлебные скупщики, выезжая из Тобольска и других городов Тобольского разряда последним водным или первым санным путем, добирались до слобод в конце осени — начале зимы. Прибыв на место, они разворачивали энергичную скупочную деятельность. На скупку хлеба по деревням, переброску его к пристаням, поделку славяных средств и наем работ-ников уходила зима. А затем, после вскрытия рек ото льда, начиналась отправка скупленного хлеба в Тобольск водным путем. Крестьяне и сами доставляли свой хлеб на продажу в город. Время прибытия слободского хлеба определялось расстоянием от Тобольска того или иного пункта, из которо-го вывозился хлеб.

Наряду с летней отправкой слободского хлеба стала практиковаться и зимняя. В результате этого происходило временное расширение завоза слободского хлеба на тоболь-ский рынок от четырех месяцев (май — август) в 1639/40 г. до восьми месяцев (май — декабрь) в 1703 г. Одновременно с этим начинала развиваться сухопутная заброска слобод-

Таблица 15
Объемы разрядного хлеба, вывезенного в тобольский таможенный (1639—1703 гг.) из данных сбора записных десятых
и померной пошени, четвертей *

Месяц	1639/40	1644/45	1647/48	1649/50	1655/56	1661/62	1668/69	1669/70	1683/84	1675/76	1683/84	1698/99	1703
Сентябрь	—	—	—	26	8,00	15,00	18	97,00	52,5	21,5	52,5	44	3832,0
Октябрь	—	30,0	—	—	10,0	—	—	37,00	113,0	13,0	113,0	28	459,0
Ноябрь	—	7,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1551,3
Декабрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	166,0
Январь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4448,3
Февраль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10,0
Март	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	81,8
Апрель	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Май	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июнь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Август	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	683	841,5	1577	594	933,50	121	428	643	586,5	40,25	586,5	3367	27279,4
В % ко всему хлебу, вывезенному в 3-х пошених	54,5	55,7	37,9	67,00	63,00	21,8	31,8	50,2	53,2	Нет данных	62,9	82,4	Отмена пошени

* ЦГАДА, СП, арх. 44, 181, 231 и 752, 348, 433, 540, 547, 611, 797, 891, 1079, 1308.

ского хлеба, несмотря на то что она экономически была менее выгодной, чем водная. Если в 1695 г. сухопутным путем было привезено в Тобольск всего 10 четвертей (0,1 %) слободского хлеба, то в 1703 г. его поступило по сухопутью уже 4527 четвертей (16,8 %). Сокращение невольного периода в году, развитие сухопутного завоза слободского хлеба и увеличение его доли в хлебном балансе тобольского рынка — закономерные следствия происходивших в социально-экономической жизни Сибири сдвигов, вызванных углублением общественного разделения труда и ростом товарного производства.

На верховотурский же рынок, как показано в исследовании Т. Е. Квевинской³⁴, основная масса хлеба привозилась не летом, а зимой. На декабрьский — апрельский привоз слободского хлеба в Верховотурье приходилось в 1635/36 г. 86,4 % (254 из 295 годовых хлебных явок), в 1653/54 г. — 84,3 % (202 из 242 явок), в 1671/72 г. — 92,3 % (216 из 234 явок) и в 1677/78 г. — 81,9 % (86 из 105 явок). Для крестьян близлежащих слобод реализация хлеба зимой, в период наплыва с Руси торговых, промышленных и гулящих людей, едущих дальше в Сибирь, была выгоднее по сравнению с летним привозом, ибо она происходила в более свободное от основных сельскохозяйственных работ время.

Данные табл. 16 показывают расширение и упрочение в XVII в. торговых связей тобольского хлебного рынка с населенными пунктами Тобольского разряда. В течение 1639—1703 гг. территориальный охват хлебного рынка почти непрерывно возрастал. Если в 1639/40 г. хлеб привозился в Тобольск только из трех населенных пунктов, то в 1644/45, 1649/50 и 1660/61 гг. — из пяти, в 1655/56 г. — из семи, в 1668/69 г. — из восьми, в 1669/70 г. — из одиннадцати, в 1670/71 г. — из двенадцати, в 1683/84 г. — из девяти, то в 1686/87 г. число мест Тобольского разряда, откуда поступал хлеб, составляло 23, в 1690/91 г. — 17, в 1694/95 г. — 19 и в 1703 г. — 35.

Первыми поставщиками хлеба на тобольский рынок, не считая подгородних деревень, были Тюмень и Нижнеиницкая слобода. На их долю в 1639/40 г. пришлось 71,5 % привезенного в Тобольск хлеба, остальные 28,5 % хлебного привоза составляли долю подгородних деревень. Уже в это время тобольский хлебный рынок вышел за пределы своей подгородней округи. В последующие 22 года в снабжение хлебом включилось еще 8 новых населенных пунктов: с 1644/45 г. — Верхнеиницкая и Чубаровская слободы, с 1647/48 г. — Туринск, Киргинская и Ирбитская слободы,

Поступление хлеба на рынок Тобольска из отдельных населенных пунктов (1639—1703 гг.)*

Местоположение и наименование населенных пунктов	1639/40		1644/45		1649/50		1655/56		1661/62		1685/89	
	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%
<i>По р. Тура</i>												
Тюмень	227	31,5	206	25,3	304	51,7	48	3,3	15	12,5	63	15,2
Туринск	—	—	—	—	6	1,0	—	—	—	—	—	—
Верхотурье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	227	31,5	206	25,3	310	52,7	48	3,3	15	12,5	63	15,2
<i>По р. Ишма</i>												
Нижнеиницкая слобода	288	40,0	459	56,6	483	31,4	41	7,4	30	25	66	23,1
Верхнеиницкая "	—	—	62	7,4	—	—	65	11,8	15	12,5	23	5,6
Чубаровская "	—	—	60	8,6	—	—	—	—	20	16,7	56	13,6
Кирпичная "	—	—	—	—	42	7,2	310	56,3	—	—	54	13,2
Вербовая "	—	—	—	—	—	—	25	4,5	—	—	—	—
Опеченковская "	—	—	—	—	—	—	24	4,4	—	—	—	—
Рудная слобода	—	—	—	—	53	9,0	—	—	—	—	—	—
Новыйскан "	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	288	40,0	590	72,6	278	47,3	465	84,4	65	54,2	229	55,5
<i>По р. Лыма</i>												
Белковская слобода	—	—	—	—	—	—	68	12,3	40	33,3	101	24,5
Итого . . .	—	—	—	—	—	—	68	12,3	40	33,3	101	24,5

По р. Исеть
Исетский острог

Итого . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	2,4
<i>По р. Тобол</i>												
Подгородние тобольские деревни	205	28,5	47	2,4	—	—	—	—	—	—	11	2,7
Итого . . .	205	28,5	47	2,4	—	—	—	—	—	—	11	2,7
Всего за 1639—1689 гг.	720	100,0	843	100,0	588	100	551	100	120	100	413	100,0

Продолжение табл. 16

Местоположение и наименование населенных пунктов	1669/70		1670/71		1682/83		1686/87		1690/91		1694/95		1703	
	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%	четвер-ти	%
<i>По р. Тура</i>														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Тюмень	173,5	27,0	162	41,7	36,5	7,0	271	10,8	412	12,4	390	5,9	1 313	4,8
Туринск	76,0	11,8	130	9,4	—	—	183	7,2	—	—	113	1,7	268	1,0
Верхотурье	—	—	—	—	140,5	27,1	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	249,5	38,8	292	21,1	177,0	34,1	454	18,0	412	12,4	503	7,6	1 581	5,8

Продолжение табл. 16

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
<i>По р. Ниде</i>														
Ишкентинская слобода	132,5	20,8	146	10,5	51,0	9,9	50	2,0	159	4,7	380	5,8	200	4,0
Верхнеиницкая *	51,0	7,5	203	14,6	—	—	—	—	—	—	—	—	1 282	4,7
Чубаровская *	—	—	139	10,0	—	—	—	249	100	3,0	—	—	317	1,2
Киргизская *	66,0	10,5	25	1,8	75,0	14,6	380	15,0	—	—	—	—	162	0,6
Ирбитская *	—	—	—	—	—	—	300	11,9	—	—	—	—	—	—
Одесковская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рудная *	—	—	—	—	—	—	35	1,4	—	—	—	—	—	—
Неньинская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	240,5	38,8	513	36,9	126	24,5	1014	40,1	259	7,7	380	5,8	2 051	7,5
<i>По р. Пыма</i>														
Бутинская слобода	—	—	—	—	—	—	5	0,2	—	—	—	—	152	0,5
Беляковская *	56,0	8,7	59	4,3	—	—	157	6,2	92	2,8	174	2,6	280	1,0
Кулровская *	30,0	4,6	—	—	—	—	12	0,5	70	2,1	36	0,5	430	1,6
Пашининская *	—	—	—	—	—	—	—	—	40	1,2	—	—	1 410	4,1
Красноярская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	247	0,9
Калиновская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	0,3	180	0,7
Итого . . .	86,0	13,3	59	4,3	—	—	174	6,9	202	6,1	231	3,4	2 399	8,8
<i>По р. Исеть</i>														
Бешинская слобода	—	—	—	—	53	10,3	96	3,7	—	—	100	1,5	127	0,5
Архангельская *	—	—	—	—	5	0,9	80	3,2	—	6,8	689	10,4	96	0,4
Красноярская *	—	—	—	—	—	—	4	0,1	—	—	—	—	1 122	4,1
Исетский острог	30	4,6	302	21,7	—	—	365	14,0	1242	37,4	1967	29,7	4 488	16,4
Рафаилова пустынь	—	—	—	—	—	—	10	0,4	—	—	—	—	—	—

Колчак монастырь	—	—	—	—	—	—	—	0,1	—	—	—	—	—	—
Камлевская слобода	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 780	6,5
Новокамлевская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105	0,4
Терсуцкая слобода	—	—	—	—	8	1,5	35	1,4	164	4,9	80	1,2	1 325	4,9
Меховская *	5	0,8	39	2,8	—	—	21	0,8	227	6,8	1226	18,4	1 030	3,5
Барневская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 240	4,6
Усть-Миссая *	—	—	—	—	—	—	—	—	30	0,9	60	0,9	470	1,7
Ольховская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	795	2,9
Шадринская *	15	2,3	5	0,3	—	—	69	2,7	266	8,0	—	—	2 461	9,0
Красномасская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	790	2,9
Крутихинская *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200	3,0	1 018	5,9
Дальний монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Катайский острог	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	429	1,6
Колчеданский острог	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	979	3,6
Багрянцкая слобода	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	187	0,7
Итого . . .	50	7,7	346	24,8	66	12,7	717	27,7	2155	64,8	4028	69,7	19 048	69,9
<i>Слободы по р. Миассу</i>														
Маслинская	—	—	—	—	—	—	91	3,6	86	2,6	434	6,5	817	3,0
Пепанская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	127	0,5
Окуновская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	1,5	934	3,4
Итого . . .	—	—	—	—	—	—	91	3,6	86	2,6	534	8,0	1 878	6,9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Слободы по р. Тобол														
Полугородные тобольские деревни	—	—	71,5	5,2	8	4,5	—	—	—	—	—	—	—	—
Ялуторовская	9	4,4	107,0	7,7	141	27,2	71	2,8	170	5,4	87	4,0	—	—
Суверская	—	—	—	—	—	—	22	0,9	14	0,4	177	2,7	—	—
Верхнесуверская	—	—	—	—	—	—	—	—	46	0,5	—	—	—	—
Тобейцкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	174	0,6
Иковская	—	—	—	—	—	—	—	—	15	0,4	—	—	—	—
Царево Городище	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	115	1,8	—	—
Утицкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	0,1
Итого . . .	9	4,4	178,5	42,9	149	28,7	93	3,7	245	6,4	359	5,5	202	0,7
Всего за 1669—1703 гг.	644	100,0	1388,5	100,0	518	100,0	2543	100,0	3329	100,0	6635	100,0	2728	100,0

* ЦГАДА, СП, фп. 44, 181, 203, 318, 433, 531, 540, 541, 707, 892, 989, 1078, 1368, 1 в 1647/48 году сибирский хлеб привозили из Тюмени, Туринска, Нижнеингашской, Картинской, Чубаровской и Ялуторовской слобод (ны. 72, 231); в 1671/72 году — из Колтуков, Тюмени, Туринска, Верхотурья, Далматова монастыря, Исетского острога, Шаинской, Ялуторовской, Мехонской, Велгировской, Нижнеингашской, Благовещенской, Чубаровской, Ирибейской, Киринской, Ошенинской, Архангельской слобод (ны. 382).

с 1649/50 г. — Невьянская слобода и с 1655/56 г. — Ощепковская и Беликовская слободы. Привоз хлеба из двух последних слобод означал включение в число поставщиков его наряду со слободами по рекам Тура и Ница также слобод по р. Пышма. Основную роль в снабжении хлебом тобольского рынка играли в это время слободы, расположенные по Нице. На их долю в 1644—1662 гг. приходилось 47,3—84,4 % всего доставленного в Тобольск слободского хлеба. Доля туринских населенных пунктов колебалась в пределах 3,3—52,7 % а пышминских — 12,3—33,3 %.

Примерно с 1668/69 г. начался новый этап расширения территориального охвата хлебного рынка. В поставку хлеба стали включаться как исетские слободы, так и расположенные вверх по Тоболу от места впадения в него Исети, а также новые слободы, расположенные в бассейнах Туры, Ницы, Пышмы. В 1668—1684 гг. состав поставщиков хлеба дополнили еще 13 поселений: с 1668/69 г. — Исетский острог, с 1669/70 г. — Куировская, Мехонская, Шадринская, Ялуторовская слободы, с 1671/72 г. — Кошуки (р. Тавда), Верхотурье, Благовещенская и Архангельская слободы, Далматов монастырь, с 1675/76 г. — Белослудская слобода, с 1683/84 г. — Башкильская и Терсяцкая слободы.

Основной поток хлеба в этот период продолжал идти из пышминских слобод. В течение 1668—1684 гг. их доля в хлебном привозе составляла 24,5—55,5 %, туринских слобод — 15,2—38,8, исетских — 2,1—14,8, тобольских — 2,7—28,7 и пышминских — 4,5—24,5 % (при перечислении слобод в данной последовательности учитывались и абсолютные цифры ввоза хлеба).

В 1686—1703 гг. в состав слобод, ввозивших хлеб в Тобольск, включились новые слободы: с 1686/87 г. — Рудная, Буткинская, Красногорская, Маслянская, Суверская, Коцкий монастырь, Рафаилова пустынь, Катайский острог; с 1690/91 г. — Пышминская, Усть-Миясская, Верхне-суверская, Иковская; с 1694/95 г. — Крутихинская, Окуневская, Царево Городище; с 1703 г. — Красноярская, Камышевская, Новокамышевская, Барневская, Ольховская, Красномысская, Крутихинская, Багарацкая, Пещанская, Тебеняцкая, Утицкая слободы и Колчеданский острог. Это включение новых 27 населенных пунктов бассейнов рек Ницы, Пышмы, Исети, Миясы и Тобола существенно изменило положение поставщиков, снабжавших Тобольск слободским хлебом. Первое место среди них перешло к исетским слободам, на долю которых стало приходиться 2,7—69,9 % всего хлебного привоза в 1686—1703 гг. Первенство-

вавшие в 1639—1684 гг. ницые слободы передвинулись теперь на второе место, а далее следовали пышминские, туринские, мясские и тобольские слободы.

Образовавшийся в XVII в. и постоянно растущий по своей емкости тобольский областной хлебный рынок в 1639—1703 гг. имел торговые связи с 51 населенным пунктом Тобольского разряда: с уездными городами (Верхотурье, Туринск, Тюмень), острогами и слободами с приписанными к ним деревнями, удаленными от Тобольска на расстоянии до 600 верст. Прочными, устойчивыми торговыми связями хлебный рынок располагал с Тюменью и Нижнеицкой слободой. С рядом слобод Тобольского, Тюменского и Туринского уездов эти связи не носили столь регулярного характера. Например, хлеб из Верхнеицкой, Чубаровской, Киргизской, Беляковской, Мехонской, Шадринской, Ялutorовской слобод и Исетского острога поступал не ежегодно. Остальные слободы Тобольского, Тюменского, Туринского уездов снабжали хлебом Тобольск с еще большими перерывами. Эпизодическими были привозы хлеба в Тобольск из верхотурских слобод, тяготеющих к верхотурскому хлебному рынку, которому также было свойственно расширение территориального охвата. Если в 1635/36 г. хлеб сюда поступал только из четырех слобод, то в 1653/54 г. — из пяти, в 1663/64, 1671/72, 1677/78 — из двенадцати и в 1687/88 г. — из одиннадцати слобод. При этом в роли постоянных поставщиков хлеба на верхотурский рынок в указанные годы выступали Верхотурская подгородняя, Невьянская, Тагильская и Ирбитская слободы. Ницывская слобода не посылала хлеб в Верхотурье только в одном году (1687/88), Киргизская слобода начиная с 1653/54 г., а Арамышевская, Белослудская, Ощепковская (кроме 1687/88 г.), Киргизская и Мураинская слободы с 1663/64 г. питали своим хлебом верхотурский рынок ежегодно. Аятская слобода поставляла хлеб только дважды (в 1677/78 и 1687/88 гг.). Единоразово был привезен хлеб в Верхотурье из слобод Сосновый мыс (в 1663/64 г.), Катайской (в 1663/64 г.), Ошарской (в 1671/72 г.), Туринской (в 1677/78 г.), Камышевской (в 1687/88 г.) и Пышминской (в 1687/88 г.).

Поступавший на рынок хлеб не только потреблялся в городе, но и частично вывозился в другие, нуждавшиеся в нем пункты. В течение XVII в. постоянными потребителями тобольского хлеба были Демьянский и Самаровский ямы, Березов, Сургут и ясачные волости Березовского и Сургутского уездов. В Томск, Мангазею и Енисейск хлеб из пунктов Тобольского разряда вывозился только в первой полови-

не XVII в. Вывоз его в Мангазею и Енисейск постоянно сокращался: в 1639/40 г. — 5612,5 четверти, в 1644/45 г. — 1317,3, в 1647/48 г. — 644,5 и в 1649/50 г. — 3 четверти⁵⁵. После 1650 г. торговые люди прекратили всякие закупки западно-сибирского хлеба для Енисейска. Созданное упорным трудом русского населения енисейское земледелие было в состоянии удовлетворять местные потребности в хлебе Енисейского края (Мангазея, Туруханск, Енисейск, Красноярск) и отправлять часть его в Якутск⁵⁶.

Потеря тобольским хлебным рынком восточно-сибирского потребителя в очень малой степени компенсировалась спросом на хлеб со стороны населения южных степей. О масштабах хлебного вывоза «в Колмакши» (т. е. Джунгарии) сказать очень трудно, ибо бухарские, «калмацкие» и российские купцы, вывозившие туда хлеб, приобретали его на так называемые «товарные деньги», вырученные от продажи ранее обложенного пошлинами товара и в силу этого вторичному пошлинному обложению не подвергавшиеся. Поэтому в тобольских таможенных книгах содержатся лишь случайные упоминания о вывозе местного хлеба за рубеж. Так, указывается, что 23 апреля 1672 г. приезжий бухаретин Муллычко Бакиев послал с тобольским юртовским бухаретиним Бакием Адзиевым «через Вагай в Калмыцкую землю» 12 пудов муки пшеничной, купленной в Тобольске за 2 руб. 2 ден.⁵⁷

О составе хлебной продукции, обращавшейся на тобольском рынке в XVII в., можно судить по данным табл. 17. В 1639—1703 гг. в Тобольске продавались рожь (зерно, мука, солод), ячмень (зерно, мука, крупа, солод), овес (зерно, крупа, толокно), пшеница (зерно, мука, крупа) и горох. Как ассортимент, так и процентное соотношение «хлебных припасов» рынка определялись общим социально-экономическим состоянием Сибири. Потребности промышленности Тобольского разряда, особенно пищевой, кожевенной и пивоваренной отраслей, казенного винокурения и пивоварения, а также населения (ханты, манси, татары и проживающие в городах русские, в том числе припленные) со временем возместили потерю спроса на тобольскую ржаную муку со стороны восточно-сибирских пушных промыслов и населения.

Сложившееся на тобольском рынке соотношение между отдельными видами хлебных товаров отражало состояние земледельческого хозяйства в уездах Тобольского разряда. Доминирующее положение занимала рожь (48—97,5 %). На втором месте был ячмень, на третьем — овес, на четвертом — пшеница, которая в самом начале XVIII в. пере-

Таблица 17
Динамика состава хлебного импорта на тобольский рынок в 1639—1703 гг.

Наименование хлебного привоза	1639/40		1643/45		1647/48		1649/50		1655/56		1661/62		1668/69	
	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%
Рожь	413,50	60,2	548,0	66,3	432,2	83,8	522,5	88,0	489,0	88,7	82	07,70	384	86,6
Рисовая мука	255,50	37,3	35,0	6,7	8	0,5	44,0	7,4	18,0	3,3	8	0,90	31	7,5
Итого . . .	669,00	97,5	603,0	73,0	433,0	84,3	566,5	95,4	507,0	92,0	90	74,00	412	96,1
Ячмень	—	—	152,5	18,5	438	8,8	21,5	3,6	11,5	2,1	19	15,50	3	1,4
Ячменная крупа	4,00	0,5	1,0	0,1	1	0,1	2,5	0,3	—	—	—	—	—	—
Ячменная мука	—	—	—	—	3	0,2	—	—	—	—	—	—	—	—
Ячменный и рисовой солод	2,00	0,3	—	—	4	0,4	—	—	1,0	0,2	—	—	—	—
Итого . . .	6,00	0,8	153,5	18,6	443	9,2	24,0	3,9	12,5	2,3	19	15,50	3	1,4
Овес	10,00	1,5	44,0	5,3	68	4,3	—	—	—	—	6	4,95	6	0,7
Толокно	—	—	4,0	0,5	4	0,1	0,5	0,3	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	10,00	1,5	48,0	5,8	69	4,4	0,5	0,3	—	—	6	4,95	6	0,7
Пшеница	—	—	21,5	2,6	33	2,0	3,0	0,4	25,0	4,5	6,0	4,95	6	1,4
Пшеничная мука	0,75	0,1	—	—	4	0,4	—	—	7,0	1,2	—	—	1	0,4
Итого . . .	0,75	0,1	21,5	2,6	34	2,1	3,0	0,4	32,0	5,7	6	4,85	7	1,8
Горюх	1,00	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . . .	686,75	100	820,0	100,0	1576	100,0	594,0	100,0	551,5	100,0	121	100,0	428	100,0

Ожидание табл. 17

Наименование хлебного привоза	1669/70		1670/71		1683/84		1686/87		1690/91		1694/95		1701	
	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%	Чет-верги	%
Рожь	468	72,5	962	69,0	347,5	67,4	1588,0	62,8	795,0	70,2	2494	41,6	11390,0	41,8
Рисовая мука	30	4,6	66	4,7	73,5	14,2	674,0	22,8	182,5	16,1	409	0,8	5600,7	20,5
Итого . . .	498	77,1	1028	73,7	421,0	81,3	2162,0	85,6	977,5	86,3	2903	48,4	16990,7	62,3
Ячмень	120	18,6	192	14,0	31,0	6,0	176,0	6,7	35,0	3,7	973	16,2	3320,5	12,2
Ячменная крупа	—	—	3	0,1	—	—	—	—	—	—	6	0,1	104,5	0,4
Ячменная мука	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	115,0	0,4
Ячменный и рисовой солод	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	118,5	0,5
Итого . . .	120	18,6	195	14,1	31,0	6,0	176,0	6,7	35,0	3,7	979	16,3	3659,5	13,5
Овес	—	—	34	2,5	46,0	8,5	74,0	2,8	20,0	1,7	1926	32,1	2251,0	8,2
Толокно	—	—	3	0,1	—	—	—	—	—	—	6	0,1	26,0	0,1
Итого . . .	—	—	37	2,6	46,0	8,5	74,0	2,8	20,0	1,7	1932	32,2	2277,0	8,3
Пшеница	22	3,5	101	7,2	8,0	1,5	39,0	1,6	17,5	1,4	30	0,5	2780,0	10,2
Пшеничная мука	5	0,8	33	2,4	14,0	2,7	84	3,3	79,0	6,9	158	2,6	1565,8	5,7
Итого . . .	27	4,3	134	9,6	22,0	4,2	123,0	4,9	96,5	8,3	188	3,1	4354,8	15,9
Горюх	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . . .	643	100,0	1394	100	520,0	100,0	2535,0	100,0	1129	100,0	6002	100,0	37288,0	100,0

* ЦРГАДА, СЛ, ф. 44, 184, 231, 263, 318, 433, 533, 540, 547, 752, 797, 892, 989, 1078, 1088.

двинулась на второе место, ознаменовав тем самым начало превращения ржаной Сибири в пшеничную.

На верхотурском рынке, как показала Т. Е. Квещинская, в хлебном привозе также преобладала рожь. С 1653/54 по 1687/88 г. ее поступало ежегодно от 861 до 3096,5 кадей. Но второе место здесь, в отличие от Тобольска, принадлежало не ячменю, а овсу, которого привозилось в 1653/54 г. 467 кадей, в 1663/64 г. — 52, в 1671/72 г. — 112, в 1677/78 г. — 110 и в 1687/88 г. — 261 кадь, а ячменя — соответственно 269; 15; 58; 41,5 и 378 кадей. В 1687/88 г. и ячменя на верхотурский рынок поступило больше, чем овса. Привоз пшеницы по отдельным годам колебался в пределах 157,5—285 кадей. Наибольшее количество гороха было привезено в 1687/88 г. — 32 кади. В остальные годы (1653/54, 1663/64, 1671/72, 1677/78) его поступало 2—4,5 кади. Ежегодное поступление ржаной муки не превышало 20,5 кади, толокна — 105 кадей, круп — 12, муки пшеничной — 48 кадей.

В течение 1639—1703 гг. происходило неуклонное понижение таможенных оценок ржи, все больше приближавшихся к рыночным ценам (табл. 18). Полное соответствие их установилось с 90-х годов XVII в. Кратковременное повышение цены на рожь в 1662 г. было вызвано неурожаем.

В конце XVII в. в Верхотурско-Тобольском районе на основе прочной хлебной базы и успешно развивавшейся хлебной торговли устанавливаются достаточно твердые цены, подверженные незначительным колебаниям. Внутри района наиболее высокие цены держались в центре — в Туринском, Тюменском уездах и в южной и юго-западной частях Тобольского уезда. Дополнительным подтверждением этого могут служить довольно частые поездки сюда тобольских жителей за хлебом.

Несколько более высокие цены в Верхотурье и Тобольске объясняются тем, что в этих местах скапливалось значительное число лиц, направлявшихся в глубь Сибири и предъявлявших спрос на хлеб. Несомненно, сказывалось и то, что наиболее хлебные слободы Тобольска и Верхотурья были от них удалены⁶⁴. Но к концу века, в связи с успешным развитием торговых связей на основе все увеличивавшейся товарности тобольско-верхотурского земледелия, произошла нивелировка хлебных цен Тобольска, Тюмени, Туринска, что служило ярким показателем устойчивости и самого хлебного рынка.

Верхотурско-Тобольский земледельческий район имел не только самые высокие в Сибири цены, но и оказывал своими частными и казенными поставками хлеба через Тобольск

Таблица 18

Цены на рожь в Верхотурско-Тобольском районе в деньгах за пуд *

Год	Тобольск		Тюмень	Туринск	Верхотурье
	По данным тобольских таможенных книг	По спискам сибирских служилых людей	По спискам служилых людей		
1640	45,0	—	—	—	—
1647	30,0	—	—	—	—
1648	25,0	—	—	—	—
1662	200,0	—	—	—	—
1671	21,5	—	—	—	—
1672	12,5	—	—	—	—
1675	—	—	—	—	10,0
1680	—	—	4	—	—
1681	—	4,0	3—4	4,0	7,5
1682	—	6,0	3—4	—	—
1683	10,0	—	—	—	—
1684	10,0	—	—	—	—
1686	10,0	18,0	—	—	—
1687	10,0	—	—	—	—
1688	—	18,0	—	—	—
1689	—	9,0	—	—	—
1690	10,0	—	—	—	—
1691	10,0—5,0	—	—	—	—
1694	7,3—7,5	—	—	—	—
1695	6,0—9,5	—	—	—	—
1701	—	9,0	6	—	7,5
1702	—	10,0	3	5,0	17,5
1703	6,0	5,5	—	4,6—5,0	—
1704	—	6,0	5	6,0	—

* ЦГАДА, СД, кн. 44, л. 286; кн. 231, л. 187; кн. 547, л. 334; кн. 652, л. 30, 488, 492; кн. 662, л. 221; кн. 689, л. 11, 116; кн. 797, л. 10—20; кн. 892, л. 3, 4, 131, 147—149, 152—155, 158, 220, 245; кн. 1078, л. 5, 46, 46, 127, 160, 167 и др.; кн. 1368: ДРБ — Ч. III. — С. 196; Северный архив. — 1826. — Т. XIX, № 2. — С. 124; Шушнев В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 341.

снизжающее воздействие на хлебные цены Восточной Сибири⁶⁵. Оно проявлялось и после того, как с 1650 г. частные лица перестали делать в Западной Сибири хлебные закупки для Восточной Сибири в связи с возможностью приобрести хлеб на месте. Ведь казенная отправка туда верхотурско-тобольского хлеба продолжалась в течение всего XVII в.

В последние десятилетия XVII в. хлебные цены в первом хлебопроизводящем районе Сибири были ниже, чем в других районах края и некоторых районах европейской части России. Так, в 1675 г. кайгородский земский староста от имени всех посадских людей и крестьян Кайгородка говорил: «А по-

не в Сибири хлеба родитца много и дешев, купят четверть ржи пятипудную по осьми алтын. А у нас в Кайгородке ноне купят четверть ржи по рублю⁶⁰. В то время, как в 1673—1680 гг. цена пуда ржи в Верхотурско-Тобольском районе колебалась от 4 до 12,5 ден., в Устюге Великом она была 12—17,3 ден., в Орде — 40—54 ден.⁶¹

По количеству привозимого хлеба тобольский рынок не имел себе равных в Сибири и значительно превосходил такие крупные хлебные рынки Поморья, как кунгурский, устюжский и архангельский.

Сведения, содержащиеся в тобольских таможенных книгах⁶², позволяют рассмотреть состав (в том числе социальный, табл. 19) ввозителей слободского хлеба в Тобольск. В привозе разрядного хлеба крестьянской, посадской, служилой, татарской и бухарской пахоты на тобольский рынок принимали участие пашенные и оброчные крестьяне слобод: Нижне- и Верхненицкой, Чубаровской, Киргинской, Ирбитской, Ощепковской, Рудной, Невьянской, Бутинской, Беляковской, Куяровской, Пышминской, Красноярской, Калиновской, Бешкильской, Архангельской, Красногорской, Камышевской, Новокамышевской, Терсуцкой, Мехонской, Барневской, Усть-Мяской, Ольховской, Шадринской, Красномысской, Крутихинской, Батарицкой, Маслинской, Пещанской, Окуневской, Ялutorовской, Суерской, Верхнесуерской, Тобеницкой, Иковской, Царева городища, Утяцкой, Благовещенской, Кошуков, Китайского, Колчеданского, Исетского острогов, Рафаиловой пустыни, Коцкого и Далматова монастырей, а также подгородние крестьяне Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска. В поставке разрядного хлеба на тобольский рынок участвовали также верхотурские, туринские, тюменские и тобольские посадские люди, тобольские, березовские, тюменские, туринские, верхотурские, мангазейские, ницынские, исетские, беляковские, баганские, ялutorовские, мехонские, рафаиловские, благовещенские, шадринские, красногорские, бешкильские и китайские служилые люди, невянские, ницынские, тюменские, туринские, далматовские, коцкие, архангельские, бешкильские, верхненицкие и тобольские (софийские) служители культа и их вкладчики, тюменские, туринские и самаровские ямщики, коштуевские исаичьи татары, тобольские служилые татары, тобольские бухарцы, устюжские, соль-вычегодские, ирвинские и повгородские торговые, гулящие и промышленные люди. Отсюда видно, что социальный и географический состав поставщиков разрядного хлеба, т. е. слободского и неслободского хлеба Тобольского

Таблица 19
Роль различных социальных групп в привозе слободского хлеба на рынок Тобольска (1639—1703 гг.)^{*}

Социальный состав ввозителей	1639/40		1655/56		1689/90		1690/91		1703	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Жители Европейской России										
Торговые люди	85,0	12,5	—	—	81,0	13,0	122	4,8	405	1,4
Промышленные »	90,0	13,1	—	—	—	—	34	1,4	250	0,7
Гулящие »	21,5	3,4	—	—	—	—	30	1,4	70	0,6
Итого . . .	196,5	28,7	—	—	81,0	13,0	186	7,6	725	2,7
Сибиряки										
Крестьяне	482	26,5	357,5	65,0	142,5	22,1	1219	48,2	4350,5	58,7
В том числе ввозители хлеба: своей пахоты	466,0	98,2	307,0	98,4	142,5	100,0	1188	97,5	2542,1	34,7
покупного	16,0	1,8	50,0	1,6	—	—	31	2,5	1808,0	24,3
Посадские люди	214,0	31,1	—	—	203,5	31,6	649	25,5	1019,0	13,5
Служилые »	78,0	11,5	114,0	20,0	117,0	18,2	335	13,1	549,0	7,4
Ямщики	—	—	—	—	35,0	5,1	70	2,8	157,5	2,2
Церковники	11,0	1,6	—	—	63,0	10,0	—	—	7,0	0,1
Монашеские вкладчики	—	—	83,0	15,0	—	—	—	—	552,5	7,4
Тобольские бухары	2,5	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Служилые татары	2,0	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Ясаки »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	481,5	71,3	551,5	100	563	87	2343	92,4	6035,5	100
Всего . . .	678	100	551,5	100	644	100	2529	100	6635,5	100
Итого . . .	1160,0	100	1103,0	100	1207,0	100	1282,0	100	12891,0	100

* ЦГАДА, СЛ, кв. 44, 348, 546, 592, 1078, 1368.

разряда, на тобольский рынок был сложным и разнообразным.

Торговые люди Европейской России, сосредоточив внимание главным образом на обмене «русских» товаров на сибирские охотничьи-промысловые и восточные товары, весьма слабо и нерегулярно участвовали в поставке слободского хлеба на тобольский рынок. В первой половине XVII столетия, когда возможностей восточно-сибирского земледелия не хватало для полного обеспечения хлебом промысловых экспедиций за соболем, торгово-промышленные люди, идя на восточно-сибирские соболиные промыслы, закупали хлеб непосредственно в западно-сибирских земледельческих слободах, лежащих у них на пути. В Тобольске они лишь добирали недостающее количество хлеба. Развитие енисейско-ирасноярского и илимо-ленского земледелия освободило их от необходимости везти с собой западно-сибирский хлеб. Во второй половине XVII в. они стали удовлетворять торгово-промысловые и личные запросы восточно-сибирским хлебом. В Тобольске же хлеб приобретали лишь на личное потребление в пути от Тобольска до Енисейска. Исключения составляли торговашные у Ямышевского озера, которые должны были везти с собой хлеб на путь из Тобольска до Ямыш-озера и обратно, а также на срок пребывания на ярмарке. Определенное количество хлеба они, видимо, везли на продажу казымкам. В силу этого, вероятно, несмотря на постоянное падение удельного веса торговых людей в Тобольске, абсолютные величины завоза слободского хлеба сюда увеличивались. При этом 1694/95 г., когда у Ямыш-озера в связи с военными действиями 1688—1696 гг. между монгольскими властями, в которых небезучастную позицию занимала Цинская империя, торговля прекратилась⁴³, не было и привоза слободского хлеба в Тобольск торговцами «с Руси». В 1686/87 и 1703 гг., когда функционировала Ямышевская ярмарка, был и привоз торговыми людьми «с Руси» слободского хлеба в Тобольск.

Основными ввозителями слободского хлеба, т. е. хлеба слободских хлебопашцев, на тобольский рынок выступали западно-сибирские жители. На их долю в 1639—1703 гг. приходилось от 71,3 (481,5 четверти) до 100 % (6635,5 четверти) хлебного привоза. Из общего количества хлеба, поступившего за 6 лет его привоза на тобольский рынок (38 367 четвертей), на долю самих крестьян приходилось 58 % (22 274,5 четверти), т. е. более половины. Особенно возросло значение крестьян в поставке слободского хлеба в Тобольск в последние три десятилетия XVII в., когда их

доля в хлебном привозе возросла с 22 % (142,5 четверти) в 1669/70 г. до 65,6 % (4350,5 четверти) в 1694/95 г. Затем произошло некоторое снижение ее — до 58,2 % ввозимого в Тобольск разрядного хлеба в 1703 г., хотя абсолютное количество ввозимого хлеба увеличилось и составило 16 020 четвертей.

Показательно, что территориальное расширение хлебного ввоза в Тобольск, о чем свидетельствуют анализируемые нами источники, сопровождалось уменьшением числа непосредственных производителей хлеба среди крестьян, привозивших его в Тобольск. И это не случайно. Летний своз разрядного хлеба, т. е. и крестьянской, и посадской, и служилой, и татарской, и бухарской пахоты, на тобольский рынок со все расширявшейся территории был не под силу непосредственному производителю хлеба, ибо это отрывало его в разгар полевых работ от земледелия. Непосредственный производитель предпочитал сбывать хлеб скупщику для отвоза в Тобольск: проигрывая в цене, он выигрывал во времени. В этих условиях из среды зажиточных крестьян выдвинулись настоящие хлебные скупщики, которые сначала к хлебу «своей пахоты» прикупали немного хлеба односельчан, а затем перешли целиком на своз в Тобольск покупного хлеба, приобретая его во всех близлежащих слободах. Так, крутихинский оброчный крестьянин Иван Михайлов «с товарищем» явил в Тобольске 18 июня 1695 г. 200 четвертей «хлеба своей пахоты» за 48 руб.⁴⁴ 17 июня 1703 г. он уже явил лично 280 четвертей хлеба, среди которого «хлеба своей пахоты» было только 90 четвертей, а покупного — 190. Кроме того, на него приходилась часть совместной с крестьянином Архангельской слободы Максимом Лыткиным явки покупного хлеба в 500 четвертей. Всего им было явлено 780 четвертей (6240 пудов) ржи, пшеницы, овса, ячневой муки и крупы на общую сумму в 216 руб. Хлеб этот скупали в 1701 и 1702 гг. у крестьян Бариевской, Красномысской, Крутихинской, Шадринской, Катайской и Колчеданской слобод и по причине мелководья («барка за малою водой не вышла») не смогли привезти в Тобольск в 1702 г.⁴⁵

Максим Лыткин был также не новичком на тобольском рынке. 30 августа 1695 г. он, бывший тогда Архангельского монастыря Исетской заимки вкладчиком, привез вместе «с товарищем Евтюшкою Акинфеевым в Тобольск 150 восьмипудных четвертей всякого хлеба» за 31 руб.⁴⁶ Крутихинский крестьянин Иван Михайлов и архангельский крестьянин Максим Лыткин были крупными хлебными скупщиками.

Об этом свидетельствуют и неоднократное появление их на тобольском рынке, и величина являемого ими покупного хлеба, и территориальные масштабы самой скупки, и возможность на время заморозить капитал, вложенный в хлеб.

Крупными хлебными скупщиками были также исетские крестьяне Лаврентий Яковлев и Андрей Самохвалов, красномысский крестьянин Семен Максимов, архангельский крестьянин Иван Семенов Перевалов вместе с колчеданским крестьянином Степаном Лушниковым, верхненицынский крестьянин Исаак Фотиев, пышминский крестьянин Матвей Панкратьев, исетский крестьянин Никита Ступин, красномысский крестьянин Фома Попов, которые явили в 1703 г. в Тобольске покупного хлеба соответственно 6048, 4552, 4512, 4320, 3712, 2792, 2784 и 2256 пудов. Исетские крестьяне Лаврентий Яковлев, Андрей Самохвалов и Никита Ступин явили скупленный хлеб по барневской, шадринской, красномысской, маслянской, крутихинской, терсуцкой и исетской вынсям. Архангельский крестьянин Иван Семенов Перевалов и его товарищ колчеданский крестьянин Степан Лушников привезли в Тобольск хлеб, приобретенный в Багряцкой, Камышловской, Колчеданской, Крутихинской и Катайской слободах. Красномысские крестьяне Фома Попов и Семен Максимов покупали хлеб в Красномысской, Шадринской, Ольховской, Камышевской, Терсуцкой, Барневской слободах. И только верхненицынский крестьянин Исаак Фотиев и пышминский крестьянин Матвей Панкратьев явили хлеб, купленный в своих слободах. В 1703 г. на долю этих одиннадцати хлебных скупщиков приходилось 43,6 % (4562 четверти) всего крестьянского привоза в Тобольск покупного хлеба. Пятеро из них явили еще 636 четвертей (5088 пудов) «хлеба своей пахоты»⁶⁷, который они возделывали, видимо, с использованием наемного труда. Об этом свидетельствует одна запись в тобольской таможенной книге, где сообщается, что 25 мая 1672 г. из Исетского острога приехали гулящие люди Евсейко и Василий Афонасьевы и работный их человек Иван Дементьев и явили у себя по исетекой проезжей 5 четей ржи на 5 руб. да еще «выработанные осьмину пшеницы ценою полтора рубля»⁶⁸. Выработать эту осьмину пшеницы, как и остальной хлеб, они, вероятно, могли в крестьянском хозяйстве, продавая свою рабочую силу.

В начале XVIII в. в Тобольском разряде имелись крупные крестьянские хозяйства товарного типа. К ним следует, в частности, отнести хозяйства исетских крестьян Василия Юдришникова и Семена Тимофеева, привезших в Тобольск

16 июня 1703 г. в самый разгар сельскохозяйственных работ 393 четверти (3144 пуда) «хлеба своей пахоты», а также хозяйства мехонских крестьян Василия и Осипа Бухаревых, крутихинского крестьянина Михаила Пашкова, шадринского крестьянина Якова Кириллова, исетских крестьян Леонтия Семенова Смольникова и Герасима Соловьева, привезших на тобольский рынок в 1703 г. соответственно 1576, 1568, 1680, 1120 и 976 пудов «хлеба своей пахоты» и 150, 1040, 400, 320 и 462 пуда «покупного хлеба»⁶⁹. От них существенно отличались хозяйства куяровского крестьянина Ивана Заворуева, маслянского крестьянина Агафита Васильева, туринского пашенного крестьянина Федора Будатова, колчеданского крестьянина Родиона Дмитриева Суворовых, Троицкого городка крестьянина Ивана Чуркина, привезших в Тобольск в это же самое время соответственно 150, 200, 48, 24 и 64 пуда «своей пахоты хлеба»⁷⁰. Эти хозяйства носили не столько товарный, сколько потребительский характер, и на рынок из них шли не излишки хлеба, а, скорее, оторванный от собственного потребления хлеб. Крестьянские хозяйства этого типа стали в первую очередь отделяться скупщиками из крестьян от тобольского областного хлебного рынка. В результате такого отделения и происходило, начиная с 1686 г., более быстрое увеличение доли покупного хлеба в общей массе привезенного самими слободскими крестьянами на тобольский рынок. В 1703 г. в крестьянском ввозе хлеба в Тобольск покупной хлеб составлял 65,3 % (10 461 четверть), а остальные 34,7 % (5959 четвертей) приходились на «хлеб своей пахоты». Главным образом это был товарный хлеб зажиточных крестьянских хозяйств.

К категории товарных, по-видимому, следует отнести все хозяйства зажиточных крестьян, которые являли в Тобольске в 1703 г. свыше 50 четвертей (400 пудов) «хлеба своей пахоты». Таких хозяйств было 33, а именно: исетцев Василия Юдришникова, Семена Тимофеева (393 четверти), Терентия Кривоногова (269), Ивана Гусева (172), Леонтия Семенова Смольникова (140), Никиты Посмовцева (132), Герасима Соловьева (122), Дмитрия Спиридонова (108), Лаврентия Яковлева (75), Гаврилы и Игнатия Бархатовых (69), Афанасия Нохрина (60), колчеданцев Степана Лушникова (265), Исаака Шенукова (90), мехонцев Василия и Осипа Бухаревых (187), Ивана Черепанова (60); окуновцев Игнатия Цатрикеева (60), Савы Плотникова (218); крутихинцев Никиты Пашкова (196), Ивана Михайлова (90); миасцев Калины Миронова (74), Леонтия Русанова (68); шадринцев Яко-

ва Кириллова (210), Якова Ольферьева (99); куировца Ивана Андреева Заворухина (56); верхненицынца Михаила Куливанова (62); красногорца Ивана Семенова Хабарова (188,5); прикленцынца Григорья Клякова (75); боляконца Якова Грозина (69); катаяца Гурей Андропова (92); красномысца Фомы Попова (122) и терсутца Семена Филатова (90 четвертей), на долю которых приходилось 70,5 % (3921 четверть) всего крестьянского привоза в Тобольск «хлеба своей пахоты»⁷¹. Показательно, что основная масса этих крестьянских хозяйств находилась в бассейне Исети. Некоторые из крестьян привозили «хлеб своей пахоты» в Тобольск и ранее. Так, терсуцкий крестьянин Семен Филатов в октябре 1690 г. привез на тобольский рынок 15 восьмипудовых четей «хлеба своей пахоты»⁷². В 1694/95 г. «хлеб своей пахоты» привозили в Тобольск катаяцкий крестьянин Гурей Андронов, исетский крестьянин Иван Семенов Гусев, крутихинский крестьянин Иван Михайлов⁷³.

По результатам исследования Т. Е. Квещинской, на верхотурском хлебном рынке в периоде с 1635/36 по 1687/88 г. в числе продавцов хлеба были крестьяне, ямщики, служилые, посадские, церковники, монастырские вкладчики, гулящие люди. Здесь совершенно отсутствовали торговцы из Европейской России, а преобладали верхотурские, невьянские, тагильские, притские, иштинские, арамашевские, белослудские, оленковские, кирганские, камышовские, аятские, пышминские, мураинские, сосновомысские, катаяские, ошварские, туринские крестьяне. В общем количестве явленных в верхотурской таможне хлебных партий на продажу на их долю приходилось в 1635/36 г. 85,56 % (206 явков хлебных партий), в 1653/54 г. — 86,89 % (212 явков), в 1663/64 г. — 93,79 % (136 явков), в 1671/72 г. — 98,88 % (285 явков), в 1677/78 г. — 98,17 % (215 явков), в 1687/88 г. — 98,65 % (220 явков хлебных партий).

Исследование Т. Е. Квещинской также подтверждает наши выводы об укрупнении крестьянских хлебных явков, об отсутствии среди крестьянских хлеботорговцев имущественного равенства и о наличии в Верхотурском уезде крупных крестьянских хозяйств, «производивших хлеб именно на продажу»⁷⁴.

В 1639—1703 гг. посадские люди в поставке разрядного хлеба в Тобольск занимали второе место. На их долю приходилось 14,4 % (5534,5 четверти) слободского хлеба, поставленного за 6 лет его привоза в Тобольск. Особенность посадского хлебного привоза состояла в том, что при постоянном росте его абсолютной величины в течение 1639—

1703 гг. происходило непрерывное сокращение его удельного веса в общем хлебном поступлении на тобольский рынок.

Тобольские, тюменские, туринские и верхотурские посадские люди привозили в Тобольск хлеб как собственной пахоты, так и покупной.

В течение XVII в. постоянно уменьшалось значение лично выращенного хлеба в посадском хлебном ввозе на тобольский рынок. Доли его в этом поступлении неуклонно понижались. Если в 1639/40 г. она составляла 94,6 % (203 четверти) всего хлебного ввоза в Тобольск, то в 1669/70 г. — только 34 % (69 четвертей), а в 1694/95 г. — 12,3 % (130,5 четверти). Удельный же вес покупного хлеба в общей хлебной массе посадского ввоза в Тобольск соответственно возрастал: в 1639/40 г. — 5,4 % (11 четвертей), в 1669/70 г. — 66 % (134,5 четверти), в 1694/95 г. — 87,2 % (875,5 четверти)⁷⁵. Большой процент хлеба собственной пахоты в хлебных явках посадских людей в 1639/40 г. свидетельствует о распространенности хлебопашества среди этой категории населения Западной Сибири. Резкое сокращение в дальнейшем удельного веса хлеба «своей пахоты» в общем объеме посадского хлебного привоза в Тобольск говорит о происшедших в Сибири социально-экономических сдвигах, в результате которых посадское население стало переходить от торговли лично выращенным хлебом к продаже покупного хлеба. Одновременно с этим часть посадских людей, видимо, стала специально производить хлеб на продажу.

Товарным было, в частности, хозяйство туринских посадских людей Панаевых — потомков сына Паная Иванова Тихона: «Федьки Тихонова сына Панаева, его брата Куземки и сына Федьки Ивашки Панаева. Семейство Федора Панаева состояло из 7 душ мужского пола, а отделившегося от него сына Ивана — из 2 душ мужского пола. Каждая из трех семей вела самостоятельное хозяйство, имела собственных дворовых, землю, скот и пр. Но часть сенокосных угодий была в их коллективном владении. Федор Панаев владел восемью дворовыми „камыцкой породы“ и одним русским кабальным человеком Ивашкой Терентьевым. В его дворе находилось 45 лошадей, 88 коров и 74 овцы. Ежегодно Федор (Панаев. — О. В.) засеивал по 10 десяти „в поле, а в два потону“ и помимо того имел 48 десяти залежной земли. На корм скоту заготавливалось по 1560 копен сена. Владел Федор также „птичьей ловлей“, двумя рыболовческими участками (одним совместно со стрельцом Гришкой Каплиным, крестьянами Федькой Корбяшиным и Васькой Ва-

рой, да пушкарем Артюшкой Мамаевым), мельницей и торговой лавкой („восемь затворов“); да он же Федька с детьми, — сообщает источник, — торгует... и отъезжими торгашами. У сына Федора — Ивана Панаева — был один лишь дворовый — калмык. Очевидно, родственники помогали Ивану вести обширное хозяйство, так как его сыну Василию было в 1701 г. всего 12 лет, а рабочих рук самого Ивана и калмыка Куземки Иванова, — как справедливо отмечает Н. А. Миненко, — оказывалось недостаточно⁷⁶. Характеризуя дальше это хозяйство, Н. А. Миненко, констатирует, что Иван имел 10 лошадей, 10 коров, 25 овец, 41,5 десятины залежной земли, 5 десятин посевов в поле и заготавливал ежегодно по 680 копен сена. Он содержал в городе лавку («два затвора»).

В семье Кузьмы Панаева, помимо его самого и лиц женского пола, было четыре сына в возрасте 22 лет (Пронька) и трех Федоров: 19, 15 и 12 лет. В его хозяйстве были заняты дворовые калмыки Ивашко Константинов с женой и 12-летний Куземко Петров. Кузьма Панаев засеивал ежегодно лишь по 4 десятины «в поле, а в дву потомуж», зато имел 60 десятин залежной земли и заготавливал по 2450 копен сена. У него было 12 лошадей, 12 коров, 10 овец, лавка в городе («три затвора») и «рыбная ловля».

Первые сведения о Панаевых как торговцах относятся к 28 ноября 1647 г., когда сын Панаев Иванова Тихон Панаев повез «отцовской посылки» на Тюмень два косяка мыла на 5 руб. 1 июля 1648 г. туринский посадский человек Тихон Панаев продал вместе с сыном стрельца Дмитрия Туголукова Андреем торговому человеку устюжанину Устипу Петрову 3 чети ржи и четь толокна⁷⁷. 22 мая 1669 г. Федор Панаев приезжал в Тобольск, чтобы «у святых отцов в Абалаке помолиться», ⁷⁸ и, можно предположить, для знакомства с торговлей г. Тобольска. 9 мая 1670 г. туринский посадский человек Федор Панаев привез в Тобольск 39 четвертей ржи, ячменя, ржаной муки на 39 руб. 6 алт. 2 ден. да еще на 27 руб. 17 алт. «непроданного русского товару»⁷⁹. Продав эту партию товара и купив два косяка мыла «простого топлото» на 2 руб., он поехал 20 мая 1670 г. в Туринск⁸⁰. 10 мая 1671 г. туринский посадский человек Федор Тихонов (сын Тихона Панаева. — О. В.) явил 2 четверти ржи, что «он покупал в Тобольском уезде дорогою едучи», на 2 руб.⁸¹ Одновременно с этим с него была еще взята померная пошла на с 40 четей ржи⁸². 9 августа 1672 г. туринский посадский человек Федор Тихонов послал свой хлеб в Тобольск с туринским стрелецким десятником Евдокимом Еремеевым.

Всего было у них хлеба 10 четвертей ржи, по четверти овса, ячменя и пшеницы на 13 руб. 23 алт. 2 ден.⁸³ Прибыв в Тобольск 28 августа 1672 г., Евдоким Еремеев и Федор Тихонов явили уже 30 четвертей хлеба, прикупив «по дороге с Тюмени едучи» 16 четвертей крестьянской пахоты ржи на 16 руб.⁸⁴ 22 мая 1687 г. другой представитель туринской посадской фамилии Панаевых — Иван — привез в Тобольск 10 20-пудных четвертей ржи на 10 руб.⁸⁵ 11 июня 1695 г. уже Кузьма Панаев явил в тобольской таможене привезенного из Туринска на дощанике «хлеба своей пахоты» 106,5 8-пудной четверти на 30 руб.⁸⁶

Таким образом, связь этой фамилии с рынком была прочной и продолжительной. Подобные сведения можно привести и по другим посадским семьям. В целом же «хлеб своей пахоты» на тобольском рынке являли, как правило, посадские люди Тюмени, Туринска и Верхотурья. Явки «хлеба своей пахоты» тобольских посадских людей зафиксированы таможенниками Тобольска лишь в 1639/40 и 1671/72 гг. 9 июня 1640 г. тобольский посадский человек Степан Лукьянов повез в Енисейск 60 тобольских таможенных четей ржи «своей пахоты» на 180 руб., а 23 апреля 1762 г. тобольский посадский человек Иван Семенов и пашенные крестьяне Иван Дорофеев и Семен Филатов повезли в Самаровский ям 12,5 четверти ржи, овса, ячменя «своей пахоты» на 9 руб. 30 алт.⁸⁷

Начало привоза покупного хлеба тобольскими посадскими людьми следует отнести к периоду между 1639 и 1644 гг. В 1639/40 г. тобольские посадские люди еще не являли в Тобольске покупного слободского хлеба. Первая явка его относится к июлю 1645 г., когда тобольские посадские люди Василий Федоров Киселев и Ивана Филиппова Шапочкина сын Дементий привезли из Нижненицынской слободы 18 четвертей ржи и 8 четвертей пшеницы на 42 руб., которые они выручили от продажи в Нижненицынской слободе «своей тобольской уловной рыбы»⁸⁸. В мае 1648 г. они уже привезли из Нижненицынской слободы 156 четвертей ржи, ячменя, овса и пшеницы на 186 руб. 9 алт. 4 ден. Одновременно с ними приехавший в Тобольск из Тюмени тобольский посадский человек Владимир Слободин явил «тюменские покупки» 45 четвертей ржи на 45 руб.⁸⁹ В 1649/50 и 1655/56 гг. тобольские посадские люди не привозили слободского хлеба⁹⁰. В 1660/61 г. уже другой сын тобольского посадского человека Ивана Филиппова Шапочкина, Константин, являл в Тобольске привезенные из слобод хлеб, мясо, масло на 92 руб. 6 алт. 4 ден. Продав это все

в Томске, он купил там пушнину на 303 руб., с которой и приехал в Тобольск 11 июля 1662 г.⁹¹ Одновременно с ним в Тобольск возвратился из Беляжской слободы тобольский посадский человек Юшка Микитин и привез 12 четвертей купленного в ней хлеба⁹². Наибольшей интенсивности посадский съезд тюменского, туринского, нижнеинцианского, верхнеинцианского, чубаровского, ядutorовского, киргизинского, беляжского, шадринского, исетского крестьянского хлеба в Тобольске достиг в 1669—1695 гг., когда ежегодно со слободским хлебом в тобольской таможне являлись 5—7 тобольских посадских людей, а в 1671/72 г. купленный в слободах хлеб явили 11 чел. тобольских посадских людей. В 1644—1695 гг. в скупке слободского хлеба участвовали 42 чел. тобольских посадских людей⁹³.

Систематически скупкой слободского хлеба занимались только три посадские семьи. Почти ежегодно с 1645 по 1703 г. закупали хлеб в слободах тобольский житель Иван Фролов Пуртов и его сын тобольский посадский человек Ларион Пуртов. В тобольских таможенных книгах Иван Фролов Пуртов именовался по-разному: устюжским промышленным человеком, устюжским торговым человеком, тобольским торговым человеком, тобольским жителем, что отражало изменение положения и Тобольске самого Ивана Пуртова, превращение его из пришельца с Устюга Великого в постоянного тобольского жителя. В 1644/45 г. Иван Фролов Пуртов привез в Тобольск 30 четвертей нижнеинцианского хлеба, в 1649/50 г. — 11 четвертей туринского и тюменского хлеба, в 1668/69 г. — 40 четвертей нижнеинцианского хлеба, в 1669/70 г. — 40 четвертей тюменского и шадринского хлеба⁹⁴. Затем постаревшего отца в скупке слободского хлеба заменил его сын — Ларион Пуртов. В 1683/84 г. он привез из слобод 8 четвертей ржи, в 1686/87 г. — 25 четвертей ржи, ржаной и пшеничной муки, в 1690/91 г. — 90 четвертей хлеба на 20 руб. 23 алт. 2 ден., в 1694/95 г. — 350 четвертей хлеба (совместно с исетским жильцом Яковом Ермолаевым) на 55 руб., в 1703 г. — 1099 четвертей ржи, пшеницы, ржаной и пшеничной муки, овса, ячменя и ячневой крупы на 528 руб. 23 алт. 2 ден. (совместно с исетским бобылем Обросимом Ивановым, оброчным крестьянином Яковом Чебыкиным). Из этой суммы на долю самого Лариона Пуртова приходилось 349 руб. 20 алт.⁹⁵

Такой же регулярный характер, хотя и в несколько меньших размерах, скупка слободского хлеба носила в семье тобольского посадского человека Ивана Филиппова. Это была ремесленно-торговая семья. Сам ее глава — Иван

Филиппов — вместе с домашними работниками, среди которых были не только его родственники, но и купленные «казмыцкие ясыри»⁹⁶, занимался изготовлением шапок. Дети же его — Дементий и Константин Ивановы занимались приобретением необходимых для шапочного промысла предметов, продуктов питания и сбытом готовых изделий. В обмен на шапочные изделия «своего промыслу» они получали значительное количество слободского хлеба. В 1644/45 г. ими было выменено и куплено в слободах 26 четвертей ржи, пшеницы, овса, ячменя, в 1647/48 г. — 11 четвертей, в 1660/61 г. — 90, в 1668/69 г. — 20, в 1669/70 г. — 17, в 1670/71 г. — 39 и в 1671/72 г. — 52 четверти⁹⁷. Показательно, что этот хлеб в последние два года был явлен Константином Ивановым не в одной явке, а в двух. Это говорит о том, что он дважды в году приезжал в Тобольск из слобод. Впоследствии он стал торговать не только «земскими» (сибирскими), но и «русскими» товарами, скупленными у различных лиц. Хлеб же он приобретал не в слободах, а непосредственно на тобольском рынке у приезжавших слободских крестьян.

Тобольский посадский человек Тихон Леонтьев Кунгуров скупку слободского хлеба совмещал со скупкой в деревнях скота. Компаньонами его в скупке слободского хлеба четыре года выступали Лука Панфилов, Андрей Перфильев, Лев Иванов Герасимов и Василий Дементьев. В 1668/69 г. Тихон Кунгуров вместе с Лукой Панфиловым привезли из слобод в трех партиях 27 четвертей хлеба. В 1667/68 г. им совместно с Андреем Перфильевым было явлено в трех партиях 45 четвертей слободского хлеба. В 1670/71 г. он и Лев Иванов Герасимов привезли из слобод в четырех партиях 60,5 четверти ржи, ячменя и ржаной муки. В 1671/72 г. Тихон Леонтьев Кунгуров вместе с Василием Дементьевым явили в трех партиях 52 четверти покупного слободского хлеба⁹⁸. В дальнейшем он полностью сосредоточился на скупке скота. Вместе со своим сыном Василием — мясником — он пригонял скот в Тобольск из слобод⁹⁹. В 1668—1695 гг. ими ежегодно пригонялось от 2 до 100 голов скота¹⁰⁰. Хлеб же для откорма этого скота они стали покупать непосредственно на тобольском рынке у приезжавших слободских крестьян, которые поставляли его сюда в достаточном и все возрастающем количестве. В связи с этим отпала необходимость им самим скупать хлеб, ездя по деревням.

Участие же сибирских посадских людей в хлебной торговле на верхотурском рынке, по данным Т. Е. Невединой, было очень слабым. В общем количестве хлебных партий, являемых на продажу, на долю посадских приходилось

в 1635/36 г. 0,84 % (2 партии), в 1653/54 г. — 0,82 % (2 партии), в 1663/64 г. — 0,69 % (1 партия). В 1671/72, 1677/78, 1687/88 гг. они вообще не принимали участия в продаже хлеба на верхотурском рынке¹⁰¹.

Третье место в поставке слободского хлеба в Тобольск занимали служилые люди Тобольского разряда. За указанные выше 6 лет ими было привезено 5219 четвертей слободского хлеба, что составляло в суммарном за эти годы ввозе 13,6 %. Доля служилых людей во ввозе слободского хлеба в Тобольск сначала (до 1669/70 г.) росла, а затем начала падать и в 1703 г. снова возросла. Однако абсолютное количество ввозимого в Тобольск служилыми людьми Тобольского разряда слободского хлеба непрерывно увеличивалось. В начале XVIII в. они в этом отношении даже несколько опередили посадских людей. В XVII в. служилые люди Тобольского разряда переходили от торговли на тобольском рынке «хлебом своей пахоты» к торговле покупным хлебом. В 1639/40 г. они являли в тобольской таможне только «хлеб своей пахоты», а в дальнейшем — и покупной, доля которого в их явках стала возрастать. В 1703 г. покупной хлеб в явках служилых людей преобладал — 93,6 % (7351 четверть). Хлеб «своей служилой пахоты» в их явках составил в этом году 6,4 % (278 четвертей). Среди служилых людей Тобольского разряда появились крупные скупщики. К ним следует отнести тобольского пешего казака Герасима Скрыпина, тобольского служилого человека Федора Рехтина, тюменского пешего казака Максима Щетникова. Первый из них привез в Тобольск 26 сентября 1703 г. 578 четвертей (4604 пуда) терсуцкой и песецкой покупки ржи, ржаной и пшеничной муки на 163,5 руб. Второй явил 21 сентября 1703 г. по шадринской, маслянской, барневской, ольховской и меховской выписи 320 четвертей (2650 пудов) покупного хлеба на 110 руб. 18 алт. 2 ден. Третий дважды (7 мая и 11 июня) привозил из Тюмени покупной хлеб. Всего им было привезено в Тобольск 328 четвертей (2624 пуда) ржи, ржаной и пшеничной муки на 98 руб. Хлеб этот они покупали на деньги, вырученные от продажи соли и бухарского товара, а также на иные «товарные деньги»¹⁰².

В хлебной же продаже на верхотурском рынке на долю служилых людей в 1635/36 г. приходилось 5,46 % (13 хлебных партий), в 1653/54 г. — 3,68 % (9 партий), в 1663/64 г. — 2,76 % (4 партии), в 1671/72 г. — 0,69 % (2 партии), в 1677/78 г. — 0,91 % (2 партии). В 1687/88 г. служилые люди не поставляли хлеб на верхотурский рынок, а к концу 80-х годов XVII в. совсем исчезли из состава продавцов хлеба¹⁰³.

Четвертое место в привозе слободского хлеба в Тобольск принадлежало ямщикам Тобольского разряда. Всего ими за анализируемые 6 лет было привезено в Тобольск 2051,5 четверти (5,3 %) разрядного хлеба. Участвовать в привозе слободского хлеба они стали с 1669/70 г., но наиболее крупные партии хлеба являли только после 1686/87 г. В 1694/95 г. тюменские ямщики Григорий Федоров Перевалов и Андрей Перевалов привезли в Тобольск соответственно 69 и 68,5 четверти муки ржаной и пшеничной, круп и толкна «своей пахоты» на 60 руб. 13 алт. Покупного хлеба было привезено только 20 четвертей на 6 руб. 20 алт.¹⁰⁴ В 1703 г. положение изменилось. Покупной хлеб являли тюменские ямщики братья Семен и Иван Переваловы (415 8-пудных четвертей), Андрей Перевалов (776 четвертей), Елисей Алексеев Кузнецов (350 четвертей), Ермолай Соколов (181 четверть). Только туринские ямщики Михаил Нифанов и Михаил Коркин привезли 31 четверть ржи, овса и ржаной муки «своей пахоты». Семен и Иван Переваловы хлеб скупали в Тюмени, Туринске, Ницынской, Чубаровской и Киргинской слободах, Елисей Кузнецов — в Верхотурском уезде, Пышминской, Красногорской слободах, Андрей Перевалов — в Пышминской, Камышловской, Киргинской, Красноярской, Буткинской и Калининской слободах и Ермолай Соколов — в Пышминской слободе¹⁰⁵. Братья Иван и Семен Переваловы приобретали слободский хлеб на деньги, вырученные от продажи соли¹⁰⁶. Андрей Перевалов купил хлеб, распродав в слободах восточные товары, привезенные в 1702 г. с Ямышевской ярмарки¹⁰⁷. Всех тюменских ямщиков Переваловых можно считать настоящими торговцами, для которых скупка хлеба была лишь необходимым звеном в их торговой деятельности.

На верхотурском же рынке ямщикам принадлежало по количеству явленных на продажу партий хлеба второе место. Их доля в общей массе явленных на продажу хлебных партий составляла в 1635/36 г. 5,88 % (14 партий), в 1653/54 г. — 4,51 % (11 партий), в 1663/64 г. 2,76 % (4 партии), в 1671/72 г. — 0,69 % (1 партия), в 1677/78 г. — 0,48 % (1 партия), а в 1687/88 г. они хлебных партий на продажу не являли¹⁰⁸.

Остальные категории населения (церковники, монастырские вкладчики, татары, бухарцы) принимали слабое участие во ввозе слободского хлеба на тобольский рынок. Мало участвовали церковники, монастырские вкладчики, гулящие люди и в хлебной продаже на верхотурском рынке¹⁰⁹.

Из данных табл. 20 видно, что развитие товарного хозяйства на базе дальнейшего углубления общественного

Таблица 20

Соотношение покупного и собственного выращенного хлеба во ввозе разрядного хлеба в Тобольск *

Хлеб	1639/40		1669/70		1670/71		1703	
	Чети	%	Чети	%	Чети	%	Чети	%
Своей пахоты	387,5	67,6	19,5	17,0	209,5	28,6	5 580	20,5
Покупной	177,5	31,0	44,0	37,8	473,5	64,7	21 700	79,5
Ручной **	7,0	1,3	—	—	—	—	—	—
Неизвестный	—	—	58,0	45,2	50,0	6,7	—	—
Итого . . .	572,0	100,0	118,5	100,0	733,0	100,0	27 280	100,0

* ЦГАДА, СП, кн. 44, 540, 547, 1368.

** Хлеб ручной — это хлеб, полученный на содержание церковного причта.

разделения труда сопровождалось увеличением удельного веса покупного хлеба во ввозе слободского хлеба на тобольский областной хлебный рынок и отделением от этого рынка непосредственного производителя хлеба скупщиком. Отдельные крупные зажиточные крестьянские и посадские хозяйства, в свою очередь, становились товарными и специализировались на производстве хлеба на продажу. Это подтверждается и укрупнением самих хлебных явок (табл. 21 и 22). Начать сопоставление с 1639/40 г. помешало разное содержание четвертей, которыми измерялся хлеб до 1694/95 г. Для удобства анализа в табл. 23 хлебные явки разделены на три группы: мелкие (до 51 четверти), средние (до 151 четверти) и крупные (свыше 151 четверти). Хотя подобное членение, как и всякое иное, является условным, но оно позволяет более четко показать динамику изменений, которые претерпела каждая социальная группа ввозителей разрядного, в том числе и слободского, хлеба в Тобольск.

Из приведенных в табл. 21—23 данных видно, что за 1694—1703 гг. расширился диапазон самих хлебных явок. В 1703 г. в их составе появились хлебные явки величиной до 5 четвертей и явки свыше 400 (401—1099) четвертей. Явок подобной величины в 1694/95 г. не было.

Появление таких явок обусловилось разными обстоятельствами. С одной стороны, усилившаяся к этому времени коммутация ренты, как следствие определенных социально-экономических сдвигов, вынуждала крестьян продавать хлеб для уплаты денежного оброка. Это вызвало появление на рынке мелких хлебных продаж, осуществлявшихся самими непосредственными производителями хлеба. С другой

Таблица 21

Соотношение различных категорий ввозителей слободского хлеба в Тобольск в 1694/95 г. по числу отдельных хлебных явок *

Социальная группа	Число случаев хлебных явок соответствующей величины (величина явок — в четах)													Всего
	1—8	9—15	16—50	51—75	76—100	101—125	126—150	151—175	176—200	201—300	301—400	401—500	Свыше 500	
Посадские люди	—	4	2	—	2	2	—	—	—	—	1	—	—	11
Служилые *	—	2	2	3	1	—	1	—	—	—	—	—	—	9
Служилые татары	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Церковники	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Ямщики	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Монастырские вкладчики	—	—	3	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	6
Крестьяне	—	14	2	2	—	4	4	—	7	1	3	—	—	37
Промышленные люди	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого . . .	—	21	9	8	6	6	6	—	7	2	4	—	—	69

* ЦГАДА, СП, кн. 1078.

стороны, происходившая в результате углубления общественного разделения труда товаризация хозяйства приводила к расширению территориальных рамок тобольского областного хлебного рынка. Выход его за пределы непосредственно прилегающей округи привел к расширению скупочных операций и отделению непосредственного производителя хлеба от рынка сбыта скупщиком. В результате происходило укрупнение сбыта и появлялись крупные хлебные скупщики из разных слоев сибирского населения.

Особенно отчетливо противоречивость этого процесса наблюдалась среди самих крестьян. В течение 1694—1703 гг. удельный вес мелких крестьянских хлебных партий на тобольском рынке упал с 43,3 % в 1694/95 г. до 28,1 % в 1703 г. Одновременно увеличилась доля явок крупных хлебных партий — соответственно с 29,7 до 32,7 %. При этом если в 1694/95 г. крупные крестьянские явки слободского хлеба колебались в пределах 176—400 8-пудных четвертей, то в 1703 г. — уже в пределах 151 — свыше 500 8-пудных четвертей. Увеличился удельный вес хлебных партий средней величины — с 27 до 39,2 %. Таким образом, доли средних и крупных хлебных партий возрастали за счет уменьшения

Соотношение различных категорий ввозителей слободского хлеба в
Тобольск в 1703 г. по числу отдельных хлебных явков *

Социальная группа	Число случаев хлебных явков соответствующей величины (величина явков — в четках)											Всего
	1-3	4-5	26-30	31-75	76-100	101-125	126-150	151-175	176-200	201-300	301-500	
Посадские люди	—	4	1	—	2	—	—	1	—	2	—	12
Служилые	1	4	2	2	3	—	2	2	—	5	—	24
Церковники	—	—	—	2	1	2	1	—	—	1	—	7
Монастырские исладчики	—	2	2	—	1	2	—	—	—	—	—	7
Крестьяне	2	16	13	12	15	7	11	10	3	10	5	110
Ясачные татары	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Торговцы с Ру- си	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
Промышленные люди	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	4
Гулящие люди	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
Ямщики	—	2	—	1	—	—	—	—	1	—	—	7
Итого . . .	3	29	19	19	22	12	15	14	4	18	5	176

ЦГАДА, СП, кв. 1368.

удельного веса мелких партий. Отделение непосредственного производителя от рынка сбыта и укрупнение самого сбыта — два взаимосвязанных процесса, и оба они прослеживаются по материалам крестьянских явков слободского хлеба на тобольском рынке.

Такие же процессы происходили и среди остальных категорий ввозителей разрядного хлеба на тобольский рынок. Среди посадских поставщиков слободского хлеба на тобольский рынок также наблюдалось укрупнение сбыта за счет уменьшения доли во ввозе мелких хлебных партий. К 1703 г. по сравнению с 1694/95 г. удельный вес в их хлебном ввозе мелких хлебных партий упал с 54,5 до 41,7 %. В отличие от крестьянских ввозителей слободского хлеба у посадских поставщиков удельный вес крупных партий хлеба в их ввозе увеличивался за счет уменьшения удельного веса и мелких, и средних партий. Это происходило потому, что у посадского населения занятие хлебопашеством уходило в прошлое. Они становились с каждым годом все в большей степени торгово-промышленным слоем сибирского населения. Как

Таблица 22

Таблица 23
Изменение соотношения различных категорий ввозителей слободского хлеба в Тобольск по величине отдельных хлебных явков в 1694—1703 гг.*

Социальная группа	1694/1695				1703			
	Мелкие яв- ки (до 50 четек)		Средние яв- ки (от 51 до 150 четек)		Крупные яв- ки (свыше 151 четек)		Итого	
	Число случаев явков	%	Число случаев явков	%	Число случаев явков	%	Число случаев явков	%
Посадские люди	6	54,5	4	38,4	1	9,1	11	100
Служилые	4	44,4	5	55,6	—	—	9	100
Служилые татары	—	—	1	100	—	—	1	100
Церковники	1	100	—	—	—	—	1	100
Ямщики	—	—	3	100	—	—	3	100
Монастырские исладчики	3	50	3	50	—	—	6	100
Крестьяне	46	43,3	40	27	11	29,7	37	100
Ясачные татары	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговцы с Русю	—	—	—	—	—	—	—	—
Промышленные люди	—	—	1	100	—	—	1	100
Гулящие люди	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	29	42,5	26	38,5	12	19	68	100
							57	32,4
							176	100

ЦГАДА, СП, кв. 1078, 1368.

следствие этого, удельный вес крупных явок в их хлебном ввозе в Тобольск увеличился с 9,1 до 41,7 %. В еще большей степени процесс отделения от земледелия прослеживается у служилых людей Тобольского разряда. Не привозившие в 1694/95 г. в Тобольск ни одной крупной партии «хлеба своей пахоты» и слободского хлеба, они стали являть их в 1703 г. Более того, удельный вес крупных хлебных партий в их ввозе составил в 1703 г. 41,6 %. Появились настоящие крупные торговцы покупным хлебом.

Среди ямщиков Тобольского разряда также появились крупные скупщики хлеба. В торговле слободским хлебом возросло значение и служителей культа, которые старались приспособить новые веяния к своим интересам.

Итак, в Тобольске на протяжении XVII в. в результате успешного развития созданного русскими земледелия, углубления общественного и географического разделения труда, а также вследствие выгодного расположения самого города на транспортных путях сложился крупный, устойчивый и постоянно растущий областной хлебный рынок, стягивавший хлеб с территорий Тобольского, Тюменского, Туринского и частично Верхотурского уездов, удаленных от него на расстояние 500—600 верст. В той или иной степени в поставке хлеба на этот рынок участвовал 51 населенный пункт Тобольского разряда, в то время как верхотурский рынок снабжали хлебом всего лишь 17. На рубеже XVII—XVIII вв. на тобольский хлебный рынок поступило свыше 11,2 % (27 280 8-пудных четвертей) всего произведенного государственными крестьянами Тобольского разряда хлеба. Объем хлебной продукции, поступавшей на верхотурский рынок из слобод Верхотурского, Туринского, Тюменского и Тобольского уездов Тобольского разряда, составил в 1687/88 г. 4024 3,5-пудных кадей, тогда как в 1635/36 г. сюда было привезено всего лишь 3027 кадей. Действительная же товарность земледелия Верхотурско-Тобольского района, как отмечалось выше, была значительно выше нечисленной.

Возросшая товарность земледелия Верхотурско-Тобольского района привела к увеличению удельного веса хлеба в общей массе явленных в тобольской таможне на продажу товаров с 3,9 % (2621 руб.) в 1639/40 г. до 35,5 % (8969 руб.) в 1703 г. Среди товаров местного промыслового (пушнина, рыба, хмель и т. д.), промышленного (кожевенничество, портняжничество, металлообработка и оружейное дело, деревообработка, салотопление, изготовление пищевой продукции, ювелирное дело, гончарное, иконописание и переплетное

дело, химические промыслы) и сельскохозяйственного (хлеб, скот, мясо, масло, овощи) производства хлеб по своей стоимости вышел на первое место на верхотурском рынке между 1653/54 и 1663/64 гг., а на тобольском — в 1703 г. С 1685 г. Сибирь стала обходиться хлебом собственного производства без хлебного завоза из Поморья.

В течение XVII в. расширилось влияние тобольского хлебного рынка, вызванное превращением исетских слобод в основных поставщиков хлеба. До середины XVII в. эту роль выполняли ильинские слободы. В конце XVII — начале XVIII в. в бассейне Исети стал складываться основной — Верхотурско-Тобольский — район товарного земледелия Западной Сибири.

Расширение торговых связей тобольского рынка с земледельческими слободами Верхотурско-Тобольского района, сокращение невозможного периода и возрастание притока слободского хлеба вызвали снижение рыночных и таможенных хлебных цен на этом рынке и нивелировку их в масштабах всего района. Ассортимент хлебных товаров определялся как социально-экономическим состоянием Сибири, так и спецификой ее земледелия. Сокращение вывоза хлеба на восток в связи с созданием и успешным развитием Томско-Кузнецкого, Енисейского, Левского и Забайкальско-Амурского земледельческих районов не приостановило развития тобольского рынка.

По количеству продаваемого хлеба тобольский хлебный рынок значительно превосходил как сибирские (верхотурский, енисейский, илимский, иркутский, забайкальский), так и поморские (кунгурской, великоустюжский, архангельский) рынки, но существенно уступал орловскому.

О емкости всего сибирского хлебного рынка говорит тот факт, что в 1694—1699 гг. казна ежегодно закупала здесь для обеспечения жалованных людей 29 223 8-пудных четверти разного хлеба¹¹⁹.

В XVII в. хлебный рынок в Верхотурско-Тобольском районе находился в руках сибирских торговцев. Торговцы «с Руси», занятые главным образом обменом «русских» товаров на сибирские охотничье-промыслово-промышленные и восточные товары, принимали слабое, весьма нерегулярное и постепенно сокращавшееся участие в тобольской хлебной торговле. Среди ввозителей разрядного хлеба в Тобольск господствующее положение к концу анализируемого периода заняли крестьяне, заменив посадских, которые в начале XVIII в. передвинулись даже на третье место, уступив служилым людям Тобольского разряда. Последующие места

в этой торговле принадлежали ямщикам, монастырским вкладчикам, перковникам (т. е. ружьякам), тобольским бухарцам, служилым и ясачным татарам. На верхотурском рынке главными продавцами хлеба были также сибирские крестьяне, на долю которых в течение 1635—1688 гг. приходилось от 86,56 до 98,65 % всех явленных на продажу партий хлеба. За ними с колоссальным разрывом шли ямщики (от 0,69 до 5,88 %), служилые (от 0,69 до 5,46 %), перковники (от 0,34 до 3,28 %), посадские (от 0,69 до 0,84 %), монастырские вкладчики (от 0,41 до 0,46 %), гулящие люди (от 0,41 до 0,42 %). Торговцы «с Руси» хлеб на верхотурском рынке не продавали.

Социально-экономические сдвиги в сибирской жизни этого периода, вызванные прогрессивным влиянием русской колонизации, сопровождались развитием товарного хозяйства на базе дальнейшего роста производительных сил, углубления общественного и географического разделения труда, отделения города от деревни, специализации и усложнения социальных отношений в Сибири. На хлебных рынках региона, главным среди которых был тобольский, с каждым годом сосредоточивалось все большее количество хлеба, привозимого из слобод. При этом доля «хлеба своей пахоты» среди ввозимого на тобольский рынок слободского хлеба постоянно снижалась за счет увеличения доли покупного хлеба. Это знаменовало собой отделение непосредственного производителя от рынка сбыта скупщиком, в результате чего происходили расширение и укрупнение сбыта, появление крупных скупщиков из разных слоев сибирского населения. В конце XVII — начале XVIII в. на долю скупщиков приходилось 79,5 % всего привезенного в Тобольск разрядного, в том числе и слободского, хлеба, тогда как в 1639/40 г. — только 31 %. Особенно возросло значение во ввозе слободского хлеба скупщиков, вышедших из среды самих слободских крестьян. В 1703 г. их доля в поставках слободского хлеба в Тобольск составляла 38,3 % (10461 8-пудная четверть), а в 1639/40 г. она была равна всего 2,3 % (16 разнорудных четвертей). Одновременно с этим во ввозе «хлеба своей пахоты» происходило увеличение товарного хлеба, хлеба, специально произведенного крупными крестьянскими, посадскими и прочими земельными хозяйствами для продажи. Это сопровождалось сокращением невозможного периода, укрупнением сбыта и расширением диапазона самих хлебных явок. Товарный хлеб «своей пахоты» реализовывался на рынке непосредственно владельцами своих хозяйств. Появление хлебного скупщика из крестьян и нали-

чие зажиточных товарных крестьянских, посадских и прочих земледельческих хозяйств, использующих наемный труд¹¹¹, представляют собой немаловажное подтверждение ленинской характеристики XVII в. как нового периода русской истории, как начального периода сложения всероссийского рынка с его буржуазными связями.

6. ПРОМЫСЛОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVIII в.

В ряду больших и принципиально важных проблем, усиленно разрабатываемых в последнее время советской исторической наукой, не последнее место принадлежит проблеме генезиса капитализма¹, без уяснения которой нельзя понять и правильно оценить многие явления социально-экономической, политической и культурной жизни России периода позднего феодализма.

Ленин указывал, что «в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое»² и что «существенными признаками капитализма... являются... товарное производство, как *общая* форма производства...» и «...принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма»³.

При феодализме в отличие от капитализма господствует не товарно-денежное, а патриархально-натуральное хозяйство⁴, при котором «патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с домашними промыслами (т. е. с обработкой сырья для своего потребления)»⁵ в одно неразрывное целое. Ленин также отмечал, что «основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже товары) на продукты земледелия. Земледелие таким образом само становится промышленностью

(т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации»⁶.

Рассмотрение с этих позиций влияния промыслово-промышленной деятельности крестьян на отставание «от преобладающего массива патриархальных, традиционно-феодальных крестьянских хозяйств»⁷ все новых и новых групп крестьян с переходом их через разнообразные опосредствующие формы «соединения промысла и земледелия»⁸ в ряды сначала простых товаропроизводителей, а затем и капиталистических предпринимателей не может не содействовать решению и общей проблемы генезиса капитализма в России, и том числе в Сибири. В этой связи заслуживает внимания изучение видов, распространенности, объема, товарности и характера промыслово-промышленной деятельности русских крестьян Сибири, т. е. лиц, занимавшихся земледелием и входящих фактически в крестьянское сословие.

Исследование охватывает всю территорию Сибири за период времени с конца XVI до начала XVIII в. В истории Сибири это было время ее первичного заселения и хозяйственного освоения русскими. Оно составляет особый этап ее развития⁹. За это время Сибирь стала органической частью России и превратилась из промыслово-охотничьей в земледельческо-промышленную. По характеру своего социально-экономического развития Сибирь, не знавшая крепостного права и помещичьего землевладения, напоминала российское Поморье. Все это, конечно, сказывалось на размерах и характере промыслово-промышленной деятельности русских крестьян Сибири конца XVI — начала XVIII в.

Среди сибиреведческих работ специальных монографических исследований по данной проблематике нет. В имеющейся литературе содержатся лишь отрывочные и разрозненные сведения, собрать и проанализировать которые составляет немало труда. Эта попытка впервые была предпринята нами¹⁰. Кроме этих опубликованных документальных и литературных данных источниковую базу очерка составили и архивные сведения, выловленные по крупицам из перечисленных в Примечаниях таможенных, дозорных, переписных и окладных книг Тобольска, Тары, Верхотурья, Туринска, Тюмени, Томска, а также из других материалов фонда Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов. Источниковедческая оценка данных материалов, кроме имевшейся в литературе, о которой сказано было в очерке третьем, приводится, где это нужно, и в данном тексте. Отрывочность, разрозненность, разновременность и разнотипность самих сведений лишили нас

возможности проследить в полной мере динамику и социальные последствия промыслово-промышленной деятельности русских крестьян Сибири от начала и до конца исследуемого периода.

Оказавшись в неземледельческой и непромышленной Сибири, русские крестьяне вынуждены были для поддержания своего существования и изыскания дополнительных средств для развертывания хлебопашества и животноводства обращаться к промысловой и промышленной деятельности по добыче и переработке дикого зверя, птицы, рыбы, хмели, дерева, руд, минералов, волокнистых растений и т. д. При этом роль промыслов в крестьянском обзаведении у первых поселенцев этого края была большей, чем у последующих. В основе промысловой деятельности сибирских крестьян лежал опыт, вынесенный из Европейской России, приспособленный к местным условиям и дополненный приемами и навыками аборигенов.

Среди разнообразных и многочисленных хозяйственных занятий сибирских крестьян охотничий промысел, дававший пушнину, шкуры, пух, перья, мясо и сало, был одним из ранних. С ним они были связаны и генетически, и экономически. Являясь в большинстве своем выходцами из Поморья, где промысловая деятельность крестьянства имела давние традиции, многие из них до оседания на сибирской земле сами занимались многие годы подряд добычей пушнины в Сибири как профессиональные охотники на своем («своеуженички») или на предпринимательском («покрученники» — наемные работники) промысловом снаряжении. Даже не будучи прежде профессиональными охотниками, сибирские крестьяне периода первоначального освоения Сибири русскими в той или иной степени занимались пушным промыслом. Пушнина была тогда почти единственным товаром, на который можно было приобрести все необходимое для крестьянского обзаведения. Да и потом охота, как и прочие промыслы, потребляла для своего функционирования большую массу сельскохозяйственной продукции, стимулировала развитие крестьянского хозяйства в Сибири и рост его товарности¹¹.

В земледельческих районах края русские крестьяне, воспользовавшись на первых порах охотой как дополнительным источником получения жизненных припасов для личного потребления и материальных средств для заведения собственного сельскохозяйственного производства, затем в массе своей отходили от нее, сосредоточиваясь в основном на земледельческих занятиях, хотя среди самих

крестьян было немало бывших охотников-звероловов, а окружавшие их пашни леса были еще в XVII — первой четверти XVIII в. богаты разнообразными зверями: белками, горностаями, зайцами, лисицами, куницами, медведями, волками, лосями, маралами, кабаргами и т. д. В непашенных местностях Сибири охота в рассматриваемое время оставалась одним из основных занятий крестьян¹².

Реализация пушнины «своего промысла» непосредственно на гостинном дворе и крупными партиями сопровождалась поименной регистрацией в таможенных книгах. Таких поименно зарегистрированных крестьянских продавцов пушнины «своего промысла» тюменские и томские таможенные книги XVII в. совсем не знают¹³, а тобольские и енисейские насчитывают их единицы, да и то не за все годы¹⁴. В Тобольске их было зарегистрировано в 1639/40 г. всего 4 чел., а в 1661/62, 1668/69, 1683/84 и 1703 гг. — лишь по одному человеку. При этом стоимость пушнины «своего промысла», явленной каждым из них на продажу, составляла от 0,7 до 12 руб.¹⁵ Енисейские таможенники только в одном году (1626/27) отметили поименную продажу крестьянами (3 чел.) пушнины «своего промысла»¹⁶. В 20—80-е годы XVII в. в Мангазейском, Енисейском, Илимском уездах и Якутии среди 15 983 поименно зарегистрированных в таможенных книгах охотников-профессионалов, добывавших соболей, сибирских крестьян было всего 28 чел. (0,4 %)¹⁷. Отдельные охотники-профессионалы из сибирских крестьян добывали значительное количество соболей. Так, енисейский крестьянин Колман добыл за 1627—1633 гг. 620 соболей, а илимский крестьянин Т. Ф. Буторин за 1648—1659 гг. — 599¹⁸. Слабое отражение в таможенных книгах крестьянской охоты объясняется суммарной регистрацией в них десятинного таможенного сбора с крестьянских продаж пушнины «в розницу» на базаре и в других местах и неупоминанием, как правило, имени продавца при уплате за него пошлины скупщиком. Поэтому фактическое участие крестьян в охотничьем промысле «на продажу» и «про себя» было большим. Так, в 1722 г. из 280 илимских пашенных крестьян охотились в тайге, по их «скалкам», 4 чел., т. е. 1,4 %¹⁹.

Охотились крестьяне и на лесную, и на водоплавающую птицу, причем особенно интенсивно — в северных районах²⁰.

Расположение, как правило, крестьянских поселений по берегам многочисленных рек и озер, в непосредственной близости от воды, обилие в водоемах разнообразных ценных (осетр, муксун, сырок, пыжьян, нельма, шокур, стерлядь, налим, омуль и др.) и менее ценных (щука, сельдь, окунь,

ерш, таймень, хариус, тугун, карась и др.) пород рыбы, являвшейся для сибиряков одним из основных продовольственных продуктов, несложность изготовления приспособлений (запоры, проруби и т. д.), орудий (уда, перемет, морда, сеть, невод, острога и т. д.), воспроизведения и усвоения отработанных ранее приемов и способов лова рыбы («сорочкой» — весенний, «сневодный» — летний, «самоловный», «уровый» — зимний) и ее сохранения (живая, свежая, сушеная, лосеная, соленая, прасольная, мороженная и т. д.) способствовали более широкому по сравнению с охотой распространению рыболовства среди сибирских крестьян. Свои рыболовные приемы и орудия лова они умели сообразовывать и со временем года, и с характером промысловых угодий (пески, затоны, курьи, протоки, «сора» — обширные надлужные различные водные пространства, богатые кормами для рыб), и с повадками рыбы²¹.

Наиболее благоприятные условия для рыболовства «про себя» и «на продажу» складывались для сибирских крестьян, проживавших по берегам Оби и ее притоков в низовьях Таза, Енисея, Хеты, Хатанги, на Вилюе, Яне, Среднем Енисее, Ангаре, оз. Байкал, Колыме, Индигирке, Анадыре, на реках Камчатки, Охотского побережья, Амуре, исключительно богатых рыбой²². Так как очень часто сибирские крестьяне, ловя рыбу, умели ссылками на незначительность улова «про себя» уклониться от уплаты оброка²³, то в источниках содержится сильно заниженные данные на этот счет. Но все же и по ним видно, что рыболовство среди крестьян было больше распространено, чем охота, и носило повсеместный и массовый характер. В 1704 г. в Енисейском уезде рыбу промышляли 117 государевых крестьян и 4 монастырских крестьянина. От всех енисейских уездных крестьян (1038 дворохозяев) они составляли 11,6 % (121 дворохозяин). При этом большинство из них ловило рыбу для себя (114 чел.) и лишь семеро на продажу (четверо — только на продажу, трое — на себя и на продажу)²⁴. В 1720—1722 гг. в Илимском остроге рыбачили 27,2 % крестьян, имея морды и невода, в Тутурской слободе — 35,3 %, в Жигаловской деревне — 50, в Орленской слободе — 68,6 %²⁵. Постоянными поставщиками «рыбы своего промысла» нерчинским торговцам-скупщикам выступали в 1701—1711 гг. нерчинские пашенные крестьяне Василий Мусорин и Григорий Пичеев²⁶. Отдельные крестьяне являли на продажу рыбу, не только выловленную вблизи своих жилищ, но и привезенную издалека. Так, в сентябре 1654 г. один подгородный енисейский крестьянин совместно с промышленными

людьми (13 чел.) привез на двух дощаниках в Енисейск с Самаринской заставы, расположенной на полпути между Туруханском и Енисейском, 380 пудов прасольной пельмы на 152 руб.²⁷ В 1692 г. енисейский крестьянин Дм. Назимов отправил в низовья Енисея для рыбного промысла 150 пудов ржаной муки²⁸.

Товарищество крестьянского рыбного промысла в Западной Сибири была выше, чем в Восточной. Большинство западно-сибирских крестьян предпочитало ловить и продавать рыбу в местах своего жительства. Так, в 1639/40 г. семь пашенных и монастырских оброчных крестьян г. Тобольска продали в нем своего улова 1801 иртышскую стерлядь за 32 руб. 20 алт. 2 ден. В Туринске туринские крестьяне в 1647/48 г. продали «своего промысла» рыбы на 11,35 руб. 17 сентября 1647 г. верхотурский пашенный крестьянин продал в Верхотурье «своеуловленной рыбы» на 50 руб.²⁹ Также, видимо, и верхотурские уездные крестьяне основную массу рыбы «своего промысла» реализовывали в тех слободах, где проживали, уплачивая в них «с курьи с рыбных ловель, с езот и с бредников и с мерея; великого государя в казну денежный годовый оброк»³⁰. Некоторые из этих слобод со своими деревнями владели значительным числом оброчных рыбных ловель. В 1689 г. таких рыбных ловель приходилось в Нишневской (Ощениковой) слободе на 102 крестьянских двора — 41, в Ирбитской на 220 дворов — 15, в Красноярской на 28 дворов — 5. Денежный оброк с рыбных ловель вносили в казну крестьяне и других верхотурских слобод: Аятской, Подгородней, Верхотурской, Тагильской, Невьянской, Пышминской³¹, что свидетельствует о товарности их промысла.

Рыбу крестьяне промыслили коллективно и нередко вносили за промысел высокие оброчные ставки. Так, в 70-е годы XVII в. шадринской крестьянин Лука Семенов с драгуном Иваном Перфильевым получили разрешение «рыбу промыслиать забором на Мысливковой курьи и выше ее за оброчную ставку в 2 руб. 11 алт. 2 ден. в год. Крестьяне той же слободы Пахом Казаков и Андрей Клецев получили рыбную ловлю за оброчную плату 4 руб. 19 алт. в год. В компании с еще шестью крестьянами А. Клецев претендовал на новые рыбные угодья. Коллективные просьбы об отдаче на оброк рыбных угодий поступали от других местных крестьян и даже из дальней Невьянской слободы³².

Крестьяне промыслили рыбу и вдали от своих местожительства. Тобольского Знаменского монастыря оброчный крестьянин Павел Матвеев с товарищами поехали 13 мая

1637 г. «па Обь реку до Березова и до Обдора» и повезли с собой «для рыбного промысла» тобольской купчи 5 четей муки ржаной, овсяной, ячневой, 3 чети солода ржаного с овсом и ячневое на 17,5 руб. и «для рыбной покупки тобольские ж купчи русского товара» (сукна лятчины, хрищеных рубашек, шелку гилинского, железея ножевых «шокреев») на 6,4 руб.³³ 9 сентября 1702 г. в сургутской таможене явили Верхненишневской слободы Федор Минеев и Исаак Фотиев «промыслу своего прасольной исякой и вялой рыбы своей и подъяков, и щук, и сырков» 30 000, 150 «стерлядей», 12 пудов рыбьего жира — всего на 80 руб. Кроме рыбного промысла оба они занимались еще и хлебной торговлей³⁴. Сочетание крестьянами промысловой деятельности с торговлей и использование при добыче и транспортировке рыбы наемного труд следует считать зародышевыми формами предпринимательства в рыбной промышленности.

Некоторые крестьяне сбывали рыбу «своего промысла» не в своих селениях, а в крупных торговых центрах, где можно было приобрести недостающие им товары. Табаринские пашенные крестьяне Томир Вахрушев и Дружин Иванов, продав «врознь» в Туринске привезенных 11 февраля 1648 г. на двух санях 450 лезей, на вырученные деньги купили здесь 8 четей ржи. В Тобольске продали: Липовской слободы пашенный крестьянин Иван Минеев 14 декабря 1670 г. 6 возов «рыбы щук своего промысла» за 6 руб.; Цареза Горюница оброчные крестьяне Обросим Яковлев, Ларион Агапитов, Григорий Микитин в 1687 г. «своего привозу» 33 пуда рыбы сухой на 3 руб. 10 алт.; Киргинской слободы крестьянин Яков Устинов 14 октября 1700 г. «своего промыслу» 120 пудов рыбы щук на 24 руб.³⁵ Тюменские крестьяне рыбу «своего улова» отвозили на запад, а также на Ирбитскую ярмарку. В конце XVII — начале XVIII в. на Ирбитскую ярмарку крестьяне уездных слобод поставляли рыбу десятками, а нередко и сотнями пудов³⁶.

Известное распространение среди сибирских пашенных, архиерейских и монастырских крестьян имел сбор хмеля — дикорастущего многолетнего растения сырых листовых лесов, употреблявшегося в пивоварении и медицине. Собирали его в августе — сентябре. Хмель промыслили вверх по Тоболу и его притокам, Ишиму, Вагаю, по Иртышу в районе г. Тары, в низовьях Томи, по Енисею около Красноярска и в других местах, уходя на промысел обычно партиями в 2—6 чел. Основную массу хмеля заготавливали «про себя». Некоторая часть его собиралась и «для продажи». Хмель крестьяне продавали сами на городских рынках не-

большими партиями (1—4 пуда) или сбывали приезжавшим скупщикам. В середине XVII в. крестьяне Камышловской слободы, промышляя хмель в «наволоках», платили «в казну... с того хмелевого промыслу... по вся годы десятую хмелем»³⁷. В 1636—1703 гг. в Тобольске хмель «своего промысла» продавали тобольские подгородные, ядutorовские, нячанские, белосудские, царевгородищенские, киргинские, тарские, усть-суерские пашенные, архиепископские и монастырские крестьяне³⁸. В 1647/48 г. в Туринске хмель «своего промысла» реализовывали туринские крестьяне, в Томске — томские, а в Красноярске в 1690-х гг. — пашенные крестьяне из села Ясаулова³⁹. Среди сибирских крестьян появляются и скупщики хмеля. Так, 2 августа 1703 г. явил в тобольской таможне Усть-Суерской слободы крестьянин «по той же слободе выписи Василий Зверев своего промыслу» 7 пудов хмеля на 3 руб., да сверх выписи явил покупного 4 пуда хмеля на 3 руб.⁴⁰

Кроме хмеля сибирские крестьяне собирали повсеместно в районах произрастания кедровые шишки, ягоды, грибы, корни, полезные травы; лекарственные, съедобные, в том числе ревень, красящие (марена, зеленига, серпуха, макыр) и косметические. Специфическим сибирским явлением был крестьянский промысел мамонтовой кости⁴¹.

О промысловой деятельности сибирских крестьян конца XVI — начала XVIII в. сохранилось очень мало сведений⁴². Широкое распространение получил промысел по выбору, заготовке, хранению и использованию в соответствии с природно-климатическими особенностями каждой отдельной местности наиболее подходящих для этой местности пород древесины при строительстве жилых и хозяйственных зданий, а также при изготовлении мебели, посуды, орудий труда и транспортных средств. Замечание Л. Н. Толстого о том, что «русский человек владел топором, как волк зубами... одинаково верно со всего размаха раскалывал топором бревно и, взяв топор за обух, вытягивал им тонкие колышки и вырезал ложки»⁴³, в полной мере относится и к сибирскому крестьянину конца XVI — первой четверти XVIII в. Фактически плотником был каждый крестьянин. В одиночку или с помощью семьи и соседей он умел «срубить» себе топором без единого гвоздя избу, баню, амбары, хлев и другие хозяйственные постройки, изготовить из дерева необходимые для хозяйства, быта и передвижения вещи. Деревянная посуда (блюда, ложки и т. д.) верхотурских крестьян находила не только внутрихозяйственное применение, но и вывозилась ими на Ирбитскую ярмарку⁴⁴. Крестьянами

верхотурских, туринских, тюменских, тобольских слобод было сделано только для транспортировки на продажу в Тобольск «хлеба своей пахоты и покупного» в 1634/35 г. 14 плотов, 3 «лодочки», 8 дощаников, 15 барок, а в 1703 г. — 112 судов. В 1720 г. в Тагильской и Невьянской слободах было 9 плотников⁴⁵. Плотничьи навыки крестьян широко использовала сибирская администрация. В порядке отбывания «государевых наделей» она заставляла крестьян строить и ремонтировать крепостные и острожные укрепления, казенные здания, дороги, мосты, плотины, различные суда, телеги, сани и т. д. «Да мы ж, сироты твои, поставили твою государеву поварню и аманатную избу своею силою и острожные всякие поделки стрельцами вряд делаем и дорогу через волок повсягоды чистим», — писали енисейские крестьяне в 1626 г. Крестьянские плотники (50 чел.) Чечуйской волости в течение всего 1684 г. плотили и строили «на обиход великого государя» в порядке государственной повинности мельницу «на речке выше Чечуйского острога». На тех же основаниях чечуйские крестьяне поставили государю в 1703 г. 40 «досок кедровых», 15 «дуг черемховых», четверо саней, 2 телеги «четвероколесные». Верхотурские, туринские, тюменские, тобольские, енисейские, красноярские, идимские, иркутские, перчинские крестьянские плотники вместе с другими категориями населения строили «повсягоды» казенные суда — по далеко не полным данным, от 185 до 232 судов ежегодно. В конце XVII — начале XVIII в. 260 верхотурских и тобольских плотников из крестьян участвовали в сооружении Каменского и Невьянского казенных заводов⁴⁶.

Развитие крестьянского «лесного» и деревообделочного промыслов проявлялось в углублении их специализации и росте товаризации. Из общей массы крестьянских деревообделочников к 1720 г. выделились такие специалисты, как плотники, столяры, токари, бочары, кадочники, ситники, решетники, оконничники, рогожники, саники-пошевники, которых в отдельных слободах Западной Сибири насчитывались единицы, а в некоторых — десятки, и судовые «установщики»⁴⁷. Так, енисейские пашенные крестьяне подгородных деревень Тимофей Прокопьев, Иван Терентьев специализировались на изготовлении крупных 30—40-ведерных винных бочек, тобольский монастырский крестьянин Григорий Волгин слыл мастером по «кадочкам на таможенные четверики», тюменские оброчные крестьяне Максим Шмурыгин и Антип Паутов — мастерами по изготовлению «своею работою, из своего лесу и лубья... саней-пошевней (т. е. до-

рожных саней. — *О. В.*) добрым мастерством, верхотурские подгородние пашенные крестьяне Тасеевского присуда Окладниковы — по строительству судов⁴⁸. Во многих крестьянских семьях выбранная профессия стала передаваться от поколения к поколению⁴⁹.

Часть продукции крестьянского деревообделочного и «лесного» промыслов в рассматриваемое время уже выходила на рынок. Так, в 1703 г. слободскими крестьянами, жителем Рафанлова монастыря и двумя ямщиками Туринска, было приплавлено для продажи в Тобольске из Исетского острога, Беляковской, Миасской, Куировской, Бешкильской слобод 1 двор, 4 избных сруба, 1 баня, 243 бревна, 440 драгич, 184 тесницы⁵⁰. Из продукции крестьянского деревообделочного промысла наиболее часто в таможенных книгах фиксировалась продажа крестьянами «своего дела» судов — лодок-набойниц, каюков, дощаников. За 10 лет, вятых из периода с 1639 по 1703 г., в тобольской таможне 35 тобольскими, тюменскими, нижнеисетскими крестьянами было явлено продать «своего промысла» 37 судов на 120 руб.⁵¹ Верхотурские подгородние крестьяне явили в 1647/48, 1671/72, 1676/77 и 1687/88 гг. на продажу 40 лодок-набойниц и 6 дощаников⁵². Продавали суда и крестьяне пичанских слобод⁵³.

Среди продававших суда «своего промысла» наиболее показательна судьба тобольского подгороднего крестьянина Степана Кичурова, который вместе со своими родственниками Иваном, Григорием и Васильем Кичуровыми продал в 1668/69 г. 3 трехсаженные лодки-набойницы за 6 руб. 50 коп. и в 1669/70 г. — 4 трех- и четырехсаженные лодки-набойницы за 10 руб. В 1669 г. он наряду с лодками продал на тобольском рынке пушнину своего промысла на 2 руб., а 18 февраля 1671 г. повез на Демьянский ям 1,5 четверти ржи и ячменя на 1 руб. 11 алт. 4 ден. Вскоре от торговли лодками, пушницей, хлебом он перешел к торговле «русскими» и привозимыми из Нерчинска китайскими товарами, распродавая их в своей собственной «лавке под горою». Перейдя к торговой деятельности, он, по-видимому, порывает связь с землей и переходит на жительство в город. В 1695 г. Степан Кичуров называется уже не тобольским крестьянином (то пашенным, то оброчным. — *О. В.*), как именовался он в тобольских таможенных книгах 1668—1691 гг., но «тобольским посадским человеком», полностью сосредоточившись на торговле сибирскими, «русскими» и китайскими товарами⁵⁴. Так, крестьянин-землепашец Степан Кичуров становится посадским человеком — торговцем.

Судостроение было сложным делом, требовало больших затрат труда, времени и материалов. Строительство каждого типа судна происходило под руководством собственного «установщика» и при участии определенного количества рядовых плотников: в сооружении струга — двух, барки большой — трех, коча и дощаника — по четыре плотника. Для постройки дощаника кроме «установщика» с 4 плотниками и заготовленного и специально обработанного лесоматериала (тесниц) требовалось еще 800—900 судовых скоб (на барку — 500), 3 пуда 10 фунтов пеньки (на барку — 3 пуда), 4 пуда лык таловых, 3 ведра смолы, 25 сажень варевых веревок и 100—500 арш. холста на парус. Количество снастей и материалов определялось размером судна. К дощаникам и баркам, кроме того, придавались лодки⁵⁵.

Смолокурение сибирских крестьян, обслуживавшее судостроение, канатное и кожевенное производство, появилось еще в первой половине XVII в.⁵⁶ Обложение пашенных крестьян Тобольского (с 1668 г.), Томского и Енисейского (с конца 70-х годов XVII в.) разрядов и Илимского (с 1685 г.) уезда натуральными поставками «в государеву казну повсягоды судовых припасов по 12 аршин холста, по пуду пеньки по полуведру смолы», а при отсутствии у них таковых — «деньгами по указанной цене — за холст по 12 алтын, за пеньку по 16 алтын 4 деньги, за смолу по 10 денег с десятины»⁵⁷ послужило дополнительным импульсом к увеличению крестьянского смолокурения. В 1685 г. пашенные и оброчные крестьяне Тобольского, Верхотурского, Пелымского, Туринского, Тюменского уездов сдали в казну 319 ведер 35 гривенок смолы⁵⁸. В 1690 г. енисейские крестьяне должны были сдать в казну 193 ведра с лишним смолы⁵⁹. Появилась смола и на енисейском рынке, где она в 1689—1691 гг. продавалась «разными людьми» по цене от 2 алт. 4 ден. до 3 алт. за гедро⁶⁰. Важно при этом подчеркнуть, что и у крестьянских смолокуров наблюдается наследование профессии. В частности, это касается тюменских оброчных крестьян Пахома Логина и его сына Родиона Пахомова. Первый из них 10 июня 1658 г. привез из Тюмени в Тобольск на продажу 2 четверти пшеничного зерна и муки на 6 руб. 13 алт. 2 ден. и 20 ведер смолы на 2 руб., а второй 6 июня 1673 г. явил продать в Тобольске же 50 ведер «смолы своего промыслу» за 5 руб.⁶¹ Показательно и то, что торговые операции они совершали в самую страдную крестьянскую пору.

Сибирское крестьянское ткачество, изготовление пеньки и производство веревочных изделий также развивались под

большим воздействием необходимости для крестьян сдавать в казну натурой для казенного судостроения большого количества холста и пеньки. Так, в 70-х годах XVII в. крестьяне Верхотурского уезда сдавали в казну более 2000 аршин холста в год. В 1685 г. крестьяне пашенных уездов Тобольского разряда сдали в казну 20 764 арш. холста и 675 пудов пеньки. Енисейские крестьяне в порядке феодальной повинности сдали в казну в 1690 г. более 3800 арш. холста и 280 пудов пеньки, в 1699/1700 г. — более 3122 арш. холста и 254 пуда пеньки, в 1703 г. — 4713 арш. холста и более 410 пудов пеньки⁶². В конце XVII — начале XVIII в. у сибирских крестьян, расширявших посевы конопли и отчасти льна, появилась возможность пенькой и пеньковым холстом удовлетворять не только личные, но также казенные потребности⁶³ и в какой-то части — запросы рынка. В 1671—1673 гг. на рынках Тобольска, Тары, Ирбита и других городов стали появляться привозимые партиями от 50 до 3000 арш. «слободской» «холст хрищ», «холст белый», «холст-однозубец», купленные у нижненижненинских ирбитских, архангельских, колчаданских крестьян. На рынках этих городов также поступали купленные у слободских крестьян крапешины, пенька и лен⁶⁴.

С конца XVII в. енисейские крестьяне являли в енисейской таможене на продажу и на вывоз не только пеньку, но и «своей домовой работы» «тонкое прядено», «прядено неводное» и пасмы «нитей шитьих»⁶⁵. Производство сибирскими крестьянами пенькового и отчасти льняного, так называемого «слободского», прядена и холста приобрело товарный характер⁶⁶. Но само производство крестьянского «слободского» холста угнеталось большим тканевым ввозом в Сибирь из Европейской России, Средней Азии и Китая⁶⁷. Свой «домотканый» пеньковый, льняной и крапивный холст крестьяне использовали на паруса, мешки, пошив одежды (кафтаны, полукафтаны, балахоны, рубашки, сарафаны и т. д.), изготовление бытовых (завесы, полотенца, полавочники и т. д.) и других хозяйственно-промысловых предметов (попона, подседельников, делей и прядена неводного, поводков, бечевы каюточной, веревок и т. д.), ввоз которых в Сибирь во второй половине XVII — начале XVIII в. очень сильно упал, а некоторых вещей и совсем прекратился⁶⁸. Ввоз же китайских тканей увеличивался.

Значительное место в промысловой деятельности сибирских крестьян занимала переработка животного сырья. Крестьяне умели из шкур скота выделывать кожи, из которых изготавливали обувь, одежду, посуду, обоано-конское и

охотничье-промысловое снаряжение. Сало шло на мыло и свечи, шерсть — на войлок, валяную обувь, сермяжное сукно. Из выделанных овчин шили меховую одежду, рукавицы. Фактически без крестьянских кожевников, шерстабитов, войло- и пимокатов, сукновалов, мыльников, портных не обходилась ни одна деревня. Прозвища крестьян — кожевник, мыльник, сапожник, овчинник — говорят сами за себя. Некоторые крестьяне скитались по уездам Западной Сибири в качестве портных: «где найдут шитье — тут и шили»⁶⁹.

Отдельные крестьяне выделывали кожи не только для себя, но и для односельчан. Так, в 1722 г. илимский пашенный крестьянин Родион Чувашев из деревни Закорской Ближней, имея «кожевенную избу» с одним чаном, ежегодно клал в него по 25 «крестьянских кож на год», и «те кожи он делает крестьянам красные, белые, дубленые по половинкам...», и «тем ремеслом промышляет» он «4 года». Илимский же крестьянин Бубнов с Воронинской заимки Криволауцкой волости, имея одного работника, выделывал более 60 «коровьих кож»⁷⁰. В некоторых крестьянских семьях, как, например, Гаврилы Бакшеева и Матвея Федорова Вахрушева из тобольских подгородних деревень, кожевенный промысел уже в XVII в. передавался от поколения к поколению⁷¹.

Продукция крестьянского кожевенного и сапожного промысла вышла на рынок. В конце XVII — начале XVIII в. в Тобольский таможене являли кожи «своего промыслу» на продажу тобольский подгородний пашенный крестьянин Дмитрий Панфилов (150 шт. на 150 руб.), Покровской слободы крестьянин Иван Фотиев (24 шт. на 19 руб.), Киргизской слободы крестьянин Яков Устинов (100 шт. на 100 руб.)⁷². На Ирбитской ярмарке ежегодно с 40-х годов XVII в. ирбитские крестьяне продавали «невыделанные кожи»⁷³. Показательно, что крестьяне, продающие кожи на рынке, выделывали их не только из своего домашнего сырья, но и из покупного. Так, в 1703 г. в тобольской таможене являли деньги (от 4 до 20 руб.) на покупку материалов «для кожевенного промысла» тобольские, подгородние, пашенные, архангелскопские, монастырские крестьяне Игнатий Бакшеев, Калина Исаков, Федор и Семен Вахрушевы, Иван Фотиев Попов, Михаил Кондратьев. В этом же году тобольский подгородний крестьянин Емельян Погопащеный явил 5 руб. денег «на покупку кож в сапожный промысел»⁷⁴. Возникновение и успешное развитие в Сибирь собственного, в том числе крестьянского, промысла по переработ-

ке животного сырья привело к резкому падению ввоза в Сибирь готовых меховых, войлочных, валинных, суконных, кожаных, мыло-, салосаренных, рожекостных готовых изделий. В 1639—1706 гг. многие из них совсем не поступали в Сибирь, а ввоз полуфабрикатов (сермяжное сукно, кожи, овчины) колебался, с некоторыми всплесками в отдельные годы, примерно в одних и тех же пределах, многократно отставая от все возрастающего спроса на кожи со стороны населения Сибири и сопредельных стран⁷⁵.

Участвовали сибирские крестьяне и в промысле по разведке, добыче и переработке выплавленного металла и добытых минералов в готовые хозяйственно-промысловые и бытовые предметы: инструменты, земледельческие орудия, конское снаряжение, чеботарские, рыболовные, строительные, судостроительные и охотничьи принадлежности. Полезные ископаемые сибирские крестьяне разведывали и по собственной инициативе, как, например, енисейский пашенный крестьянин Герасим Кириллов Трубкин, ископавший себе в марте 1680 г. привилегию «беспременно» искать руду и слюду в уездах Енисейском, Мангазейском и Красноярском⁷⁶, и по феодально-принудительной раскладке мирской повинности, как, например, 97 чел. верхотурских уездных крестьян, направленных в экспедицию думного дворянина Якова Тимофеевича Хитрово (1672—1673 гг.) по розыску полезных ископаемых⁷⁷. В экспедиции Хитрово работало и немалое количество крестьян по полному найму за уговорное вознаграждение. В июне 1673 г. крестьяне восьми волостей Верхотурского уезда выплатили работникам, посланным вместо себя на работы в экспедицию, 802 р. 50 к. «подмочи и найму» (по не на весь год) из расчета 6—10 руб. каждому⁷⁸. При поиске полезных ископаемых использовались опыт и знания местного перусского населения⁷⁹.

Первоначально в Сибири, как и в других местах, не было разделения труда между рудоизнате́лем, плавильщиком и переработчиком металла. Все они совмещались в одном понятии — кузнец. Появление в последней трети XVII в. звания «с рудного дела крестьян», и «с железного дела крестьян», и «с кузницы» свидетельствует об известном разделении труда между крестьянскими рудоизнате́лями, рудоплавильщиками и кузнецами⁸⁰. Некоторые из них к этому времени утратили связь и с хлебопашеством. Так, в 1695 г. Арамильской слободы крестьянин-кузнец Семен Иванович Волхин, имея кузницу с оброком в 5 алт., сказал переписчику Ивану Семенову Подозову, что «пашни не пашет, сена ставит 100 копен, денежного оброку платит 16 алтын 4 деньги»⁸¹.

Скудость данных о сибирской крестьянской промышленности вообще⁸² (домашняя, ремесло, мелкотоварная) и о «рудном» и «железном» деле крестьян Сибири в частности не позволяет привести обобщающих данных. Но и отрывочные сведения показывают, что число крестьян-рудоплавильщиков в Сибири было значительным. В 1650 г. енисейский оброчный Федор Иванов Ворогов получил разрешение в районе Дубческой слободы на устройство домины с уплатой по истечении двух льготных лет в казну десятой части железа натурой. В конце столетия пашенные крестьяне Красноярского уезда — сел Ясаулова и Бузымского — «железную руду добывали» и «железо плавил»⁸³.

В Илгинском остроге Илимского уезда в 1695 г. было 3 чел. крестьян-рудоплавильщиков, в Верхотурском уезде в Ятской слободе в 1698—1699 гг. — 16, в Невьянской — 15, Красновольской — 4, Арамильской — 1, в Енисейском уезде в конце XVII в. — 2 чел.⁸⁴

Ежегодная производительность крестьянской домины колебалась от 40 до 60 пудов кричного железа, на это уходило 1,5—2 тонны руды⁸⁵.

Переработкой кричного железа в выделное занимались кузнецы. В рассматриваемое время их количество непрерывно росло, ибо без изготовления сошников, кос, серпов, топоров и т. д. нельзя было вести все расширявшуюся хозяйственную деятельность по освоению Сибири.

В конце XVII — начале XVIII в. кузнецы из крестьян составляли в Енисейском уезде 1,2 % всех крестьянских дворовладельцев (14 чел. из 1038)⁸⁶. Крестьяне Невьянской, Арамишевской, Ницманской (Ощепковой), Белослудской, Усть-Ницманской, Ятской, Красновольской, Уткинской (Чусовской) слобод имели в 1680 г. 24 кузницы, тогда как в 1666 г. здесь было 17 крестьянских кузниц. От общего числа крестьян-дворохозяев (1117 дворов) этих слобод кузнецы-крестьяне составляли в 1680 г. 2,1 %. Некоторые из них, как, например, енисейские крестьяне Василий Юрьев из деревни Мордовской и Гаврило Алексеев из Енисейска, имели каждый не только кузницу, но и плавильню⁸⁷. В 1695 г. владельцев крестьянских кузниц было: в деревнях Колчеданского острога — 1 чел., Катайского — 3, Арамильской слободы — 9 чел.⁸⁸ В 1722 г. на 281 илимского крестьян-дворовладельца приходилось 3 кузницы⁸⁹. О широком распространении крестьянской железоделательной промышленности в Верхотурско-Тобольском районе свидетельствует использование правительством при строительстве в конце XVII — начале XVIII в. первых казенных заводов в этом

районе знаний и опыта местных кузнецов и рудоплавицников. На них 67 чел. были привлечены к обследованию места для задуманных больших заводов, участвовали в самом строительстве, а затем остались «для дела железа» на обоих заводах — Невьянском и Каменском⁹⁰. В 1720 г. в подгородных деревнях и четырнадцати слободах Тобольского уезда, перечисленных в Ведомости переписи ремесленников данного года, было 230 крестьянских кузнецов. Некоторые крестьяне, не желая платить промысловый оброк, вели промысел тайно. В 1687 г. верхотурский воевода проведал, что «в Ятской слободе кузница поставлена у Савки Назарова, а промышляет он безоброчно поровски. Также есть поровские мыльные вари и рыбные ловли»⁹¹.

Ни одна кузница не обходилась без наковальни, мехов, молота и клещей. Так, у енисейского кузнеца-крестьянина Гаврила Максимова Гуляева в 1689 г. в деревне Гуляевской в кузнице были «наковальня железная, меха, 3 молота, двой клещи»⁹².

В кузнечном производстве имели место семейная кооперация, а также использование наемного труда. Имущественная дифференциация среди крестьянских кузнецов прослеживается по величине их оброчных ставок, колебавшихся от 1 алт. 4 ден. до 10 алт.⁹³

Крестьянские кузницы обслуживали нужды не только своих владельцев, но и односельчан. Так, о пашенном крестьянине Я. Козлове из деревни Нижней Слободы Илимского уезда указывалось, что «у него и кузница; в ней кует про свой домашний обиход: косы, топоры, серпы и сошники, также кует и на крестьян»⁹⁴.

Продукция крестьянского кузнечного промысла в XVII в. вышла на рынок. Так, Василий Иванов Кузнец повез в 1657 г. в Туруханск ножи и пилы, купленные «в ряду» у енисейских жителей. 20 мая 1695 г. енисейские государственные крестьяне из деревни Большая Елань Федос Васильев Кузнец и Кирилл Яковлев явили и повезли в Мангазей топоры, ножи «своей домовою работы». 24 января 1700 г. енисейский государев крестьянин Лука Герасимов повез в Якутск вместе с другими товарами 10 нос-горбуш и 10 обувей-чарков, купленных «в рядах у кузнецов и у чарошников». В 1704 г. илимский казак Котовицков сообщил, что «только де он отъехал от Идинского острожка верст с семь, в деревне пашенный крестьянин прозвищем Бумакин... сказал... у себя железа продажного пуд с двадцать, а просил по полу с полтиной за пуд»⁹⁵. В 1706 г. на Ирбитскую ярмарку железо поступало из Невьянской, Арамилской и Арамышевской слобод⁹⁶.

Успешное развитие сибирского, в том числе и крестьянского, железоделательного производства привело к резкому падению привоза в Сибирь металлических изделий, особенно сельскохозяйственных⁹⁷. Сохранялся, однако, ввоз полуфабрикатов из железа (железо в листах, полицах, укладе) и изделий из цветных металлов.

Занимались сибирские крестьяне и «копкой слюды», и «вываркой соли», и изготовлением гончарных изделий, кирпича, извести. Крестьянские разработки слюды имелись по восточным склонам Среднего и Южного Урала в районе слобод Шадринской, Баринской, Окуновской, Чумляйской, Красномысской, Новопышминской, по рекам Тасеева и Усолка, по берегам оз. Байкал и на р. Витим. Крестьяне добывали слюду и «про себя», и «на продажу»⁹⁸.

Соль сибирские крестьяне промышляли и путем выварки ее из соляного рассола и путем «ломки» самосадочной соли в соляных озерах. Последним способом соль добывали западно-сибирские крестьяне, посылавшие вверх по Иртышу в конце мая — начале июня каждого года свои дощаники с работными людьми и крестьянскими детьми «по соль к Ямыш-озеру», а также нерчинские и якутские крестьяне, добывавшие соль из самосадочных источников. Крестьяне бассейна Енисея занимались вываркой соли из соляного раствора⁹⁹.

С возникновением с 70-х годов XVII в. каменного строительства в Сибири часть сибирских крестьян была привлечена сначала принудительно, «по мирской раскладке», а потом по подрядам к заготовке строительных материалов, в том числе бутового камня, кирпича, извести. Это стимулировало развитие существовавших и ранее крестьянских промыслов по изготовлению из глины кирпича, посуды и т. д.¹⁰⁰ и появление среди крестьян настоящих предпринимателей-подрядчиков. К их числу следует отнести крестьянина Арамышевской слободы Верхотурского уезда Лазаря Петрова Малыгина, который для выполнения казенного подряда на поставку извести построил «наверх Туры-реки каменную известковую печь» наемными работниками под руководством «известного подмастерья» — жителя Невьянского Богоявленского монастыря Андрея Васильева. Пущенную в ход печь обслуживали несколько десятков «работных» людей. Выдаваемую в 1699—1703 гг. печью «известь-капелку» Малыгин поставлял в казну «на своих дощаниках своими работными людьми» по 13 алт. 2 ден. за бочку. Поставка в 1702 г. «к городскому каменному строению» 1000 бочек извести дала ему 400 руб. денег, а в 1703 г. поставка 400 бочек извести

на Уктусский завод — 120 руб. (по 10 алт. за бочку)¹⁰¹.

Среди сибирских крестьян появились мастера по изготовлению большеформатного строительного кирпича. Тобольские новопашенные крестьяне Филат и Иван Федоровы Бурашкины в 80—90-х годах XVII в. поставляли кирпич на строительство Софийского двора. В 1704 г. тюменский крестьянин Иван Данилов Лобанов изготовлял кирпич в казенных сараях. В 1720 г. в Ишимской слободе было два кирпичника — крестьянин и бобыль¹⁰².

Часть крестьян, особенно крестьянских детей, поступала в качестве наемной рабочей силы при заготовке и транспортировке строительных материалов, а также при возведении каменных зданий¹⁰³.

Для переработки зерна в муку, крупу, толокно и солод крестьяне строили мельницы, преимущественно водяные. Ветряков насчитывались единицы. Водяные мельницы были двух видов: более производительные «колесчатые», т. е. с наливным (в отдельных случаях с подливным) колесом, и мелкие «мутовчатые» (колотовки), с рабочим лопастным валом. Последние ставились на малых подстоках и функционировали обычно весной и летом при половодье. Размещаемая за сезон в среднем 300—350 пудов зерна, мутовчатые мельницы удовлетворяли в основном потребности в муке одного или нескольких дворов. На «колесчатых» мельницах с производительностью обычно в 1500—2000 пудов в год крестьяне мололи зерно не только на собственные нужды, но и на сторону, в том числе на продажу¹⁰⁴.

Неполнота сведений не позволяет дать общее количество крестьянских мельниц в Сибири. Но имеющиеся данные показывают, что их было много. В 1680 г. в Верхотурском уезде (в тринадцати слободах) имелось 200 крестьянских мельниц, в 1695 г. в Катыйском и Колчеданском острогах, Камышевской и Арамилской слободах — 59, в 1697/98 г. в Енисейском уезде — 70, в 1704 г. в Илимском уезде (в семи волостях) — 85, в 1705 г. в Томском уезде — 20¹⁰⁵. Мельницы находились в однопольном и многопольном владении. Первых было большинство. В Томском уезде в складническом владении находились лишь 3 мельницы, каждой из которых владели «вопче» два двора; в Илимском уезде — 14 мельниц, владельцами которых выступали крестьянские семьи 31 двора. Среди катыйских, колчеданских, камышевских и арамилских крестьян 29 чел. владели мельницами единолично, 6 — совместно с другим крестьянским двором, и 24 мельницы находились в совместном владении трех-восьми дворов¹⁰⁶.

Среди владельцев крестьянских мельниц не было равенства в помолу, ибо ставки их мельничного оброка очень сильно разнились между собой: в Илимском уезде в среднем за «колесчатую» мельницу крестьянами уплачивалось в год по 65 коп. с колебаниями от 2 руб. 3 алт. 2 ден., как у Погодаевых в Нижне-Илимской волости, до 6 алт. 4 ден., как у Ивана Распопина Тангуевской деревни Братского острога. Чаще всего встречается оброк в 1 руб. и в 50 коп. Средний размер обложения «мутовчатых» мельниц (колотовок) около 16 коп. в год с колебаниями от 1 алт. 4 ден. (5 коп.) до 16 алт. 4 ден. (50 коп.), чаще всего уплачивалось по 6 алт. 2 ден.¹⁰⁷ Ставка оброка с катыйских, колчеданских, камышевских и арамилских крестьянских мельниц колебалась от 1 алт. до 1 руб. 20 алт. При этом оброк от 1 руб. до 1 руб. 20 алт. взимался с шести мельниц (10,7 %), от 8 алт. 2 ден. до 16 алт. 4 ден. — с четырнадцати (23,74 %), от 3 алт. 3 ден. до 6 алт. 4 ден. — с двадцати шести (44,06 %) и от 1 алт. до 1 алт. 4 ден. — с тринадцати (22,03 %)¹⁰⁸. Если учесть, что за помол 20 пудов взималось оброку 1 коп. (2 ден.)¹⁰⁹, то производительность рассматриваемых нами крестьянских мельниц колебалась от 60 до 4200 пудов в год. Но были и более производительные мельницы. Так, на мельнице Кудинской слободы Иркутского уезда пашенного крестьянина Николая (Миколы) Воки с оброчной ставкой в 5 руб. ежегодно в конце XVII в. мололось 10 000 пудов хлеба; примерно столько же, сколько и на двух иркутских мельницах гости Ивана Ушакова, платившего с них оброка в год 5 р. 60 к.¹¹⁰

Определенная часть сибирских крестьян использовала мельницы не только с потребительскими, но и с предпринимательскими целями. К таким предпринимателям-мукомолам относятся верхотурские уездные крестьяне Фома и Меньшик Пинежанины, Томила и Иван Переваловы, Савва Перегудов, Ощенковы, Гореткины, Федор Губа, Ефтифей Смагин. Каждый из них в 1623—1625 гг. владел мельницей с оброком от 4 гривен до 2 руб., эксплуатировал в своем хозяйстве от 2 до 9 наемных работников и продавал хлеба на сумму от 2,5 до 24,2 руб. Такой же предпринимательский характер мукомольный промысел носил в хозяйствах томских пашенных крестьян Степана Белкова, Федора Паненка, Ивана Сысоева, Антона Крошихина, Ивана Червева, илимских пашенных крестьян Федора Лебедева и Алексея Солоницына, кудинского пашенного крестьянина Миколы Воки, наивысшего в 1673 г. на год работника за 5 руб. и 50 пудов муки ржаной¹¹¹.

Вообще мукомольный промысел сибирских крестьян стал принимать товарный характер с момента своего возникновения в конце XVI — начале XVII в., что обуславливалось огромной нуждой в покупном хлебе многочисленных пришлых охотников-звероловов, населения непашенных местностей Сибири и его городского люда¹¹².

Развитие крестьянского мукомолья сопровождалось появлением и ростом промысла по изготовлению мельничных жерновов. Наиболее искусных крестьянских жерноков сибирская администрация широко «наймвала» для изготовления жерновов к казенным мельницам. За поделку жерновов она выдавала им денежный «наем» даже вперед. Жерноковы действовали зачастую целой семейной кооперацией. У некоторых крестьян жерноковство стало специальностью. Так, перепись 1680 г. отметила, что в Араматевской слободе «на государевы слободские мельницы делают жернова два двора и бобыль двор»¹¹³.

Большой объем казенных и частных перевозок, связанных с хозяйственным освоением Сибири, приводил к развитию крестьянского извозного промысла. Для обеспечения этих перевозок требовалось большое количество транспортных средств, тягловой и рабочей силы, фуража, продуктов питания, дорожного снаряжения и других предметов. Получение всего этого способствовало товаризации крестьянского хозяйства¹¹⁴.

Развитие промысловой деятельности крестьянства, ее специализация сопровождалась превращением части промыслового крестьянства в настоящих промышленников и переходом их в посадское сословие. Так, по данным 1720 г., среди 138 тюменских городских промышленников выходцами из крестьян были 4 чел. (около 3 %), из 98 верхотурских — 20 (20,2 %) и из 328 томских — 18 чел. (8,4 %)¹¹⁵.

Итак, в рассматриваемое время русские сибирские крестьяне вели разнообразную и довольно оживленную промыслово-промышленную деятельность. Она не только составляла необходимую часть их патриархально-хозяйственного быта, при котором натуральное земледелие играло все же первенствующую роль, но и постепенно отрывала определенные группы промысловых крестьян от натурального хозяйства, вызывая их переход в ряды товаропроизводителей. В период заселения и освоения русскими Сибири увеличился спрос (особенно в конце XVI в. и в первые десятилетия XVII в.) на продовольствие и хозяйственные предметы, требовавшиеся служилому и непашенному населению. В результате сложились благоприятные условия для разви-

тия крестьянской домашней промышленности, а затем ремесла и мелкотоварного производства.

В колонизируемой Сибири натуральность хозяйства крестьянина была лишь относительной. Там существовали и взаимодействовали натуральный и мелкотоварный уклады. К 20-м годам XVII в. мукомольный, а еще ранее пушной промыслы крестьянских хозяйств, расположенных на основной трассе движения в Сибирь (Верхотурье — Туринск — Тюмень — Тобольск), приняли товарный характер и здесь появились предпринимательские хозяйства. Енисейско-илимское крестьянское мукомолье стало товарным и к середине XVII в. уже без помощи Верхотурско-Тобольского земледельческого района обеспечивало товарным хлебом экспедиции, промышленные соболи, и пропитание местного неземледельческого населения. К началу XVIII в. товарность крестьянского мукомолья повысилась.

Продукция крестьянского рыболовства, деревообработки, судостроения, смолокуренія стала поступать на рынок с момента появления в Сибири русских крестьянских хозяйств в конце XVI — начале XVII в. Постепенно усилились наследование профессий, специализация крестьянских промыслов, наметился отрыв специалистов-деревообделочников от патриархального земледелия. В возникшем в 70-е годы XVII в. каменном строительстве появились предприниматели-подрядчики из крестьян, использовавшие наемный труд. С начала 70-х годов XVII в. во все увеличивающихся размерах на рынок поступала продукция крестьянского пенькового и льняного ткачества. Кожевенное и железоделательное производства стали принимать товарный характер с начала 30-х годов XVII в. В этих промыслах также наблюдалось отделение крестьянина-промысловика от земледельческих занятий.

Промысловая деятельность способствовала накоплению денежных средств, переходу состоятельных групп промыслового крестьянства в ряды городского торгово-промышленного населения с отрывом от натурального земледелия. Рост крестьянских промыслов Сибири, в том числе их товарности, приводил к сокращению ввоза из Европейской России. Промыслово-промышленная деятельность [крестьянства, пользовавшегося здесь в рассматриваемый период относительной свободой хозяйственных занятий, создавала условия для зарождения раннекапиталистических отношений.

7. ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА В НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ

Зарождение и развитие в недрах господствующей феодальной (а после окончательного законодательного установления в 1649 г. юридических норм общегосударственной системы крепостного права — феодально-крепостнической) формации капиталистических отношений в связи с начавшимся процессом складывания всероссийского рынка и генезисом капитализма приводило к перемещению в Сибирь, не знавшую крепостного права¹ и почти совсем — помещичьего землевладения, значительных масс населения из европейской части страны не только на феодальной, но и на раннебуржуазной основе.

На феодальной основе в Сибирь посылались служилые люди, переводились принудительно («по указу») и добровольно («по прибору») черносошные крестьяне и посадские, ссылались военнопленные и нарушители государственных законов. Убегали в Сибирь от усилившегося феодально-крепостнического гнета частновладельческие, дворянские и государственные крестьяне и посадские². Немалую роль в «выталкивании» части европейского населения играли сложившиеся на базе социального расслоения раннебуржуазные отношения, особенно четко выраженные в Приморье³, в результате чего в Сибирь приходили крупные предприниматели и разоренный, ищущий заработка люд⁴.

Стремление сибирской администрации снова поверстать всех этих в большинстве своем лишенных средств производства и пришедших в Сибирь «душой и телом» людей в разряд государевых пашенных и оброчных крестьян и посадских (предоставлением им единовременной натуральной или денежной ссуды и освобождением их на определенное число лет от несения феодальных повинностей), а также отчасти определить их в оклады рядовых служилых людей с выдачей хлебного, денежного и соляного жалованья⁵ не имело полного успеха. Часть пришельцев не желала идти в государевое тягло и временно, а то и постоянно, пребывала вне феодальных производственных отношений, кормясь в основном продажей своей рабочей силы в течение всей жизни⁶. В основном это было характерно для гулящих людей, бывших у себя на родине обычно не тяглецами, а посадскими и крестьянскими сыновьями⁷.

По терминологии XVII в. под гулящим человеком подразумевался юридически свободный, дееспособный, неза-

крепощенный, обычно холостой, бездворный и лишенный собственных средств производства человек, оставшийся вне крестьянских, посадских и служилых общин и государева тягла⁸. Даже обзаведясь собственным дворовым строением, землей, пашней и сепными покосами, как это имело место у 80 томских городских и уездных гулящих людей в 1703 г., «гулящие» не желали променять свое положение, связанное лишь с уплатой явчей головыны, годового оброка и «рублевой» пошлыны, на запись в состав тяжелее их обложенных посадских людей или крестьян⁹.

Размеры сборов с гулящих людей были невелики, но менялись с течением времени и различались по отдельным сибирским местностям. Более устойчивым и единообразным оказался годовой оброк обычно составлявший четверть рубля (8 алт. 2 ден.), величина же явчей головыны колебалась в пределах 3—6 ден. с человека. Годовой оброк взыскивался с гулящих независимо от занятости их на какой-либо работе. Помимо того они вносили «рублевую» пошлыну в размере 5 % (во второй половине XVII в. — 10 %) от уговорной платы за работу¹⁰. Обложение продажи рабочей силы наравне с прочими товарами одинаковым размером рублевой пошлыны свидетельствует о распространенности и устойчивости найма рабочей силы.

Гулящие люди могли иногда подниматься до высокого уровня материального достатка, успешно приторговывая или прирабатывая каким-либо мастерством. Но чаще их уделом была тяжелая «черная работа», не требовавшая определенной квалификации, поэтому источники так часто отождествляют гулящего с наемным «ярыжкой». Но и здесь есть тонкость: пока человек не определился к какому-либо богачу в работники, он оставался «гулящим», в противном случае он становился «ярыжкой»¹¹.

Приток гулящих был непрерывен и значителен. Только через официально разрешенные для движения в Сибирь и обратно обдорскую, киртасскую и верхотурскую таможи ежегодно в течение 1622—1693 гг. в Сибирь их проходило, по далеко не полным данным, от 561 до 3520 чел.¹² Интенсивным был этот поток и дальше на восток. В 1639—1670 гг. ежегодно через Тобольск проходило от 38 до 735 гулящих людей, а через Енисейск — от 500 до 2000 чел.¹³ Основная масса их оставалась в Сибири. В 1639—1670 гг. через Тобольск «на Русь» гулящих вернулось только двое. В 1692—1693 гг. с Руси через Верхотурье приехало и прошло 1186, а обратно — 284 чел. «разных людей», в том числе гулящих¹⁴.

По данным переписи 1710 г., в Сибири значилось гулящих 9234 чел., владельцев собственных дворов среди них был только 901 чел. А бездворные (8333 чел.) — это, как правило, наемные работники¹⁴. И поэтому сосредоточивались они в экономически развитых центрах (в Тобольске — 4375 чел. (223 двора), в Иркутске — 1939 (98), в Томске — 1421 (418), в Нерчинске — 535 (7), в Таре — 236 (91), Тюмени — 177 (41), в Красноярске — 115 (29) и в Верхотурье — 77 чел. (23 двора)), где имелся спрос на наемную рабочую силу со стороны торгово-промышленного населения и казны¹⁵. Доля гулящих людей, кормившихся почти целиком продажей рабочей силы, составляла в 1710 г. 5,88 % всего мужского населения Сибири¹⁷.

Другим источником пополнения рядов вольнонаемных являлось само сибирское население, которое в условиях общественного разделения труда, отделения города от деревни, промышленности от земледелия, развития товарного производства, рыночных связей, первоначального накопления заметно поляризовалось, социально расслаиваясь и выделяя, с одной стороны, владельцев средств производства, а с другой — лишенных их. Социальное размежевание затрагивало все слои сибирского населения и наиболее интенсивно происходило в тех из них, которые были тесно связаны с промыслово-промышленной и торговой деятельностью. Таковыми являлись посадские, дети служилых, городские и подгородные крестьяне.

Обеднение сибирских посадков сопровождалось, как и в Европейской России¹⁸, увеличением количественного состава третьей (бедной) имущественной группы. В Тобольске ее удельный вес возрос с 56,1 % в 1655 г. до 83,5 % в 1696 г. Обедневшая часть тобольского посада вынуждена была жить продажей своей рабочей силы. В 1698 г. в числе 309 «старых посадских людей» 216 чел. (около 70 %) не имели своих «промыслов и торгов» и кормились «черною работою», из них 62 чел. (34,8 %) жили по чужим подворьям¹⁹. В Тюмени в конце XVII в. 100 из 450 посадских людей (22,2 %) не имели «пожитков» стоимостью даже в 50 коп., не говоря уже «о торгах и промыслах»²⁰. В 1669 г. в Енисейске из 176 городских посадских людей 4 чел. (2,5 %) «жили в найме» по срокам да еще 30 чел. (17 %) не имевших специальности²¹, также, видимо, не обходились без продажи своей рабочей силы. «Работные люди» (наемные работники) встречаются и среди посадских Иркутска, Красноярска и Тары²².

Симптоматично, что питательной средой для сибирского рынка наемной рабочей силы было и местное крестьянство.

Так, крестьянин тобольского Софийского дома Лев Данилин не попал в переписные книги 1659 г., так как «в то время в Тавдинской слободе не был, ходил для работы по деревням»²³. Писец Семен Самойлов в 1689 г. отметил пустой двор крестьянина Ивана Никифорова за Енисеем, против Подтесова острова: «А ныне де он живет в Шадринской деревне, переходя по подворьям»²⁴. В деревне Мангазейской слобода крестьяне сказали Семену Самойлову: «Тое ж де Мангазейской слободы пашенные крестьяне великих государей десятинные пашни пашут с ними Видуком с товарищи на одних полях: Терешка Иванов, Юшка Волк по чети десятины, Якушка Микитин полдесятины в поле, а в дву потому ж. А в Мангазейской де слободе не живут, ходят для прокормления по разным деревням, а своих де у них пашни нет»²⁵. В 1690 г. при сборе повторных денег 25 енисейских крестьян деньги не уплатили в связи с тем, что своих дворов они не имеют, «скитаются меж двор и кормятся работою»²⁶. В 1701 г. про 96 (8 %) из 1141 учтенного тарского крестьянина было сказано, что они, как отметил переписчик Иван Кочанов, «пашни не пашут, и скота у них нет, кормятца работою»²⁷. В 1721 г. 6,9 % крестьян Илгичского острова Илимского уезда продавали свою рабочую силу²⁸.

Срочными и поденными продавцами рабочей силы выступали также сибирские служилые люди и члены их семей²⁹.

Определенное количество постоянных продавцов своей рабочей силы не могли не давать нищие, вдовы, бобыльские, захребетные, отставных служилых и ссыльных дворы, в которых, согласно переписи 1710 г., проживало по всей Сибири 8985 чел.³⁰ На рынке наемного труда появились и ясачные люди. Так, в 1684 г. енисейские власти сообщили, что «в наймах они, пашенные крестьяне, у себя ясачных людей держат»³¹. 30 октября 1715 г. «Братского острога повокрещен Борис Иванов нанялся в строшную у пашенного крестьянина у Микифора Трофимова октября с 26 числа 715-го году до октября того ж числа 716 году. Найму рядил взять 4 руб. с полтиною»³².

Учитывая все это, можно полагать, что количество постоянных, срочных и поденных продавцов своей рабочей силы в Сибири в 1710 г. составляло не менее 17,5—27,1 тыс. чел. Сюда вошли все бездворные гулящие (8333 чел.), вдовы сыновья (1407 чел.), 22 — 70 % (2193—6980 чел.) посадских, 6—8 % государственных пашенных и оброчных крестьян (3493—4657 чел.), архиепископские и монастырские крестьяне (349—465 чел.), казаки (1090—

1453 чел.), беломестные казаки (85—114 чел.) и казачьи дети (553—737 чел.). Фактически продавцов рабочей силы было, конечно, больше, ибо некоторое число их давали и не вошедшие в подсчет оставшиеся служилые, нищие, оброчники, бобыли, захребетники, ссыльные, новокрещенные и ясачные русские и нерусские люди, а также уклонившиеся от переписи.

В Соборном уложении 1649 г. есть специальная статья о праве крестьян работать по найму: «А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого найматься в работу и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей найматься в работу, по записям, и без записей, повольно. А тем людям, у кого они в работу наймутся, живых и с (з) судных записей и служилых кабал на них не имать и ничем их себе не крепить, и как от них те наймиты отработаются, и им откупати их от себя безо всякаго задержания»³⁴. Это свидетельствует не только о распространенности и устойчивости в XVII в. свободного наемного труда (не в форме служилой кабалы и жилой записи), но и о запрещении нанимателям кабальничать наемного работника. Конечно, нельзя полагать, что это запрещение Уложения закабалить наемного работника никогда не нарушалось. Важно здесь подчеркнуть другое: что Соборное уложение, как и Пековская судная грамота (ст. 39, 40, 41), Судебники 1497 г. (ст. 54) и 1550 г. (ст. 83), не позволяют утверждать, что вольные гулящие люди обязательно закрепощались нанимателями³⁵.

Применение свободного наемного труда в условиях позднефеодального периода уже не столько обслуживало, сколько разлагало феодализм, базирующийся на монопольном праве феодалов на земельную собственность, на господстве натурального хозяйства, наделении непосредственного производителя средствами производства вообще и землей в частности, личной зависимости крестьянина от помещика и рутинной техники³⁶.

«Наемный труд... в строгом экономическом смысле, — как указывал Маркс, — есть труд, полагающий капитал, производящий капитал...»³⁶

Первой таковой в Сибири по времени, массовости и постоянству применения наемной рабочей силы, полагающей и производящей капитал, была пушно-меховая промышленность, пребывавшая в рассматриваемый период в основном в мелкотоварном и раннекапиталистическом укладе с операцией труда.

Пушно-меховая промышленность включала добычу, правку (растягивание с учетом качества и назначения), разделку

(с подбором по качеству и цвету) пушницы и изготовление непосредственно самими добытчиками пушницы на промысле в свободное время из обработанных мехов основной массы готовых меховых вещей (шуб, кафтанов, шапак, малахаев, треухов, рукавиц, воротников, пухов, одеял) и полуфабрикатов (пластин, исподов, подскорков), которые затем продавались на рынке.

Пушница добывалась, первично обрабатывалась и превращалась в готовые меховые вещи как промышленниками-«своеуженниками», т. е. охотниками на собственном снаряжении, так и наемными работниками, «крутившимися» на промысле на «ужине» предпринимателя, «купца-капиталиста». Отношения между покрученником и предпринимателем регулировались устным или — чаще — письменным договором. К моменту заключения договора покрученники были лично свободными людьми. Договор предусматривал ведение покрученником промысла на ужине предпринимателя с отдачей ему двух третей добычи, личную зависимость покрученника от нанимателя на весь срок договора (обычно на один-два года), одинаковую для обеих сторон неустойку в случае нарушения договора. Покрученники имели право менять нанимателей, что они делали, как правило, через год-два.

Покрута на пушном промысле Сибири была примитивным по форме капиталистическим наймом, связанным через кабалу с личной зависимостью покрученника от нанимателя³⁷. Основное отличие покруты от развитых капиталистических отношений состоит в том, что здесь еще нет, как сказал Ленин о «кустарных» хозяйствах XIX в., прямого подчинения рабочего «простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости», капитал «опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами»³⁸.

С прекращением в конце XVII в. крупного промыслового предпринимательства покрута утратила классические договорные формы найма, но не приобрела формы развитых капиталистических отношений. Но в сибирском пушном промысле ее нельзя причислить к феодальному типу отношений. В ней не было такого существенного его элемента, как феодальная рента. Промысловый налог не был связан с пользование определенными охотничьими угодьями. Покрученники в отличие от феодально-зависимых людей не наделались средствами производства, они работали на всем предпринимательском³⁹.

Число покрученников достигло к концу XVII в. примерно 2—2,5 тыс. чел. из общего количества 6 тыс. русских

охотников-профессионалов, среди которых с конца 70-х годов стали доминировать мелкие товарные производители, а не покрученники. Последние находились в наемном состоянии длительное время, как это можно заключить из проанализированных П. Н. Павловым данных о 750 промышленниках. Большая половина их «крутилась» на промысел свыше 6 лет, в том числе 30 % — свыше 10 лет и около 15 % — от 16 до 40 лет. У некоторых прослеживается наследственность в найме⁴⁰. В наемной работе покрученники пребывали круглый год: зимой — на пушных, а летом — на рыбных промыслах, транспорте, промышленности и в сельском хозяйстве⁴¹. Среди них преобладали выходцы из Европейской России — гулящие люди. Из сибиряков (крестьян, посадских) их было немного. Из среды служилых покрученников не было⁴².

В производственной деятельности покрученников добыча и первичная обработка шкур доминировали над изготовлением из них готовых меховых товаров, удельный вес которых в общем стоимостном балансе явленной в сибирских таможенных «мягкой рухляди» колебался от 1,9 до 9,1 %⁴³.

Вольнонаемный труд покрученников и других категорий работников в широких масштабах применялся многочисленными сибирскими рыбопромышленниками и рыборотговцами при добыче, переработке, хранении, транспортировке и продаже рыбы — одного из главнейших продуктов питания сибиряков⁴⁴. Крупные рыболовные хозяйства, работающие на рынок и применяющие вольнонаемный труд, в условиях нового периода русской истории перерастали рамки простой кооперации труда и приобретали черты капиталистической⁴⁵. Условия найма покрученников здесь были такие же, как и на пушных промыслах⁴⁶.

Формирование кадров наемных работников происходило и в других видах обработки животного сырья, где, по данным ремесленной переписи 1720 г., только в городах (с уездами) Верхотурье, Тюмени, Тобольске и Томске, а также в Туринске, Таре, Сургуте, Мангазее, Енисейске, Самаровском и Демьяновском ямах насчитывалось ремесленников 18 специальностей 641 чел., в том числе кожевники, сыромятники, строгальники, досинники, овчинники, скорняки, гребенщики, шерстобиты, коновалы, мясники, мыловары, свечники, хомутники, ушеники, седельники, сапожники, чеботари, котловники. В общей массе учтенных переписью ремесленников (2310 чел.) они составляли 27,7 %⁴⁷. Ремесленники названных специальностей были и в не охваченных переписью городах и деревнях среди служилых людей, из

которых обработкой животного сырья в конце XVII — начале XVIII в. занимались в Красноярске не менее 7 чел., в Иркутске — 6, в Удинске — 3, в Нерчинске — 10 и в Якутске — 6 чел.⁴⁸ При этом надо иметь в виду, что дробность специализации является показателем глубины общественного разделения труда, на основе которого только и возникают и развиваются товарное хозяйство и капитализм⁴⁹, а сам узкий специалист в любой из отраслей, если он не являлся членом семьи владельца того или иного «завода» и не входил в семейную кооперацию, мог работать в данной отрасли только по найму⁵⁰.

Из отраслей по обработке животного сырья наем получил наибольшее распространение в кожевном производстве. Наряду с домашней и ремесленной переработкой сырых шкур в кожевничестве имело место и товарное производство в формах семейной кооперации, семейной кооперации с применением наемного труда, простой капиталистической кооперации и зачаточного мануфактурного производства.

Товарное производство, развившее к концу XVII в. преобладающее положение в сибирском кожевничестве, вело к расширению использования наемного труда, укрупнению мастерских, увеличению производства, более полному удовлетворению рыночного, в том числе внешнего, спроса и к заметному сокращению кожевничества ввоза из Европейской России⁵¹.

Несмотря на скудность и отрывочность данных о найме вообще, удалось установить, что в 1704 г. при переписи постоялых дворов в Енисейске были обнаружены рабочие люди у трех кожевников: посадских людей Прокопия Петрова Красикова и Федора Микулина и у казака Федора Васильева Устужникова. У первого и третьего делали «кожевничью работу» по одному человеку, а у Федора Микулина было, видимо, несколько работников, так как в кожевничьей избе, которую он снимал у посадского человека Ивана Алексея Вологодина, жили «для кожевничьего промысла рабочие люди». При этом Федор Микулин платил за аренду кожевни в год «по ряду» 3 руб.⁵² Видимо, эти кожевники, кроме постоянных семейных и годовых наемных работников, использовали труд и поденных работников, что по своей экономической сущности представляло собой переходную стадию от семейной к капиталистической кооперации.

Едва ли обходились в семейной кооперации без применения наемного труда и другие кожевники: киренский посадский Яков Полосков, который в конце XVII — начале XVIII в. из года в год продавал в Якутске, Иркутске и

Забайкалье «своего промысла, киренской работы» красные и черные кожи и мыло на значительные суммы; иркутский житель Подгорбунский, выменивавший в Селенгинске у «спроезших мунгальских лам» камки «за свои юфты... промыслу своего домашней работы»; томский конный казак, бывший промышленный человек Первой Макарьев, регулярно продававший в Томске в своей лавке и в Енисейске в 1648—1687 гг. «кожи дубленные своего дела» и «простов мыло своей вари» на сумму от 28 до 91 руб. Не мог функционировать без использования наемного труда и кожевенный завод, принадлежавший в 90-х годах XVII в. верчинскому десятнику конных казаков Михаилу Савватееву — «сродному брату» гостинной сотни торгового человека Ивана Савватеева, неоднократно возглавлявшего казенные караваны в Китай и ведшего там собственную торговлю, в том числе конями⁵³. О широкой постановке дела свидетельствуют и оборудование этого завода «котлами и судами большими», и его оценка в 1698 г. в 130 руб.⁵⁴

С конца XVII в. в каждой кожевне селенгинских служилых людей и Троицкого монастыря ежегодно «наемными работниками», многие из которых нанимались из года в год и специализировались на отделке определенных сортов кож, вырабатывалось из покупного сырья и на продажу от 50 до 250 кож сыромятных, дубленных, крашеных и юфтей. Здесь сложились целые артели, или группы, узких специалистов, каждая из которых вырабатывала только свой сорт кожи. Так, группа Андрея Сухиева, в которую входили, кроме него самого, Степан Тюрин, Иван Попов, занималась выделкой крашеных кож и переделкой их в юфть. Кирилл Рохин с Андреем Меркурьевым, Федором Мамаевым, Алексеем Кожевниковым, Дмитрием Кочевым, Иваном Деревкиным и другими занимался дублением сыромятных кож.

Из «судного дела» между владельцем кожевни селенгинским казачьим пятидесятником Любимом Федоровым и селенгинским служилым человеком Тимофеем Андреевым узнаем и условия «строшного найма» — договорной работы: «...в прошлом 196(1687/1688 г.) работал я холоп ваш у него Любима 100 кож бычьих дубил и красил, а по договору было ряжено денег 18 рублей»⁵⁵.

Полностью на наемном труде, покупном сырье и на широкий внутренний и внешний рынок развернули в Тобольске, Енисейске и Иркутске свои раннекапиталистические кожевенные предприятия братья гость Иван и купчина гостинной сотни Алексей Ушаковы — крупные хлебные, квасные, пивные, винные, банные откупщики и подрядчики, владель-

цы товарных пашен, мельниц, солодовен, солеварен и других промышленных и торговых предприятий с вольнонаемным трудом. В 1686 г. Ушаковы пашали в Ярославле — крупнейшем центре русской кожевенной промышленности XVII в. — 6 мастеров на несколько лет для изготовления «добрым мастерством, против ярославского» 14 800 юфтей кож из расчета по две юфты кож каждому на день и обучения двух ушаковских людей своему мастерству отделки кож от золнения до окраски. Кроме этих мастеров использовались и подсобные наемные работники⁵⁶.

В начале XVIII в. наемный труд применялся в Таре из трех кожевников одним — пешим казаком З. Петниковым, занимавшим для толочья «дубу» поденщиков за 15—20 коп. в день. Двое из троих верхотурских посадских кожевников имели по четыре ученика⁵⁷. Из выработанных и вывезенных тюменскими кожевниками в 1724 г. за пределы Тюмени 2340 красных конских кож и «иловок», по таможенной оценке, на 892 руб. 95 коп. 1572 кося приходились на кожевни пушкарского головы М. П. Луданина и ямщика Григория Перевалова, использовавших дворовых и наемных работников. Они владели лавками, вели китайский торг и вскоре стали богатейшими людьми Тюмени⁵⁸. Труд наемных работников применялся и кожевенным заведением томского сына боярского Ивана Шумилова, положившего основание крупнейшему в Томске торговому дому⁵⁹.

В 1709 г. в кожевне бухарца Таджима Летинова (юрты Шульгинские) «из найму» работал тобольский казачий сын Алексей Сутормин. В тот год в кожевне было выработано 100 кож. В 1718 и 1720 гг. наемные работники служилого татарина из Суклемских юрт К. Катагулова выделали 80 и 40 кож⁶⁰.

В самом Тобольске, по данным 1720 г., наемный труд применялся более чем в четверти из 34 кожевен. При этом полностью на наемном труде функционировало 11,7 %, а на смешанном — семейном и наемном — 14,7 % кожевен. Первые можно отнести к капиталистическим, а вторые — к полукapиталистическим предприятиям.

В числе тобольских ремесленных и товарных кожевен (владельцы которых, как и в прочих городах Сибири⁶¹, работали в основном на покупном сырье, были в большинстве своем наследственными кожевниками и почти все, не располагая собственными пашнями, питались или покупным, или полученным за работу хлебом) капиталистические и полукapиталистические предприятия, составляя меньшинство, давали больше половины всех ежегодно вырабатываемых кож (4000—5000 шт.)⁶².

Среди тобольских предпринимателей-кожевников особенно выделялся гостинной сотни Степан Михайлович Третьяков, который деньги, скопленные в сибирской и восточной торговле кожевенными товарами, частично вложил в промышленное производство (факт, типичный для нового периода русской истории) и построил в 1707 г. «на нижнем посаде... на отводной данной земле» кожевенное предприятие, оборудованное 19 дубильными и 5 золотыми чанами с ежегодной производительностью 500—2000 кож. Оно функционировало целиком за счет вольнонаемных работников различных специальностей — дуботолков, топталей, домовых работников, «заводчиков» (организаторов производства) и строгальщиков, число которых соответственно наличному оборудованию и вырабатываемым кожан, возможно, достигало 20 чел.⁶³ Среди этих раннемануфактурных постоянных, срочных и поденных работников обращает на себя внимание кожевник из посадских Лука Колосов, который «завода» своего не имел и работал «из пайму» гостинной сотни у Степана Третьякова «лет и десять»⁶⁴. В положении Луки Колосова могли оказаться и кожевник Михаил Семенов Постник, который «поступился за долги своим родным братьям двором и кожевней», и Аверкий Андреев Красулин, «из-за скудости» продавший землю и кожевню в 1707 г. тобольскому посадскому человеку Никите Попову, и те лица, про которых в источниках говорится, что они «делают в наймах кожевенное, а завода у них своего нет»⁶⁵. Так товарное хозяйство, сосредоточивая в одних руках средства производства, а другие «руки» — лишая их, создавало предпринимателей-капиталистов и наемных рабочих.

В сибирском мыловарении, оказавшемся способным с начала 70-х годов XVII в. удовлетворять потребности региона в своей продукции без ввоза из Европейской России и находившемся в стадии простого товарного производства с семейной кооперацией труда⁶⁶, также появились мыловарни с наемным трудом.

Накопленные в торговле и винных подрядах средства иркутский посадский Иван Штинников решил вкладывать не только в байкальские рыбные и слюдяные промыслы, в аренду на земле Ивана Ушакова соляных парниц и пашен, хлеб с которых он продавал, но и в мыловарение⁶⁷. Вместе с родным братом, селенгинским пешим казаком Андреем Штинниковым, и енисейским посадским человеком, мастером-мыловаром Иевом Мыльниковым, он открыл в 1683 г. в Иркутске мыловаренный завод, строительство и оборудование которого обошлось компаньонам в 476 р. 52 к.⁶⁸ Сваренное

на заводе «спаймитами» мыло отвозилось затем его работными людьми под наблюдением приказчика на штинниковских же дощаниках и телегах в Иркутск, Селенгинск, Баргузин, Удинск, Нерчинск, Албазин, где и распродалось его лавочными сидельцами, которые в 1683—1688 гг. ежегодно выручали за продажу мыла от 341 до 581 руб.

С конца 80-х годов XVII в., когда Андрей Штинников сосредоточил свои средства на русско-китайской торговле, а Иеву Мыльникову было отказано «от заводу и промыслу»⁶⁹, Иван Штинников стал единоличным владельцем этого раннекапиталистического предприятия и самым богатым посадским Иркутска. В 90-х годах XVII в. он был приказчиком гости Ивана Ушакова, в 1695 г. ходил с самостоятельным торгом в Китай, а затем стал иркутским таможенным головой⁷⁰. На вольнонаемном труде функционировал и мыловаренный завод Ивана Ушакова, построенный в 1680-х гг. в 67 верстах от Иркутска, близ по Ангаре, на острове⁷¹.

Также крупные мясники едва могли обходиться без наемного труда, лишь семейной кооперацией и «складничеством» с другими мясниками, если они, владея несколькими «скотскими бойницами», на которых ежегодно забивали 50—100 голов крупного рогатого скота, погребями, лавками и скамейными местами в мясном и рыбном рядах, были к тому же малосемейными и совмещали «мясничество» с кожевничеством, мыловарением, свечным промыслом и торговлей⁷².

В сапожном промысле, развитие которого в форме ремесла и мелкого товарного производства привело к почти полному прекращению с середины XVII в. ввоза обуви (сапог, башмаков, «ичетогов», котов) из Европейской России⁷³, также стал применяться наемный труд. В Енисейске на наемном труде работала сапожная мастерская посадского Максима Петрова, который, помимо этого, был еще мыльником и торговцем, имел четыре лавки, регулярно торговал в Туроханске, а в 1662—1663 гг. ездил «с торгом» вместе с племянником гостинной сотни Надеем Коровинского в Москву. Ставка его оброка в два рубля была такой же, как иркутского предпринимателя Ивана Штинникова.

В сибирской промышленности проявлялись также черты, свойственные зачаточной стадии рассеянной мануфактуры, когда торговцы-скупщики и подрядодатчики стали раздавать сапожникам полуфабрикаты для изготовления обуви. Так, 1 июня 1646 г. приказчик торговца Андрея Галкина Петр Сидоров повез на Лену привезенные им «с Руси» товары на 319 р. 93 к., в том числе 150 пар чарков «средних», сшитых в Енисейске из его «привозных юфтей и сколотов». Среди

товаров, купленных в Енисейске для Мангазеи вкладчиком Троицкого Мангазейского монастыря Никитой Крохалевым 25 мая 1700 г., было 100 пар чарков больших, средних, малых и 3 пары сапог яловичных. «А тот товар отдавал он шить чарошникам из покупного своего русского товара», который он купил у торговых людей на гостинном дворе»⁷¹. В 1694 г. тюменский мастер Сергей Карташев «сподрядился» у тобольского стрелецкого пятидесятника Ивана Тимофеева спить в Тобольске «из уговорной платы» в 3 руб. 600 пар котов — из полученных от Ивана Тимофеева «сколотов подошвенных» и других полуфабрикатов.

Организация труда в данных случаях действительно напоминает зачаточную стадию рассеянной мануфактуры, что выявлено на материалах Кунгурского уезда и Тобольска, касающихся развития кожевничества на рубеже XVII—XVIII вв.⁷²

Применение наемного труда отмечено также в переработке продуктов растениеводства. Наиболее отчетливо оно проявлялось в мукомольном промысле, в изготовлении кваса, браги, сусла, пива, вина, калачей, а также веревок и канатов. В этих производствах стали складываться постоянные кадры наемных рабочих.

Постоянно применялась наемная рабочая сила на двух мельницах гостя Ивана Ушакова, построенных в 1678—1681 гг. на р. Ушаковке в районе Иркутска. На каждой из них только одного помола для казенных поставок в Даурию производилось ежегодно в 1680—1688 гг. по 2000 пудов. Да еще на Енисейской мельнице, работавшей с 1673—1674 гг., мололось с 1682/83 г. для казенного отпуска в Якутск и Туруханск по 500 пудов ржи ежегодно⁷³. Символично, что мельничный оброк с двух ушаковских мельниц годовой производительностью до 9000 пудов хлеба лишь на 60 коп. превосходил пятирублевый оброк с мельницы купчинского помещика крестьянина Николая Вока, где также использовался наемный труд⁷⁴. Полностью на наемном труде гулящих и промышленных людей работала в начале 80-х годов XVII в. и мельница в Албазине торгового человека Федора Бурдаковского⁷⁵.

Использовался наемный труд и на одиннадцати мельницах верхотурских ямщиков, крестьян и посадских, хозяйства которых уже в середине 20-х годов XVII в. носили торговый, предпринимательский характер.

Применение наемного труда имело место и на мельнице в Ирбитской слободе в 1648 г., и на некоторых из 91 мельницы илимских крестьян в 1722 г.⁷⁶ Здесь особенно выде-

ляются размером оброка в 2,1 руб. с «колесчатой» мельницы Погодаевы из Нижне-Илимской волости. Их оброк был на 72 коп. больше оброка кунгурского посадского человека Михаила Калашникова, владевшего в 1703 г. одной двухколесной и двумя одноколесными мельницами и использовавшего труд «мельников и засынок»⁷⁷.

На покупном сырье и с применением наемных работников функционировали в 1630—1715 гг. «квасные избы» и «пивные заводы» откупщиков гулящего человека Ивана Лопатки, енисейских посадских Осипа Амосова, Василия Ростовникова, братьев Ушаковых, лалетина Ивана Самойлова, сольвычегодских посадских Ерофея Гаева и братьев гостинной сотни Максима и Ивана Пивоваровых и других предпринимателей в Енисейске, Мангазее, Иркутске, Селенгинске, Удинском, Ильинском, Кабанском и Маковском острогах. На иркутской пивоварне Ушаковых, на которой за один день («одна варя») из покупного хлеба варилось 120 ведер пива, работали «из найму» пивовар с жалованьем в 30 руб. в год и четверо работников⁷⁸. Енисейская пивоварня Ушаковых с двумя большими заварными и квасными чапанами, девятью большими сусленными корытами, тремя котлами в 60 ведер и четырьмя ушатами водоносными⁷⁹ имела, вероятно, не меньше наемных работников, среди которых могли быть и енисейские посадские, отдавшие за долги Ушаковым свои дворовые места⁸⁰.

Казенные винокуренные заводы при появившихся в Сибири с 1617 г.⁸¹ кружечных дворах в Верхотурье (начало XVII в.), Тюмени, Тобольске (1669 г.), Енисейске (1681 г.), Иркутске (1700 г.), Илимске (1684, 1706 гг.), Нерчинске (1727 г.) представляли собой предприятия мануфактурного типа, на каждом из которых в поварнях к концу рассматриваемого периода было от 11 до 36 котлов, чанов, кубов. Ежегодно в течение октября — апреля на каждом заводе вырабатывалось от 1 тыс. до 10 тыс. ведер простого и двойного вина. Между «наемными работниками» (числом от 9 до 16) существовало разделение труда: винокуры, браговары, прочие работники⁸². Черную работу (возка воды, дров, льда и т. д.) на казенных винокурнях выполняли подсобные рабочие, иногда ссыльные. В 1689 г. на енисейской казенной винокурне к такой работе было привлечено 120 ссыльных, которым за 8 дней работы было выдано 13 руб. 10 алт. 4 ден. «против дач прошлых годов» по 3 ден. человеку на день.

На наемном труде работали предприятия винных откупщиков и подрядчиков братьев Ушаковых и Пивоваровых, иркутян посадского С. Максимова и сынов боярских Ивана

Перфильева и Егора Курдюкова, тюменца Карпа Ерчакова, поставивших на кружечные дворы от нескольких сот до нескольких тысяч ведер вина. Так, в 1688 г. Ушаковы от своего винного завода поставили в Иркутск, Илимск и Красноярск 2 тыс. ведер «горячего вина», а в 1695 г. — 10 тыс. ведер. В конце 90-х годов после разорения Ивана Ушакова его иркутский винный завод перешел к казне и в 1700 г. был расширен. Пивоваровы право винокурения и винной продажи в 1700—1704 гг. получили в Иркутском уезде и за Байкалом за 3000 руб. в год. При казенной цене вина около 3 руб. за ведро они должны были производить его не менее тысячи ведер. Карп Ерчаков для поставки 1,2 тыс. ведер вина тюменскому кружечному двору в 1726 г. пустил в ход свой винокурительный завод на наемной рабочей силе за три месяца ⁸⁶.

С использованием в той или иной мере наемного труда функционировало и широко распространенное в Сибири, в нарушение государственной винной монополии, тайное винокурение (корчемство) с производством вина на продажу. У некоторых из корчемщиков дело было поставлено солидно. Так, у приказчика Киренского острога Степана Березовского в 1698 г. было конфисковано 10 котлов общим объемом в 150—200 ведер, 3 кубы медных объемом в 45—48 ведер, трубы медные, котел заторный большой в 25 ведер, 28 крюков котельных и 9 ведер вина. Приказчик Баргузинского острога Герасим Турчанинов тайно курил вино четырьмя работниками, в том числе тремя наемными, для продажи на месте и в Еравнинском остроге. Подобные примеры можно продолжить ⁸⁷.

Укрупненные мастерские с применением наемного труда появились в хлебопекарном производстве. Хлебопекарии енисейского посадского калачника Ерофея Плотника, владевшего еще харчевней, давкой и не имевшего детей, обслуживались наемными работниками ⁸⁸.

Формирование кадров строителей — плотников, каменщиков, кирпичников, судостроителей — началось в Сибири с момента появления русских: путем переселения специалистов из Европейской России и подготовки строителей на месте. Среди строителей первых сибирских городов были и нанятые в «русских» городах плотники в количестве 20—80 чел. ⁸⁹ К найму плотников правительство прибегало в конце XVII века, но только теперь за счет обложения самих крестьян. Таким путем, например, ставились Катайский и Колчеданский остроги. Приписанным к ним крестьянам они обошлись соответственно в 500 и 400 руб. Количество, спе-

циализация и профессиональное мастерство сибирских плотников с каждым годом росли ⁹⁰. Из их среды выделялись специалисты столярного, токарного дела, бочари, чаповщики, станочники, хомутники и т. д. ⁹¹ О большом мастерстве, например, енисейских плотников, столяров, токарей XVII в. свидетельствуют искусные шатровые перекрытия, резьба на казенных зданиях, в том числе резьбе деревянные орлы, столы с точеными ножками, отмеченные в расписном списке 1697 г. воевод Н. М. Римского-Корсакова и Б. Д. Глебова ⁹². Число всех сибирских деревообрабочников достигло, по далеко не полным данным ремесленной переписи 1720 г., 520 чел. 21 специальности ⁹³.

Повсеместное распространение, повидовая специализация, массовость плотничьего промысла и частично наследование профессий способствовали появлению со второй половины XVII в. подрядных артельных работ в строительстве. Набирались к подрядчикам местные крестьяне, казаки, дети, посадские, припущенные гулящие и промышленные люди. Последние — наиболее часто. Начал складываться слой оторванных от средств производства лиц, постоянно занимавшихся наемным плотничьим мастерством ⁹⁴.

Формирование кадров каменщиков, гранитчиков, кирпичников, творщиков извести, черепичников, изготовителей изразцов, изразцовых печников началось с 70-х годов XVII в. Особенно интенсивно оно проходило в конце XVII — первые 14 лет XVIII в., когда в Тобольске, Тюмени, Верхотурье, Якутске, Иркутске, Илимске, Енисейске, Красноярске, Томске, Перчине развернулось значительное казенное, светское и церковное каменное строительство — соборов, церквей, присутственных мест, гостиних дворов и других зданий ⁹⁵. Указ Петра I от 9 декабря 1714 г., запретивший по всей стране, кроме Петербурга, каменное строительство, приостановил его в Сибири до разрешающего указа 1728 г. ⁹⁶ Согласно переписи 1720 г., общее число специалистов каменного дела, кроме иркутских, илимских, иркутских, красноярских, перчинских, якутских, составляло 151 чел., 127 из них находились в Тобольске ⁹⁷.

Формирование в Сибири новых строительных специальностей и местного отряда квалифицированных строителей происходило путем привлечения по договору мастеров из Европейской России, использования ссыльных и мобилизации местных трудовых ресурсов (служилых, посадских, ямщиков, крестьян и особенно — детей их всех).

Местные жители опирались на собственный организационный и технический опыт и знание районов произрастания

различных пород деревьев, принципов изготовления печного кирпича и деревянного оборонительного, культового и жилищного строительства и перенимали у прибывших из Европейской России мастеров навыки по массовому производству большеформатного кирпича, извести, отделочных материалов (черепицы, изразцов) и по возведению крупных построек. Вскоре они заняли по численности специалистов каменного дела господствующее положение в строительстве и выделили из своей среды подмастерьев каменных дел (Василий Кашинец и др.), кирпичных (Егор Иванов Салтанов и др.), черепичных (Савватей Андреев Черепанов и др.), изразцовых (Василий Артемьев и др.), и «известных» (Федор Кригорьев Кузнец и др.), не уступавших по мастерству своим учителям, прибывшим сюда по договору из Европейской России⁹⁸. Большим подспорьем местным жителям при овладении новыми специальностями служила их прежняя ремесленная профессия. Местные гончары быстрее овладели искусством приготовления черепицы и изразцов, печные кирпичники — производством большеформатного строительного кирпича.

Рядовых сибирских каменщиков и кирпичников можно отнести к предпролетариату. В большинстве своем они являлись лично свободными людьми, работали «по найму подрядом», получали за работу жалованье, не имели средств производства и связи с землей, жили на чужих «подворьях» и в казенных помещениях. Сами же кирпичные сараи-заводы, на которых постоянно работали по найму 4—11 специалистов-кирпичников и несколько десятков вспомогательных рабочих с разделением труда между специалистами и неспециалистами и с поставкой по подрядам продукции казне можно считать простой капиталистической кооперацией и зарождавшейся мануфактурой⁹⁹.

Судостроителей, «занятых подрядчиками», также следует относить «не к самостоятельным промышленникам, работающим по заказу потребителей, а к наемным рабочим»¹⁰⁰. И действительно, наемный труд широко применялся и казной, и частными лицами в строительстве морских (кочи, боты) и речных (дощаники, барки, ладьи, барчонки, каюки, лодки-набойницы) судов. Потребность в судостроительстве была высокой: во-первых, потому, что водные пути в то время были главными транспортными артериями, во-вторых, потому, что суда редко возвращались из плаваний целыми.

В том или ином количестве суда строились в Сибири повсеместно, основные же судовые плотнища находились в Верхотурье, Туринске, Тюмени, Тобольске, Березове,

Томске, Енисейске, Усть-Куте, Илимске, Якутске, Иркутске, Нерчинске и в устье р. Муки, где строились казенные и частные суда. Всего на этих плотнищах и в слободах, приписанных к ним, ежегодно закладывалось и спускалось на воду, по далеко не полным данным, от 185 до 292 казенных судов, преимущественно дощаников. А если учесть, что в 1645—1646 гг. через Енисейск прошло 141 судно торговых и промышленных людей, то не будет преувеличением сказать, что частных судов строилось несколько не менее казенных. В результате этого подсчета получим совокупную цифру: 370—584 судна в год¹⁰¹. Для постройки их надо было 1850—2920 судовых плотников (из расчета: один уставщик и четыре рядовых, т. е. пятеро плотников на дощаник)¹⁰² и 3700—5840 плотников (из расчета: десять человек на одно судно)¹⁰³.

Судостроители рекрутировались из всех слоев населения Сибири: гулящих, промышленных людей, крестьян, посадских, служилых, бобылей, ямщиков. Основная масса их представляла собой вольнонаемных работников по подряду. Записные казенные плотники Енисейска (с 1682—1684 гг.; 10 чел. с дневным жалованием в 10 ден.) и Илимска (с 1655—1656 гг.) составили небольшое число¹⁰⁴. Судостроительство происходило под руководством и с участием уставщиков. Уставщики нанимали плотников и делали суда для казны и продажи частным лицам. В первом случае они получали от государства материалы, и деньги на наем работников из расчета 10 руб. на человека. Во втором же случае они сами должны были изыскивать средства и строительные материалы. Между казенным ведомством и частными заказчиками существовала конкуренция, которую власти пытались подавить весьма просто: распоряжение тобольского разрядного воеводы 1693 г. предписывало барочникам «у старост крестьянских подряжатца наперед делать государственные дощаники... и после того подряжались у всяких чинных охочих людей». В тюменской книге записи подорожных за 1708 г. есть данные о поездке в слободы дощаничных подрядчиков из Тобольска «для подряду государевых дощаников и лодок в Ямышевский отпуск»¹⁰⁵. Так в судостроении, носившем товарный характер, постепенно зарождалась капиталистические отношения в форме простой кооперации.

Формирование кадров работников по свободному и принудительному найму происходило и в разведке полезных ископаемых. В многочисленных правительственных экспедициях по их поиску в Сибири в XVII в. находились не только служилые и принудительно нанятые крестьяне, но и воль-

ные «наемники», согласившиеся работать добровольно за уговорное вознаграждение¹⁰⁶. Почти полностью из вольнонаемных состояли поисковые партии частных рудоискателей, среди которых особенно выделяются продолжительностью, размахом, результативностью и значимостью своей деятельности рудознаты А. И. и Д. А. Тумашевы, искавшие полезные ископаемые в Верхотурском уезде в 1647 и 1666—1679 гг., и разведывавший их в течение 1642—1657 гг. в Приенисейском крае Алексей Тихонов Жилин¹⁰⁷. Созданные русскими на этих найденных (отчасти с помощью местных ясачных людей) рудных и нерудных месторождениях промышленная добыча слюды, соли, руд, вылавка железа, меди, серебра, получение готовых металлических изделий носили не только ремесленный, но и товарный характер в формах простого товарного производства, капиталистической простой кооперации и мануфактуры. Питательной средой для возникновения и развития этих двух последних из названных форм раннекапиталистической горно-металлургической промышленности служило ремесло по обработке минерального сырья. По данным переписи 1720 г., в нем было занято 859 ремесленников 21 специальности, в том числе кузнецы (546 чел.), серебряники (137 чел.), оружейники (82 чел.), медники (32 чел.), оконщики (20 чел.), гончары (21 чел.), палашники (11 чел.), котельники (10 чел.) и т. д.¹⁰⁸ В общей массе учтенных переписью ремесленников они составили 37,16 %. В действительности их было больше¹⁰⁹.

В Восточной Сибири в это время действовало еще к тому же не менее 50 рудоплавных печей, в которых 250—300 семейных и наемных работников выплавляли в год около 5000 пудов кричного железа. На действовавшей с 1667 до 1674 г. илимский сыродутной домнице с одной печью в 1673 г. было занято 6 наемных работников. Они выплавляли 110 пудов 30 гривенок кричного железа¹¹⁰. Вообще одну сыродутную плавильную печь, как правило, обслуживали 5—6 работников, которые получали за сутки от 24 фунтов до трех пудов кричного железа¹¹¹. О степени распространенности, профессиональности и развитости рудоплавильного и кузнечного промыслов в Сибири свидетельствует тот факт, что в 1697 г. для выбора мест под казенные верхотурские и тобольские казенные заводы были привлечены 67 местных «железных заводчиков и рудоплавщиков»¹¹².

В 1657 г. в Енисейске наемный труд использовали Иван Кубасов, владевший двумя кузницами, братья Таусиены — Шариповы, имевшие три кузницы и одну плавильную печь, и другие кузнецы. В том же году промышленный человек кузнец Савелий Дмитриев и устюжанин Григорий Ше-

перин в Енисейской таможне на товарные покупки «являли деньги», которые они выработали, «живучи в Енисейском кузнешною работою». Енисейский кузнец посадский человек Гаврила Алексеев, владелец кузницы с плавильным горном, в 1704 г. при обложении его десятой пошлиной в таможне сказал: «Живет у меня со мною в избе гулящий человек Андрей Павлов сын устюжанин... А за постоянный наем работает он Андрей мне в кузнице моей всякую кузнечную работу. А что бывает мне Гаврилу за кузнечную работу на год, и то ему Андрею даю третий жребий будет на работу три рубля»¹¹³, т. е. Андрей у Гаврилы «наймывался» на условиях покручевника. В 1685 г. красноярские кузнецы-оружейники использовали в своих кузницах постороннюю (т. е. не своих сельчан. — О. В.) наемную рабочую силу гулящих людей, про которых источники отмечали, что они «в кузницах у бронников в работе живут»¹¹⁴.

Наряду с этими кузницами, представлявшими собой кооперацию семейного и наемного труда, появились в Сибири и более крупные железоделательные предприятия. На построенном в 1631 г. казною Ниццынском заводе с четырьмя горнами работали 16 семей «новоприборных крестьян», поселенных в Ниццынской (Рудной) слободе и освобожденных от всяких податей и уплаты «пятинного снопа» за пользование казенной напшой. За выработку в производственный сезон с 1 сентября по 9 мая 400 пудов железа им полагалось жалованье по 5 руб. в год. Завод существовал около 50 лет¹¹⁵. На принадлежащем Далматову монастырю и действовавшем в 1680—1690 гг. на р. Каменке, притоке Исети, железоделательном заводе с домницей, двумя печами и кузницей с наковальней было занято не менее 12—17 работников, среди которых были и вольнонаемные¹¹⁶. Настоящей небольшой капиталистической мануфактурой стал существовавший с 1669 по 1680 г. на р. Нейве около Краснопольской слободы железоделательный завод Д. А. Тумашева с братьями, располагавшими трехгорной домницей, двухгорной кузницей с двумя наковальнями и тремя рудникамч, на которых работали с разделением труда около 23 вольнонаемных местных крестьян и гулящих людей, вырабатывавших в год около 1200 пудов железа. Основная его часть шла на местный рынок, остальное сдавалось в казну. Тумашевы были типичными представителями нарождавшейся русской буржуазии¹¹⁷.

Начавшееся в XVII в. в сибирской металлургии формирование, в том числе из бывших самостоятельных сибирских «железных заводчиков и рудоплавщиков», постоянных кад-

ров вольнонаемных мануфактурных рабочих усилилось с постройкой в Верхотурском, Тобольском и Нерчинском уездах крупных металлургических заводов — казенных (Тобольский оружейный — 1701 г., Каменский — 1701 г., Невьянский — 1701 г., Уктусский — 1702 г., Алапаевский — 1704 г., Нерчинский — 1704 г.) и частных (Шураминский — 1716 г., Бынгровский — 1718 г., Верхне-Тагильский — 1720 г., Нижне-Лайский — 1723 г., Нижне-Тагильский — 1725 г., Выйский — 1722 г. и др.). Не прекратила этот процесс и происходившая феодализация предприятий¹¹⁸.

Предприимчивый характер в форме капиталистической простой кооперации с применением наемного труда 10—100 работников носила добыча слюды иркутскими посадскими людьми: квазным откупщиком А. Самойловым и И. Штишниковым на восточном побережье Байкала в начале 80-х годов XVII в., тобольским подьячим Я. Лапиным на р. Исети в 1691—1696 гг., московским откупщиком Ф. Лялиным на р. Олекме в начале XVIII в. и подрядчиком Лапиным на р. Витиме в 1720 г.¹¹⁹

Начавшееся в 1600—1604 г. использование наемной рабочей силы¹²⁰ при добыче соли из подземных рассолов и самосадочной из Ямыш-озера привело к появлению в солеварении в начале 40-х годов XVII в. предприятий капиталистического типа. К простой капиталистической кооперации следует отнести такие предприятия, как функционировавшая в 1639—1643 гг. с применением наемного труда и дававшая около 700 пудов соли солеварня крестьянина Троице-Сергиева монастыря (в дальнейшем — посадского Енисейска) Андрея Лаврентьева Свечникова на притоке Ангары Маньзе, а также развернувшийся на этом усолые в 1650—1668 гг. с несколько большей производительностью промысел отставного служилого человека Осипа Еремеева Толстого. Капиталистическую мануфактуру представлял собой и действовавший в 1639—1676 гг. на р. Тасеевой солеваренный завод енисейского посадского Алексея Тихонова Жилина стоимостью в 4 тыс. руб. На заводе было 10 детальных наемных рабочих — солевар, кузнец, подварки, водолив, дровосеки, дрововозы. Годовая производительность этого предприятия составляла 2000—7389 пудов соли. В 1677 г. в результате упорной конкурентной борьбы оно перешло к Туруханскому Троицкому монастырю¹²¹.

Крупными солепромышленниками были и братья Ушаковы, солеварни которых в районе Иркутска, Ильинского острога и в Оловской деревне дали за 1680—1686 гг. 12 360 пудов соли. На купленном ими в 1681—1682 гг. у иркутских служилых Онисима и Гаврилы Михайловых и по-

садских Семена Кузнеца и Афанасия Куропти за 510 руб. Ангарском усолые промысел обеспечивался пятью постоянными наемными людьми — тремя солеварями и двумя «чумаками», а также трудом пашенных крестьян (10 дворов) Ушаковых¹²². Из-за острого положения, разлива Ангары, морозов, «скудости рабочих людей» (в силу сезонности некоторых из них), недостатка топлива, перерывов в праздники и во время сенокосов и т. д. промысел функционировал около 200 дней в году. На открывшемся с 1644 г. казенном Усть-Кутском солеваренном заводе с годовой производительностью в 1654—1725 гг. 928—10 111 пудов соли также работали наемные люди — солевар, два подварка, кузнец и молотобоец¹²³.

Итак, в непрерывном и органическом взаимодействии с развивающейся промышленностью Европейской и Азиатской России как своей социально-экономической базой, в условиях складывающегося всероссийского рынка и генезиса капитализма происходило формирование сибирских рабочих кадров. Основными стадиями этого 140-летнего пути были: первоначальная невывченность промышленности из натурально-хозяйственной сферы, в которой «еще совершенно нет ни капитализма, ни товарного производства, ни товарного обращения»¹²⁴; ремесло, в котором «появляется товарное обращение — в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами и появляется на рынке для закупки орудий, сырья и проч.»¹²⁵; мелкое производство промышленных продуктов на рынок, развитие которого сопровождалось появлением, с одной стороны, мелких товаропроизводителей, тяготеющих «к употреблению наемного труда, т. е. к капиталистическому производству»¹²⁶, а с другой — разоряющихся самостоятельных непосредственных производителей, которые не могут уже существовать без временной продажи своей рабочей силы, и, наконец, появление наемного рабочего капиталистической простой кооперации (т. е. предпролетариата)¹²⁷ и мануфактурного детального рабочего-пролетария, утратившего собственные средства производства и поэтому вынужденного жить постоянно, а отчасти и потомственно, продажей своей рабочей силы. «Капиталистические отношения, — отмечал Ленин, — образуются и в мелких промыслах (в виде мастерских с наемными рабочими и торгового капитала), но они развиты здесь еще слабо и не фиксируются в резкие противоположности между группами участвующих в производстве лиц. Ни крупных капиталов, ни широких слоев пролетариата здесь еще нет. В мануфактуре мы видим образование и того и другого»¹²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 153—154.
- ² Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. — 2-е изд. — Сиб., 1886. — Т. 1. — С. 76—77.
- ³ Сибирь, ее современное состояние и нужды. — Сиб., 1908. — С. 172.
- ⁴ Подробнее см.: Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домари-сметский период). — М., 1970; Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1971; Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.). — Красноярск, 1973; Башкатова З. В. Сибирская городская промышленность в дворян-ской историографии первой половины XVIII в. // Историография городов Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1977. — С. 26—45; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрь-ского периода (конец XVI — начало XX в.). — Новосибирск, 1984. — С. 3—99; и др.
- ⁵ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. — М., 1966. — С. 54—62.
- ⁶ Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения Сибири // Тр. I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. — Вып. 5. — Новосибирск, 1928. — С. 62.
- ⁷ Он же. Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2. — С. 260.
- ⁸ Дубровский А. М. Освещение социально-экономической истории феодальной России в трудах С. В. Бахрушина // Проблема социально-экономической истории феодальной России. — М., 1984. — С. 26; Ни-китин Н. И. История в трудах С. В. Бахрушина // Там же. — С. 37—57; Селиверстов Н. И. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60 гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1952; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 217—241; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 221—303; Павлов П. И. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972; Он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. — Красноярск, 1974; Шейнфельд М. Б. С. В. Бахрушин и историография Си-бири советского периода. — Красноярск, 1989. — С. 3—90; Сафро-нов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1980. — С. 3—59; Горюшкин Л. М., Минен-ко Н. А. Историография Сибири... — С. 44—46; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 76—78.
- ⁹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. — М.; Л., 1946; Он же. Очерки по истории

- земледелия Сибири. XVII в. — М., 1956; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1; Кашин О. И. На истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII — начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1952; Болыринова З. Я. Население Томского уезда в пер-вой половине XVII в. // Тр. Томск. ун-та. — Томск, 1950. — (Сер. ист.-филол.; Т. 112); Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илмы в XVII в. — Якутск, 1956; Он же. Русские крестьяне в Якутии (XVIII — начало XX в.). — Якутск, 1961; Преображен-ский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. — М., 1956; Он же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972; Александров В. А. Русское насе-ление Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964; Он же. Особен-ности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопр. истории. — 1973. — № 8. — С. 39—58; Он же. Проблематика системы государствен-ного феодализма в Сибири XVII в. // История СССР. — 1977. — № 1. — С. 97—108; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. — Но-восибирск, 1965; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII — XVIII в. — Челябинск, 1966; Булыгин Ю. С. Первые русские крестья-не на Алтае. — Барнаул, 1974; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освое-ние Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 39—64; Колесников А. Д. Русское население Западной Си-бири в XVIII — начале XIX в. — Омск, 1978. — С. 13—48; Быко-ва Г. Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Си-бири в XVII—XVIII вв. — Красноярск, 1979; Емельянов Н. Ф. Населе-ние Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повин-ности). — Томск, 1980; Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное зем-леладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII вв. — Красноярск, 1983; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сиби-ри XVII в. — Новосибирск, 1988. — С. 141—143; и др.
- ¹⁰ Бахрушин С. В. Сибирские слободчики. (Из истории колониза-ции Сибири) // Тр. Государственного колониального научно-иссле-довательского ин-та. — М., 1926. — Т. 2. — С. 133.
- ¹¹ Он же. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. — Науч. тр. — М., 1959. — Т. 4; Селиверстов Н. И. Торговля и промы-слы... — С. 25; Шейнфельд М. Б. Методология работ С. В. Бахрушина по истории Сибири // Вопросы историографии и социально-полити-ческого развития Сибири (XIX—XX в.). — Красноярск, 1976. — Вып. 1. — С. 120; Быкова Г. Ф. Поземельные отношения... — С. 26.
- ¹² Шунков В. И. Рец. на кн.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня (Т. 1) // Вопр. истории. — 1950. — № 3. — С. 134.
- ¹³ Он же. Очерки по истории земледелия... — С. 427—428.
- ¹⁴ Он же. Очерки по истории земледелия... — С. 412.
- ¹⁵ Он же. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. // Вопр. истории. — 1952. — С. 76; Он же. Очерки по истории земледе-лия... — С. 359.
- ¹⁶ Окладников А. П., Покровский Н. Н. Введение // Крестьянст-во Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 23.
- ¹⁷ См.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 594.
- ¹⁸ Там же. — С. 279.
- ¹⁹ Там же. — С. 292—293.
- ²⁰ Там же. — С. 502, 296.
- ²¹ Там же. — С. 591.
- ²² Там же. — С. 594.
- ²³ Быкова Г. Ф. Проблема поземельных отношений русского тру-дового населения Сибири XVII—XVIII вв. в советской историогра-

фии // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX—XX в.).— Красноярск, 1976.— Вып. 1.— С. 98—106; Он же. Поземельные отношения...— С. 21—40; Вилков О. Н. Социально-политическое положение различных слоев русского и нерусского населения Западной Сибири в конце XVI — первой четверти XVIII в. // Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук.— Новосибирск, 1984.— № 9, вып. 2.— С. 50—55. Библиографию по данной концепции см. в подстрочниках названных работ Г. Ф. Быкова и О. Н. Вилкова.

²⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972.— С. 189, 165—320.

²⁵ Он же. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII — начала XIX века // Вопр. истории.— 1977.— № 5.— С. 60; Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.).— Новосибирск, 1982 (см. также библиографию к ст. В. Н. Курилова, Д. Я. Резуна, О. Н. Вилкова и А. А. Люндарской, помещенным в этом издании).

²⁶ Шерстобоев В. Н. Илимская пания.— Т. 1.— С. 593.

²⁷ Быков Г. Ф. Поземельные отношения...— С. 37—40; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири...— С. 57—75.

²⁸ Капкин В. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края XVII—XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ.— 1934.— № 7—8, 9—10; Спружинин С. Г. Черная металлургия в России и СССР // Технический прогресс за 300 лет.— М.; Л., 1935; Он же. История черной металлургии в СССР.— М., 1954.— Т. 1; Любимов П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX в.).— Л., 1937; Он же. Очерки по истории русской промышленности.— Л., 1947; Кашицев Д. История металлургии Урала.— М.; Л., 1939.— Т. 1; Кафенгауз Б. Б. Строительство первых уральских заводов // Вопр. истории.— 1945.— № 5—6; Он же. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.— М.; Л., 1949.— Т. 1; Одинова М. К. О производстве железа в XVII в. в Восточной Сибири // Тр. Иркут. гос. ун-та.— Иркутск, 1956.— (Сер. ист.-филол.; Т. 16, вып. 3); Она же. Николаевский чугуноплавильный и железоделательный завод // Там же.— Иркутск, 1948.— (Т. 3, вып. 2); Исаев В. Г. Формирование рабочих кадров Нерчинских заводов // Сб. статей по истории Дальнего Востока.— М., 1958; Кашик О. Н. Основание первого в России сереброплавильного завода // Учед. зап. Иркут. гос. пед. ин-та.— Иркутск, 1952.— (Вып. XI); Преображенский А. А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII в.— М., 1961; Он же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг.— Новосибирск, 1963; Комогорцев И. П. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири.— Новосибирск, 1965; История Сибири...— Т. 2.— Л., 1968; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.— Новосибирск, 1982; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири...— С. 75—90; и др.

²⁹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 212—320.

³⁰ Бахрушин С. В. Науч. тр.— Т. 4.— С. 147—148, 204.

³¹ Кабо Р. М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX в.).— М., 1949.— С. 117—118; Зияев Х. З. Средняя Азия и Сибирь.— Ташкент, 1964.— С. 10—11.

³² Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России.— Улан-Удэ, 1962.— С. 224.

³³ Курилов В. П. Сибирская промышленность в XVII в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.).— Новосибирск, 1982.— С. 3—23; Резун Д. Я. О числе ремесленников в городах Сибири XVII в. // Там же.— С. 23—31; Вилков О. Н. К проблеме наемного труда в сибирской промышленности конца XVI — начала XVIII в. // Там же.— С. 31—60.

³⁴ Основным же рыночным спросом на соль удовлетворялся продукция медкотоварного, а не мануфактурного производства, хотя само соотношение между ними в разных районах и разных отраслях промышленности было неодинаковым. Так, потребности в соли енисейского, красноярского и иркутского городского и сельского населения удовлетворялись за счет приобретения ее с казенных и частных мануфактур, а население Западной Сибири обходилось самосадочной солью с Ямыш-озера, добываемой и распродаваемой казной, а также частными лицами с уплатой десятой пошлины. Верхотурцы привозили соль с солончакских соленарен, а якуты добывали самосадочную соль из Кемпендйского источника на Вилюе (см.: Промышленность Сибири в феодальную эпоху...).

³⁵ Курилов В. П. Наемные работники в Сибири в XVII в. Их социальное положение и борьба // Там же.— С. 60—74; Люндарская А. А. Мельничное дело в Томске в начале XVIII в. // Там же.— С. 125—131; см. также работы, указанные в подстрочниках названных статей.

³⁶ Вилков О. Н. Проблема всероссийского рынка и сибирская торговля и промышленность XVII в. // Итоги и задачи научной истории Сибири дореволюционного периода.— Новосибирск, 1971.— С. 76—101; Павлов П. Н. Некоторые особенности пушной торговли в Восточной Сибири времени расцвета собольего промысла (30—50-е годы XVII в.) // Из истории Сибири.— Кемерово, 1971.— Вып. 5.— С. 79—123; Он же. Оценка промышленной колонизации Сибири XVII в. в советской исторической литературе // Докл. межвузовской конф. по историографии Сибири.— Кемерово, 1970; Баишатова З. В. Теория и промыслы г. Тары конца XVI — первой половины XVIII в. в отечественной историографии // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX века.— Новосибирск, 1984.— С. 35—60; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города XVII — первой четверти XVIII в. (историография) // Там же.— С. 100—123; Квещинская Т. Е. Русская и советская историография торговли городов Сибири XVII в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в.— Новосибирск, 1987.— С. 204—221; Леонтьев В. М. Пушные промыслы и торговля г. Березовы в конце XVI — начале XVIII в. в освещении отечественных историков // Там же.— С. 147—178; Он же. Обменная торговля Северного Приобья в советской историографии // Там же.— С. 172—182; Ишатики Н. И. Советская историческая литература о военно-служилом населении Сибири XVII в.— Томск, 1974.— Вып. 2.— С. 103—104; Он же. Военно-служилые люди в освоении Сибири в XVII в. // История СССР.— 1980.— № 2.— С. 164—173; Вилков О. Н. Ремесло и торговля...— С. 14—22; Копылов А. И. Русские на Енисее в XVII в.— С. 10—16, 208—211; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в.— С. 3—34; Сафранов Ф. Г. Русские промыслы и торг...— С. 3—6; Вилков О. Н. Предисловие // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в дореволюционный период.— Новосибирск, 1974.— С. 3—6; Вилков О. Н., Резун Д. Я. Предисловие // История городов Сибири дореволюционного периода.— Новосибирск, 1977.— С. 3—10; Вилков О. Н., Курилов В. П. Предисло-

виз // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 3—4; Вилков О. Н., Резун Д. Я. Предисловие // Сибирские города XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1981. — С. 2—10; Вилков О. Н. Предисловие // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. — С. 3—5; Вилков О. Н., Резун Д. Я. Предисловие // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в.: Сб. науч. трудов. — Новосибирск, 1987. — С. 3—4.

³⁷ См.: Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). — Хабаровск, 1984. — С. 241—248, 259—270; Башкатова З. В. Советская литература о сибирских таможенных книгах как историческом источнике // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в. — С. 40—43; Квешинский Т. Е. Русская и советская историография торговли городов Сибири XVII в. // Источниковедение и историография городов Сибири... — С. 204—221.

³⁸ См., например: Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии // Историография городов Сибири... — С. 27—35; Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. — Томск, 1984. — С. 3—223; Горюшкин Л. М., Мищенко П. А. Историография Сибири... — С. 75—99.

³⁹ См. работы Т. И. Агановой, В. А. Александрова, Н. А. Алексеева, Н. В. Алексеевко, Н. Г. Анодиной, Г. В. Алферовой, Е. А. Ашеникова, С. Н. Баландина, С. В. Бахрушина, М. И. Белова, З. В. Башкатовой, Б. И. Долгих, З. Я. Бонришиной, Г. Ф. Быкова, Р. С. Васильевского, О. Н. Вилкова, М. Я. Волкова, В. В. Воробьева, Я. Е. Водарского, З. В. Гоголева, Л. А. Гольдштейна, И. С. Гурвич, М. М. Громыко, А. П. Деревянко, А. М. Дубровского, Н. Ф. Емельянова, Е. М. Залкина, Л. Е. Иоффе, В. Н. Иванова, В. Ф. Иванова, В. Г. Игачева, В. М. Кабузана, Р. М. Кабо, Т. Е. Квешинской, В. В. Кириллова, А. Д. Колесникова, А. Н. Комарова, Д. И. Комарова, С. В. Комаровой, Н. П. Крадина, В. Н. Курилова, Ф. А. Кудрянцева, В. И. Кочеданова, М. Д. Курмачевой, Ю. В. Курскова, Г. А. Леонтьевой, В. М. Леонтьева, А. А. Любидарской, И. В. Маковского, Н. А. Мищенко, Л. К. Минерта, В. И. Молодина, Н. И. Някина, В. А. Оборина, О. В. Овсянникова, Б. И. Оглы, А. П. Окладникова, А. В. Окладникова, Н. Н. Покровского, А. А. Преображенского, Т. С. Проскуряковой, Д. Я. Резуна, Ф. Г. Сафронова, В. И. Сергеева, М. М. Тверского, С. М. Троицкого, Г. А. Христовского, Е. В. Частяковой, В. Н. Шерстобоева, Л. П. Шорохова, В. И. Шункова, А. И. Юхта, П. Т. Яковлевой и др.

⁴⁰ См.: История СССР. — 1975. — № 4. — С. 186—188; 1978. — № 6. — С. 180—182; 1981. — № 6. — С. 74—91; Вопр. истории. — 1979. — № 4. — С. 177—179; 1983. — № 8. — С. 133; Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1979. — № 6, вып. 2. — С. 121—123; РЖ/ИНИОН АН СССР. Сер. 5. История. — № 1. — 1985. — С. 22—25; Научные отечественной истории СССР между XXV—XXVI съездами КПСС. — М., 1982. — С. 79, 366—367, 473, 572; Robel G. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — Wiesbaden, 1974. — H. 3. — S. 430—431; Warton St. // American Historical Review. — Washington, 1975. — Vol. 80, N 5. — P. 1366—1367; Idem. // Ibid. — 1976. — Vol. 81, N 4. — P. 905—906; Glatfelter R. E. // Ibid. — 1979. — Vol. 84, N 2. — P. 501—502; Историческое обозрение. — Варшава, 1980. — Т. 71, кн. 2. — С. 277—286; Рындзевский П. Т. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. — М., 1983. — С. 9.

⁴¹ Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI — первой четверти

XVIII в. в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. — Новосибирск, 1981. — С. 39—41. — (Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.: Вып. 1); Он же. Проблема подфеодалного города в современной русской советской историографии // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. — Томск, 1984. — С. 112—114; Он же. Сибирский город (некоторые проблемы возникновения и развития городов Сибири конца XVI — начала XVIII в.) // Наука в Сибири. — 1985. — 22 авг. — С. 6—7; Он же. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии // Историография городов Сибири... — С. 6—35; Горюшкин Л. М., Мищенко П. А. // Историография Сибири... — С. 75—90; Горюшкин Л. М. Исследования по истории Сибири дооктябрьского периода в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы. — Новосибирск, 1984. — С. 154—168.

⁴² Горюшкин Л. М., Мищенко П. А. Историография Сибири... — С. 86—87; Копылов Д. И. Итоги развития мануфактурной промышленности Сибири в XVII в. (размещение, структура, экономический строй) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. — Вып. 1. — С. 45.

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 20.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 21—23.

⁴⁵ Там же. — С. 58.

⁴⁶ Прохотей А. П. Методика исторического исследования. — Ростов-на-Дону, 1971. — С. 3—488; Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: Учеб. пособие. — М., 1962. — Вып. 1. — С. 3—488; Источниковедение истории СССР. — М., 1973. — С. 3—287; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969. — С. 5—505; Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. — Вып. 1. — М., 1973. — С. 32—63; Пашуто В. Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Там же. — С. 64—77; Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников // Там же. — С. 78—100; Курносоев А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории, 1976. — М., 1977. — С. 5—25; Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М., 1978. — С. 3—275; Иванов Т. М. Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника // Источниковедение отечественной истории. 1979. — М., 1980. — С. 5—22; Варшавчик М. А. О структуре источниковедческой критики // Там же. — С. 23—28; Илизаров В. С. О понятии документального исторического источника // История СССР. — 1986. — № 5. — С. 104—111; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 1987; см. также работы, указанные в подстрочниках (примечаниях) этих исследований.

⁴⁷ Оглавление Н. В. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа: В 4-х ч. — М., 1895. — Ч. 1; М., 1897. — Ч. 2; М., 1900. — Ч. 3; М., 1901. — Ч. 4; Кочин Г. Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. — М.; Л., 1936. — Сб. 2. — С. 145—187; Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв.: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. — М., 1956; Он же. Таможенные книги XVII в.: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. — М., 1957; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. — Вып. 1. — М.; Л., 1960; Вып. 2. — М.; Л., 1965; Вилков О. Н. Тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в. // Археология и источниковедение Сибири. — Новосибирск,

1975.— С. 4—12; Он же. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма.— Новосибирск, 1978.— С. 5—46; Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII в.— Новосибирск, 1982; Башкатова З. В. Советская литература о сибирских таможенных книгах как историческом источнике // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в.— Новосибирск, 1983.— С. 27—42; Леонтьев В. М. Березовская таможенная книга 1646/47 г. как исторический источник // Там же.— С. 66—76; Леонтьева Г. А. Сметные и пометные списки как источники для характеристики бюджета сибирского города (на примере денежных смет и помет Перчинского уезда 80-х годов XVII — начала XVIII в.) // Там же.— С. 77—94; Леонтьев В. М. Таможенные приходные книги Березова как источник по истории торговли города (по материалам книг № 79 (1635/36 г.), № 227 (1646/47 г.), № 542 (1667/68 г.) // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в.— Новосибирск, 1987.— С. 27—49; см. также работы, указанные в подстрочниках (примечаниях) перечисленных исследований.

1. Ленинская концессия всероссийского рынка и интерпретация начального этапа его формирования в советских исследованиях 60—80-х годов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 26.— С. 57.

² См., например: Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) // Вопр. истории.— 1961.— № 4.— С. 80—109; В. И. Ленин и историческая наука.— М., 1968; Сахаров А. М. Работа В. И. Ленина над источниками по русской истории // Вопр. истории.— 1970.— № 4.— С. 152—164; Магродин В. В. Феодальная Россия в трудах В. И. Ленина // Там же.— С. 165—182. Различные точки зрения по проблеме генезиса капитализма в России, частью какой является и вопрос о формировании всероссийского рынка, заложены в работах: Булыгин И. А., Пидова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А., Троицкий С. М. Начальный этап генезиса капитализма в России // Вопр. истории.— 1966.— № 10.— С. 65—90; Павленко Н. Н. Спорные вопросы генезиса капитализма в России // Вопр. истории.— 1966.— № 11.— С. 81—102; Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы всесоюзной дискуссии.— М., 1969; Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма.— М., 1970; Вилков О. И. Проблема всероссийского рынка и сибирская торговля и промышленность XVII в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1971.— С. 76—101; Ковальченко И. Д., Милос Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа.— М., 1974; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы.— М., 1980; Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России.— М., 1987; Милос Л. В. О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история.— 1987.— № 2.— С. 78—95, а также в исследованиях, перечисленных в подстрочниках этих работ.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 247.

⁴ См., например: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси.— Сиб., 1907; Он же. Феодализм и удельный Русь.— Сиб., 1910. Наличие феодализма только как системы политического раз-

дробления на Русь, т. е. как удельной системы, признавали А. Л. Шайдер, И. П. Елагин, Х. Стриттер, Н. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, М. М. Сперанский, М. Н. Муравьев, М. П. Погодин и др. (см.: Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период.— М., 1978.— С. 80—81).

⁵ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 125—346; Он же. Развитие капитализма в России // Там же.— Т. 3.— С. 1—609; Он же. Замечания на второй проект программы Плеханова // Там же.— Т. 6.— С. 212—235; Он же. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Там же.— Т. 17.— С. 57—137; Он же. О государстве // Там же.— Т. 39.— С. 64—84.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 237.

⁷ См.: Там же.— Т. 1.— С. 153—154.

⁸ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права.— Киев, 1886.— Вып. 1—2; Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1959.— Кн. 1.— С. 223—224, 269 (коммент. В. П. Пашута, с. 747); Кн. 4.— С. 675—676 (коммент. А. М. Сахарова, с. 687, 675—676).

⁹ См.: Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России.— Вопр. истории.— 1960.— № 4.— С. 77—93.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 153.

¹¹ Там же.— Т. 3.— С. 628 (примеч.).

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 153.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.— С. 153—154.

¹⁵ См.: Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России.— М., 1989; Ключевский В. О. Курс русской истории.— М., 1956.— Т. 1.— С. 32—34; М., 1957.— Т. 3.— С. 6—8.

¹⁶ Зинин А. А. История России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма // В. И. Ленин и историческая наука.— С. 318—322.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 204 (примеч.).

¹⁸ См.: Там же.— Т. 1.— С. 247—248, 400—401, 421, 425—426, 433—434, 447, 509, 510, 516—518; Т. 2.— С. 207—208; Т. 3.— С. 183—185 и др.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 421, 517.

²⁰ Там же.— С. 154.

²¹ Там же.— С. 248.

²² Там же.— С. 518.

²³ См.: Там же.— С. 217, 237—238, 457 и др.

²⁴ Преображенский А. А. О генезисе капитализма в России XVII—XVIII вв. (Некоторые историографические итоги и теоретические проблемы) // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917—1957).— Свердловск, 1967.— С. 29.— (Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки); Вып. 1. История СССР).

²⁵ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России.— Л., 1969.— С. 241, 284—291; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в.— Л., 1978.— С. 1—2, 44—45.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 256.

²⁷ Там же.— С. 241.

²⁸ Там же.— Т. 3.— С. 383.

²⁹ Там же.— С. 381.

³⁰ Там же.— Т. 1.— С. 239—240.

- ³¹ Там же. — Т. 3. — С. 332.
- ³² Скалкин С. Д. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. — М., 1961. — С. 28.
- ³³ Преображенский А. А. К проблеме исторического прогресса в России (от средневековья до конца XVIII в. // Социально-экономическое развитие России. — М., 1986. — С. 59—60. — (Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина).
- ³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 154.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 25, ч. 1. — С. 365—366.
- ³⁶ Там же. — С. 367.
- ³⁷ Сахаров А. М. Россия и ее культура в XVII столетии // Очерки русской культуры XVII в. — М., 1979. — Ч. 1. — С. 7.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 385.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Зинин А. А. История России XXI в. ... — С. 319—320.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 21, 60.
- ⁴² Там же. — Т. 1. — С. 94.
- ⁴³ Там же. — Т. 3. — С. 22.
- ⁴⁴ Там же. — С. 60.
- ⁴⁵ Там же. — С. 21.
- ⁴⁶ Там же. — Т. 24. — С. 144.
- ⁴⁷ Там же. — Т. 4. — С. 251—252.
- ⁴⁸ См.: Там же. — Т. 20. — С. 121.
- ⁴⁹ Там же. — С. 187.
- ⁵⁰ Там же. — Т. 47. — С. 346.
- ⁵¹ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. — М., 1969.
- ⁵² См.: Копальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XIX века: Опыт количественного анализа. — М., 1974.
- ⁵³ См.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967; Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. — М., 1970; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма... и др.
- ⁵⁴ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. — С. 120.
- ⁵⁵ См.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972.
- ⁵⁶ См.: Копальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX в.: Опыт количественного анализа. — М., 1974.
- ⁵⁷ Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Л., 1981.
- ⁵⁸ Черешин Л. В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. — 1975. — № 1. — С. 71.
- ⁵⁹ См.: Нечкина М. В. К итогам дискуссии о «исходящей» и «входящей» стадиях феодализма // Вопр. истории. — 1963. — № 12.
- ⁶⁰ Буганов В. И., Преображенский А. А. Некоторые проблемы истории России XVII—XVIII вв. в освещении современной советской историографии // Новое в исторической науке. — М., 1984. — С. 19—38.
- ⁶¹ См.: Черешин Л. В. Обращение Русского централизованного государства в XIV—XV веках. — М., 1960; Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. — М., 1976; Колес-

ников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. — Вологда, 1976; Сербина К. Н. Крестьянская сельскохозяйственная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в. — Л., 1978; Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Выходящее производство. — М., 1979; Пономарев А. М. Промышленность России в XVIII в. (К вопросу о генезисе капитализма). — Ярославль, 1980; Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.). — Новосибирск, 1982; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. — М., 1983; Феодализм в России. — М., 1985; и др.

⁶² Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма... — С. 201.

2. Торгово-транспортные пути в Сибирь, по Сибири и в сопредельные страны и динамика торгового движения по ним

- ¹ Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 1. — С. 72—160.
- ² Там же. — С. 72.
- ³ Там же. — С. 72—73.
- ⁴ Там же. — С. 73.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. — С. 84—86.
- ⁷ Там же. — С. 86—87.
- ⁸ Кудрявцева М. А. Торговля Березова в середине XVII в. — С. 28. — (Дипломная работа, выполненная в 1974 г. в НГУ); ЦГАДА СПб, ф. 227, 377.
- ⁹ ЦГАДА СПб, кн. 44, л. 1—998.
- ¹⁰ Там же, кн. 547, л. 31—32.
- ¹¹ Там же, кн. 44, 348, 433, 540, 547.
- ¹² Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 94.
- ¹³ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судоходство в донетровской России. — Казань, 1909. — Вып. XVI. — С. 193—194; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 94.
- ¹⁴ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 95.
- ¹⁵ Там же. — С. 105; Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. — Ирбит, 1872. — С. 9—11.
- ¹⁶ О награждении города Ирбита Свердловской области орденом Трудового Красного Знамени в связи с 350-летием со времени основания: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Правда. — 1981. — 2 сент.
- ¹⁷ Хитров А. К истории Ирбита... — С. 9—11; Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.: Л., 1941. — С. 16—75, 77—78, 455, 473; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 47—48.
- ¹⁸ Когда мы говорим «вышло из Тобольска на Русь», то имеем в виду обратное движение людей по Верхотурской дороге в сторону Руси, при котором многие не вышли на Русь, а остались в Сибири (сибиряки).
- ¹⁹ Вилков О. Н. «Русские» товары на тобольском рынке в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — С. 63—65; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 346—349; Он же. Промыс-

- ловая колонизация Сибири в XVII в. — Красноярск, 1974. — С. 206, 212—213.
- ²⁰ Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР. — 1974. — № 6. — С. 36—57; Он же. Ирбитская слобода в XVII в. // Вопр. истории Сибири. — Томск, 1982. — Вып. 11. — С. 5—10; Он же. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). — Хабаровск, 1984. — С. 163—174.
- ²¹ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 540, 547 (тобольские) и 558 (верхотурские).
- ²² Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 109—110.
- ²³ Там же. — С. 110.
- ²⁴ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 540, 547.
- ²⁵ Книга Большому Чертежу/Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. — М.: Л., 1950. — С. 186.
- ²⁶ Титов А. Сибирь в XVII в.: Сб. старинных рукописей. — М., 1890. — С. 18.
- ²⁷ Интенсивность движения как по Пелымской, так и по всем местным дорогам вычислена на основании данных тобольских таможенных книг: 44 (1639/40), 348 (1655/56), 433 (1661/62), 533 (1668/69), 892 (1686/87), и в дальнейшем ссылки на них не даются.
- ²⁸ Как здесь, так и в дальнейшем будут приводиться товары только местного, сибирского производства (без «русских», калмыцких, бухарских, китайских, участвовавших в товарной мене Тобольск — Тобольский разряд). Данные взяты из таможенных приходных книг Тобольска (88 (1636/37), 44 (1639/40), 181 (1644/45), 752 и 231 (1647/48), 263 (1649/50), 301 (1652/53), 327 (1654/55), 348 (1655/56), 371 (1657/58), 412 и 410 (1659/60), 433 (1661/62), 490 (1665/66), 533 (1668/69), 540 (1669/70), 547 (1670/71), 562 (1671/72), 588 (1673/74), 611 (1675/76), 797 (1683/84), 892 (1686/87), 920 (1688/89), 989 (1690/91), 1078 (1694/95), 1118 (1696/97), 1200 (1698/99), 1202 (1698/99), 1206 (1700)). Верхотурья (232 (1647/48), 588 (1671/72), 1093 (1695/96)), Туринска (236 (1647/48), 632 (1671/72)), Тюмени (252 (1648/49), 579 (1672/73)), Березова (236 (1647/48), 377 (1655/56), 816 (1686/87), 1095 (1694/95)), Сургута (662 (1646/47), 227 (1647/48), 425 (1660/61)), Томска (251 (1648/49), 566 (1671/72)), Тары (234 (1647/48), 554 (1669/70), 362 (1674/75), 634 (1676/77), 673 (1677/78), 763 (1682/83), 814 (1684/85), 899 (1687/88), 949 (1688/89), 936 (1689/90), 936 (1694/95), 1127 (1696/97), 649 (1699/1700)).
- ²⁹ Книга Большому Чертежу. — С. 186—187.
- ³⁰ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 9—14, 18—19.
- ³¹ Там же. — С. 26—27, 42—43; Книга Большому Чертежу. — С. 187.
- ³² ЦГАДА, СП, стб. 1053, л. 593.
- ³³ Северный архив. — Сиб., 1825. — Ч. 18. — С. 119.
- ³⁴ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 26—27, 42—43; Книга Большому Чертежу. — С. 187.
- ³⁵ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 29; Книга Большому Чертежу. — С. 187.
- ³⁶ Книга Большому Чертежу. — С. 187.
- ³⁷ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 28, 43.
- ³⁸ ЦГАДА, СП, кн. 231, 288, 327, 348, 371, 752.
- ³⁹ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 14—15; Книга Большому Чертежу. — С. 187.
- ⁴⁰ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 14—15.
- ⁴¹ Там же. — С. 17, 50; Книга Большому Чертежу. — С. 187—188.
- ⁴² Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 115—119.

- ⁴³ Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 5.
- ⁴⁴ Бахрушин С. В. Науч. тр. — С. 298—299.
- ⁴⁵ Там же. — С. 119, 299.
- ⁴⁶ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, стб. 134, 143, л. 285—287.
- ⁴⁷ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 117—118.
- ⁴⁸ РИБ. — Т. II, № 254 (II). — Стб. 1055; Книга Большому Чертежу. — С. 188.
- ⁴⁹ РИБ. — Т. II, № 254 (II). — Стб. 1956; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 116.
- ⁵⁰ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 116.
- ⁵¹ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—998.
- ⁵² Книга Большому Чертежу. — С. 188; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 114—115.
- ⁵³ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—998.
- ⁵⁴ Там же, кн. 348, 433, 533, 540, 547.
- ⁵⁵ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 113—114; ЦГАДА, СП, кн. 44, 862.
- ⁵⁶ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. — Сиб., 1886. — Т. 2. — С. 10; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 114.
- ⁵⁷ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 533, 540.
- ⁵⁸ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. — Сиб., июль 1764. — С. 512—513; Бахрушин С. В. Очерки. ... — С. 114.
- ⁵⁹ Карта Сибири первой половины XVII в./Сост. К. Н. Сербина (Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.: Л., 1941. — Т. 2); Карта расселения народов Сибири в конце XVII в./Сост. Б. О. Долгих (Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2); Сказов В. Н. Русские землепроходцы XVII в. в Сибири. — М., 1951. — С. 160.
- ⁶⁰ ДАН. — Т. VIII, № 100; Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 30, 40, 46—47, 81—82; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 112—113; Путешествие через Сибирь от Тобольска до Норчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. — (Отд. оттиск). — Сиб., 1882. — С. 82 (далее — Путешествие Спафария в 1675 г.).
- ⁶¹ Книга Большому Чертежу. — С. 187; Идее Избрант и Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). — М., 1967. — С. 90, 100.
- ⁶² Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 113; Русско-китайские отношения в XVII в.: Матер. и док.: В 2-х т. — М., 1969. — Т. 1. — С. 463, 472.
- ⁶³ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 752, 231, 263, 348, 433, 533, 540.
- ⁶⁴ Там же, кн. 44, 348, 433, 533, 540, л. 51, 88 и др.; 892; Копылов А. В. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. — Новосибирск, 1965. — С. 234—238, 240, 245.
- ⁶⁵ Книга Большому Чертежу. ... — С. 187—188.
- ⁶⁶ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 533, 540.
- ⁶⁷ Там же, кн. 44, л. 124, 186, 972—975, 998.
- ⁶⁸ Там же, кн. 181, л. 1—654; кн. 752, л. 1—500.
- ⁶⁹ Там же, кн. 263, л. 1—505.
- ⁷⁰ Там же, кн. 348, л. 1—430.
- ⁷¹ Там же, кн. 433, л. 1—343.
- ⁷² Потанин Г. Н. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII в. // Вестн. имп. Рус. геогр. о-ва. — Сиб., 1859. — Т. 12, ч. 27: отд. II. — С. 140.
- ⁷³ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—989; кн. 348, л. 1—434; кн. 433,

- л. 1—327; кн. 533, л. 1—451; кн. 892, л. 1—257; Потанин Г. Н. Привоз и вывоз товаров... — С. 125—144.
- ⁷⁴ РИБ. — Т. II, № 213; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 124.
- ⁷⁵ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 120, 124.
- ⁷⁶ Финер Н. Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сибирской земли российским оружием. — Сиб., 1774. — С. 361; ЦГАДА, СП, кн. 26, л. 104, 280, 409; Бахрушин С. В. Очерки... — С. 299.
- ⁷⁷ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 124.
- ⁷⁸ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазейский морской ход. — Л., 1980. — Ч. I. — С. 117—121 (подсчеты мон. — О. В.).
- ⁷⁹ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 741, 750, 765, 768—770, 784, 820—821; кн. 562, л. 295; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазейский Морской ход. — М., 1981. — Ч. II. — С. 24—33; Визанов О. Н., Курсков Ю. В. Исследование о русском занятии западно-сибирском городе Мангазее // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. — Новосибирск, 1987. — С. 234—235.
- ⁸⁰ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 533, 892; кн. 540, л. 49.
- ⁸¹ ДАН. — Т. II, № 85; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 125; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. I. — С. 110.
- ⁸² ДАН. — Т. II, № 67, 89; Т. III, № 6; Т. VIII, № 100; Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 32, 52; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 122—124; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня... — С. 108.
- ⁸³ ДАН. — Т. II, № 85, 89 (I); Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 96—97; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 124.
- ⁸⁴ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — С. 101—108.
- ⁸⁵ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 125; Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 110.
- ⁸⁶ ДАН. — Т. II, № 58; Т. IV, № 5, 6, 7 (I), 47; Т. VI, № 136 (II); Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 32—34, 52—54, 110; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 132—133; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 125—126.
- ⁸⁷ ДАН. — Т. VI, № 136 (II); Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 136.
- ⁸⁸ ДАН. — Т. III, № 12, 92; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 135.
- ⁸⁹ ДАН. — Т. IV, № 81; Т. VI, № 136 (II); Памятники сибирской истории XVIII в. — Ч. II. — № 20, 115; Бахрушин С. В. Очерки... — С. 135—136; Шунков В. И. География хлебных цен Сибири XVII в. // Вопр. географии. — М., 1953. — Сб. 31. — С. 178.
- ⁹⁰ ДАН. — Т. III, № 28, 99, 50, 103; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 133, 164; ДАН. — Т. VI, № 136 (II); Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 33; ДАН. — Т. IV, № 66; Бахрушин С. В. Очерки... — С. 130.
- ⁹¹ ДАН. — Т. IV, № 136; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 164; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 131.
- ⁹² ДАН. — Т. VI, № 136; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 131.
- ⁹³ ДАН. — Т. III, № 12, 26; Т. IV, № 74 (XXIV); ЧОНДР. — М., 1861. — Кн. 1 (Смесь). — С. 1—4; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 131.
- ⁹⁴ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 165; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 131.
- ⁹⁵ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 132—133.
- ⁹⁶ Там же. — С. 134; ДАН. — Т. III, № 93, 112; Т. IV, № 21; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 126—127; Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 31, 47, 106; Финер Е. П. Сибирская история... — С. 565—566.
- ⁹⁷ Бахрушин С. В. Очерки... — С. 134—135; Шунков В. И. География хлебных цен... — С. 177.
- ⁹⁸ В 1611 г. тобольский воевода князь Иван Катырев-Ростовский приказал тюменскому воеводе Матвею Годунову послать тюменских служивых людей «на Тару подем, не займуй Тобольска» (Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — Прил. 100. — С. 222). В 1615 г. туринский воевода Петр Желабужский описал тюменскому воеводе Матвею Годунову, что «охлали де с Тюмени торговые люди верхоканцы Иванно Максимов с товарищами» и сказали ему, что «спиритал де с Тары мимо Тобольска на Тюмень тарский казан пестими про калмыцких людей» (Там же. — Прил. 115. — С. 231). 28 апреля 1629 г. в Памяти, выданной из Тобольска приказнику Нижновичинской слободы Остафью Михайлевскому, стояло: «А от Тарского города есть дорога степью, не займуй Тобольска, на Тюмень» (Там же. — Прил. 261. — С. 353).
- ⁹⁹ ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 533.
- ¹⁰⁰ Навигационный период для Иртыша существовал: в 1639/40 г. — с 22 апреля по 10 декабря (ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 42, 251), в 1655/56 г. — с 24 марта по 26 октября (Там же, кн. 433, л. 62, 222), в 1668/69 г. — с 27 апреля по 4 ноября (Там же, кн. 533, л. 60, 225), в 1669/70 г. — с 15 апреля по 18 октября (Там же, кн. 540, л. 97, 247). В остальное время использовалась санная дорога.
- ¹⁰¹ Временем обычного появления в Тобольске бухарских караванов были октябрь и ноябрь, когда их приходило около 40—45 % всего годового прихода. Подробно об этом см. в очерке 4.
- ¹⁰² Иртышская ярмарка открывалась около 6 января.
- ¹⁰³ Потанин Н. Г. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVII столетии // ЧОНДР. — М., 1868. — Кн. 2: Смесь. — С. 62.
- ¹⁰⁴ Бахрушин С. В. Народы Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока // Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. — М., 1953. — Ч. 2. — С. 463; Он же. Очерки... — С. 93; Чернецов В. И., Мошинский В. И. В поисках древней родины угорских племен // По следам культур: От Волги до Тихого океана. — М., 1954. — С. 181, 191.
- ¹⁰⁵ Бахрушин С. В. Очерки... — С. 94—96; Бадер О. П., Смирнов А. П. Серебро казахское первых веков нашей эры. — М., 1954. — С. 1—28; По следам древних культур... — С. 12, 40, 59, 63, 110, 151, 153, 173, 181, 191.
- ¹⁰⁶ Бадер О. П., Смирнов А. П. Серебро казахское... — С. 23; Очерки истории СССР... — Ч. I. — С. 481—484; ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—989; МИУТ СССР. — Л., 1932. — С. 61—88.
- ¹⁰⁷ Очерки по истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. — Ч. I. — С. 144, 197, 718, 720; По следам древних культур... — С. 61—63; История культуры Древней Руси. (Домонгольский период. — Т. I: Материальная культура). — М., 1948. — Т. I. — С. 340; Международные связи России до XVII в. — М., 1961. — С. 51—56, 58—60, 62; История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1966. — Т. I. — С. 474; Города Поволжья в средние века. — М., 1974. — С. 6—8, 13.
- ¹⁰⁸ Очерки по истории СССР... — Ч. I. — С. 263—264; История СССР... — Т. I. — С. 436.

¹⁰⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — Прил. № 46, 147, 205, 183, 191, 115, 194, 201, 370, 382, 367, 412, 427; МНУТТССР. — С. 61—66.

¹¹⁰ Расспросные речи возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скабина с товарищами в Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию // МНУТТССР. — С. 263—264.

¹¹¹ МНУТТССР. — Док. 113. — С. 263—267.

¹¹² Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарой в XVIII столетии // ЧОНДР. — М., 1866. — Кн. 2. — С. 38—43.

¹¹³ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. (Рассказ Н. Потанина и статейный список Ф. Н. Байкова). — М., 1966. — С. 88—92, 113—157; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. — М., 1980. — С. 81.

¹¹⁴ Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Учен. зап. МГУ. — М., 1940. — Вып. 41. История. — Т. 1. — С. 3—34; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 220; Мясников В. С. Империя Цин... — С. 86—90.

¹¹⁵ Русско-китайские отношения... — Т. I (1608—1683). — С. 252.

¹¹⁶ Там же. — С. 250.

¹¹⁷ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае... — С. 101—102.

¹¹⁸ Миллер Г. Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. — Сиб., 1755, июль. — С. 15—57, 120—147; Лебедев Д. М. География в России в XVII в. — М.; Л., 1949. — С. 121—126, 165; Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. — М., 1954. — С. 3—44; Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1953. — Т. 21. — С. 209.

¹¹⁹ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 113—157; Русско-китайские отношения... — Т. I. — С. 169—192.

¹²⁰ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае... — С. 92; Мясников В. С. Империя Цин... — С. 93; Юхт А. И. Индийская колония в Астрахани // Вопр. истории. — 1957. — № 3. — С. 135—143; Он же. Русско-восточная торговля в XVII—XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // История СССР. — 1978. — № 6. — С. 42—59; Он же. Торговые связи России со странами Востока в 20—40-е гг. XVII в. // Историческая география России XVIII в. — М., 1981. — Ч. I. — С. 90—145; Голыкова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. — М., 1982. — С. 159—208.

¹²¹ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 91, 113—116, 146—150, 104—105; Курц Б. Г. Торговля России с Китаем в XVII в. // Новый Восток. — 1928. — № 23—24. — С. 333.

¹²² Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. — Сиб., 1755, июль. — С. 15—17.

¹²³ Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 5.

¹²⁴ Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1953. — Т. 21. — С. 209.

¹²⁵ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 116; Курц Б. Г. Сочинения Вильбурга о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 206; Он же. Русско-китайские отношения в XVI, XVII, XVIII вв. — Харьков, 1929. — С. 34; Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нер-

чинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Зап. РГО. Отдел этнографии. — Сиб., 1882. — Вып. 1, т. 10. — С. 19; Лебедев Д. М. География в России... — С. 163.

¹²⁶ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 116—119.

¹²⁷ Семенов П. Н., Потанин Г. Н. Маршрут Ф. Н. Байкова // Риттер К. Землеведение Азии. — Сиб., 1877. — Т. IV. (Дополнения к III тому, составленные П. Н. Семеновым и Г. Н. Потаниным). — С. 220; Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 32; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 151.

¹²⁸ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 119.

¹²⁹ Семенов П. Н., Потанин Г. Н. Маршрут Ф. Н. Байкова... — С. 214—215; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1964. — С. 151.

¹³⁰ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 119—120.

¹³¹ Семенов П. Н., Потанин Г. Н. Маршрут Ф. Н. Байкова. — С. 216—228.

¹³² Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 120, 152.

¹³³ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — Прил. № 382. — С. 450—460; Финшер Н. Е. Сибирская история... — С. 439, 446, 454; Риттер К. Землеведение Азии. — Т. IV. — С. 218—226.

¹³⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — Прил. № 147, 382.

¹³⁵ Там же. — С. 459. — Прил. № 382.

¹³⁶ Риттер К. Землеведение Азии. — Т. IV. — С. 218—226.

¹³⁷ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 120.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 44.

¹⁴⁰ Сосновский. Отчет Тулуи-Тохайской экспедиции // Зап. РГО по общей географии. — Сиб., 1864. — Т. 5. — С. 221; Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 32—33; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 152—153.

¹⁴¹ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 120, 153; Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Сов. востоковедение. — М., 1949. — С. 83.

¹⁴² Лебедев Д. М. География в России... — С. 163; Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 31—34.

¹⁴³ Потанин Г. Н., Семенов П. Н. Маршрут Ф. Н. Байкова... — С. 223—225; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 153.

¹⁴⁴ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 121.

¹⁴⁵ Потанин Г. Н., Семенов П. Н. Маршрут Ф. Н. Байкова... — С. 225. А. Г. Банников считает, что Саахей — это юго-восточный хребет Гобийского Алтая — Гурбан-Сайхан (Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 34); Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 121.

¹⁴⁶ Демидова Н. Я., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — С. 121—123.

¹⁴⁷ Там же. — С. 123.

- ¹⁴⁸ Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 33—38; Визков О. Н. Китайские товары на Тобольском рынке в XVII в. // История СССР. — 1958. — № 4. — С. 110—114; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае... — С. 123.
- ¹⁴⁹ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае... — С. 124—125.
- ¹⁵⁰ Там же. — С. 124.
- ¹⁵¹ Там же. — С. 125.
- ¹⁵² Там же. — С. 124—125.
- ¹⁵³ Кури Б. Г. Сочинения Князьбургера... — С. 206—212; Миллер Г. Ф. О первых русских путешественниках и посольствах в Китай... — С. 45—47.
- ¹⁵⁴ Демидов Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты... — С. 125.
- ¹⁵⁵ Кроме этого маршрута имеются и другие, а именно: Тобольск — Тара — Ямашено — Семипалатинск — оз. Зайсан — оз. Мерка-Куль — восточный склон Монгольского Алтая — Гоби — Алтай — Гоби — Гуйсуй — Калган — Пекин (Лебедев Д. М. География в России XVII в. ... — С. 169; Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 5) и Тобольск — Тара — Ямашено — Семипалатинск — р. Чар — р. Бугаз — город Чугучак — хр. Саура — Монгольский Алтай — Гоби — Гуйсуй — Калган — Пекин (Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд. — М. 1953. — Т. 24. — С. 209). Наибольшее расхождение между всеми этими маршрутами имеется на участке пути от Семипалатинска до Алтая.
- ¹⁵⁶ Другое время дает Н. Н. Бантыш-Каменский в своей книге «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г.» (Казань, 1882. — С. 10) — 11 месяцев и 7 дней. Но это время противоречит расчету, произведенному самим Ф. И. Байковым в его «статейном списке».
- ¹⁵⁷ Титов А. Сибирь в XVII в. — М., 1903. — С. 44—45; Книга Большому чертежу. — М.: Л., 1950. — С. 187.
- ¹⁵⁸ Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 77—78; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 25.
- ¹⁵⁹ Книга Большому чертежу. — С. 128; Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 79—82.
- ¹⁶⁰ Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // Изв. Отдел. русского языка и словесности Академии наук. — СПб., 1913. — Т. 18, кн. 4. — С. 257—304; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 187—189; Банников А. Г. Первые русские путешествия... — С. 5—28; Лебедев Д. М. География в России... — С. 114—120; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты... — С. 11—83.
- ¹⁶¹ Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 79—82.
- ¹⁶² Там же. — С. 36, 39—54.
- ¹⁶³ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 25.
- ¹⁶⁴ Кури Б. Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII, XVIII вв. ... — С. 37; Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 1. — С. 228; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. Вторая половина XVII в. — Хабаровск, 1984. — С. 111.
- ¹⁶⁵ Миллер Г. Ф. О сибирских торгах // Ежемесячные сочинения Академии наук. — СПб., 1755. — № 9; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 112.
- ¹⁶⁶ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 166, 169—170; Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 79—82; Шунков В. Н. География хлебных
- цен в Сибири в XVII в. // Вопр. географии. — Сб. 31. — М., 1953. — С. 176—177.
- ¹⁶⁷ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 134—135; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 169—170.
- ¹⁶⁸ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 170.
- ¹⁶⁹ ПСЗ. — 1-е собр. — Т. 3, № 654. — С. 504. В силу этого получилось, что проезд в 1692/93 г. из Китая на Русь через Тобольск 259 торговых людей был зарегистрирован не в Тобольске, а в Верхотурье (Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 108; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР. — 1974. — № 6. — С. 36—57; Он же. Ирбитская слобода в XVII в. // Вопросы истории Сибири. — Вып. II: Из истории крестьянства Сибири. — Томск, 1982. — С. 5—10; Юхт А. И. Проекты В. Н. Татищева 1721—1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири // История и историки: Историкографический ежегодник 1971 г. — М., 1973. — С. 293—330).
- ¹⁷⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.: Л., 1937. — Т. 1. — С. 360; ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 3—5; Финер И. Сибирская история... — С. 179—180.
- ¹⁷¹ ДРВ. — 2-е изд. — СПб., 1788. — Ч. 3. — С. 117.
- ¹⁷² ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 806б.
- ¹⁷³ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.: Л., 1941. — Т. 2. — Прил. № 100. — С. 221—222.
- ¹⁷⁴ Там же. — Прил. № 117—118; РИБ. — Т. II. — Стб. 140.
- ¹⁷⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — С. 34—35.
- ¹⁷⁶ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа... — Ч. 3. — С. 216; Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — Прил. № 115.
- ¹⁷⁷ Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 75; ЦГАДА, СП, кн. 6, л. 279; стб. 81, л. 515; стб. 354, 355; РИБ. — Т. VIII, № 11 (VII); Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 2. — С. 270.
- ¹⁷⁸ Тяжелые дощаники длиной от 9 до 11 сажан и шириною 3 и меньше сажани поднимали «полный груз по 2000 пудов и больше, с которым они же в глубину на 1 1/2 аршина ходят» (Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения Академии наук. — СПб., 1755. — № 12. — С. 227; Кабо Р. М. Города Западной Сибири. — М., 1949. — С. 121).
- ¹⁷⁹ ЦГАДА, СП, кн. 6, л. 279, 621—622; кн. 44, л. 702—707; кн. 348, л. 313—314; кн. 433, л. 281—284, 290—292; кн. 533, л. 385—389; кн. 540, л. 422—423, 466—467; кн. 547, л. 628—643; РИБ. — Т. VIII. — Стб. 419; Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 43; Титов А. Сибирь в XVII в. ... — С. 184—187; Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1886. — Кн. 1—2. — С. 110.
- ¹⁸⁰ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 43.
- ¹⁸¹ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 181, 263, 348, 371, 533, 540, 547, 752, 892, 989, 1078, 1368; Титов А. Сибирь в XVII в. — С. 74—75, 86—87; Исторический архив. — 1936. — Т. 1. — С. 169—170.
- ¹⁸² ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 233—243; Оглоблин Н. Н. Бытовые черты начала XVIII в. // ЧОИДР. — М., 1904. — Кн. 1: Смесь. — С. 6.
- ¹⁸³ Путешествие Спафария в 1675 г. — С. 43.
- ¹⁸⁴ Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. — Ирбит, 1872. — С. 20. Впрочем, Р. М. Кабо считает, что Ирбитская ярмарка открылась в 1633 г., сразу после основания Ирбитской слободы (Кабо Р. М. Города Западной Сибири. — М., 1949. — С. 119, 170), а П. А. Словоцов называет дату «около 1655 г.» (Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири... — С. 105).

¹⁸⁸ Хитров А. К истории Ирбита... — С. 20; Кабо Р. М. Города Западной Сибири... — С. 119; Юхт А. И. Проекты В. Н. Татищева 1721—1726 гг. — С. 302.

¹⁸⁹ О продолжительности Ирбитской ярмарки в исторической литературе нет единого мнения. Проезжавший через Верхотурье в 1733 г. Г. Ф. Миллер отметил, что «в Верхотурском уезде находится Ирбитская слобода, где около половины января бывает великая ярмарка и продолжается три недели» (Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих... — 1755 г., сентябрь. — С. 210). Пребывавший в 1791 г. в Тобольске А. Н. Радищев писал, что «сего 10 марта окончилась славная по всей Сибири Ирбитская ярмарка» (Радищев А. Н. Избр. соч. — М.; Л., 1949. — С. 536). Сибирский историк П. А. Слонов полагал, что Ирбитская ярмарка, открывавшаяся около 6 января, продолжалась до 23 марта (Слонов П. А. Историческое обозрение Сибири. — Изд. Сибирякова, 1889. — Кн. 2. — С. 268). Н. А. Алексеева, комментирующая «Письма из сибирской ссылки» А. Н. Радищева, писала: «Ирбитская ярмарка, существовавшая еще с XV—XVI вв. и получившая в 1643 г. официальное утверждение и название „Ирбитской“ от г. Ирбита, обычно происходила между 25 января и 1 марта» (Радищев А. Н. Избр. соч. — М.; Л., 1949. — Примеч. к «Письму № 7». — С. 801). А. И. Юхт, ссылаясь на официальные документы, связанные с открытием Екатеринбургской ярмарки, пишет, что «Берг-коллегии послала указ В. И. Генину, который был назначен в 1722 г. вместо Татищева, чтобы он составил вопрос о начале и продолжительности Екатеринбургской ярмарки с сибирским губернатором. Генин предложил начинать ярмарку в Екатеринбурге сугиет месяц после Ирбитской, т. е. 2 февраля каждого года» (Юхт А. И. Проекты В. Н. Татищева... — С. 302). Г. Н. Потанин, обосновывая срок Ирбитской ярмарки, писал: «Караваны (бухарские. — О. В.) приходили на Иртыш почти всегда осенью, в августе, в сентябре, иногда в декабре, но иногда в июле. В Ирбит они поселились поэтому не ранее Генваря и Феврала, что, вероятно, и обусловило сохранившийся доныне (т. е. до XIX в. — О. В.) зимний срок Ирбитской ярмарки» (Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии... — С. 42).

¹⁹⁰ Эйгер Н. Сведения об учреждении г. Ирбита и Ирбитской ярмарки и о развитии на ней торговли // Пермский сборник. — М., 1860. — Кн. 2, отд. 3. — С. 1—17; Хитров А. К истории Ирбита... — С. 11—14; Юхт А. И. Проекты В. Н. Татищева... — С. 293—330; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки... — С. 36—40; Вилков О. Н., Резун Д. Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1981. — С. 11—34.

¹⁹¹ Юхт А. И. Проекты В. Н. Татищева... — С. 300—301 (подсчеты по регионам сделаны нами).

¹⁹² Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки... — С. 40; Курилов В. Н. Новые данные о промышленном развитии Тюмени к концу XVII — началу XVIII в. // Бахрушинские чтения 1971 г. — Новосибирск, 1971. — С. 22.

¹⁹³ Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки... — С. 44. Полагая, что с политико-экономической точки зрения употребление В. А. Александровым термина (понятия) «ремесленные товары» является совершенно неправомерным, ибо «продукт труда ремесленника, — как считал Ленин, — не появляется на рынке, почти не выходит из области натурального хозяйства», но сам «ремесленник появляется на рынке, хотя и не с тем продуктом, который он производит... Естест-

ственно, — продолжает далее В. И. Ленин, — что, приди раз в соприкосновение с рынком, он переходит со временем и к производству на рынок, т. е. делается товаропроизводителем. Переход этот совершается постепенно, сначала в виде опыта: продаются продукты, случайно оставшиеся на руках или изготовленные в свободное время» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 331). Если В. А. Александров под термином «ремесленные товары» имеет именно этот последний случай, когда ремесленник находится в стадии перехода от работы на заказ к работе на рынок, то это следовало бы оговорить. Иначе получается, что В. А. Александров смешивает в одном термине два совершенно разнородных по своему общественно-хозяйственному значению типа промышленников — ремесленника и товаропроизводителя.

¹⁹⁴ Там же... — С. 39—55.

¹⁹⁵ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 108.

¹⁹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. 2. — Прил. № 188, 191, 204, 206, 219, 299, 448.

¹⁹⁷ П. А. Слонов по этому поводу писал: «Тобольское воеводство... успешно испросят в 1661 г. постановление, чтобы без ведома тобольского начальства подведомые воеводству не имели права ни выступить в поход, ни принимать посланников, обыкновенно приезжавших с караванами. Из этого вышел другой оборот, что и караванам надлежало приходить в Тобольск, в предсуженные приезного торга Тары и Тюмени и возмездную выгоду Тобольска» (Слонов П. А. Историческое обозрение Сибири. — С. 67). То есть Слонов начало мероприятий тобольской администрации по сосредоточению всей бухарской караванной торговли только в одном Тобольске склонен отнести к 1661 г. Мы же считаем, что они начались значительно раньше и с переменным успехом продолжались и после 1661 г. Так, в 1742 г. тобольское купечество снова подало в губернскую канцелярию прошение о недопуске бухарских купцов в Ирбит, так как пропуск этих купцов в Ирбит подрывал интерес тобольских торговцев. Тобольские купцы предлагали сделать так, чтобы бухарские купцы продавали свои товары сибирским купцам и покупали от них товары только на ярмарках иностранных форпостов, т. е. в Ишимевском и Семипалатинском укреплениях (Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири. — Томск, 1887. — Т. 3. — С. 142).

¹⁹⁸ Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. // МНУТ СССР. — Вып. 3, ч. 1. — Л., 1932. — С. 86.

¹⁹⁹ Титов А. А. Сибирь... — С. 29, 44.

²⁰⁰ ЦГАДА, СП, кн. 231; ДАН. — Сиб., 1867. — Т. 10. — С. 385—390.

²⁰¹ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII в. — М., 1987. — С. 30—31, 33, 36.

²⁰² Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 87.

²⁰³ Вилков О. Н. Ремесло и торговля... — С. 283—287.

²⁰⁴ Там же. — С. 211.

²⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 20.

3. Сибирская таможенная система и торгово-промышленные функции города

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 15.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 153—154.

- ² Ковалев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. — Л., 1978. — С. 4—5; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. — М., 1980. — С. 7—10.
- ³ Бахрушин С. В. Город в России // Большая Советская Энциклопедия. — 1-е изд. — М., 1930. — Т. 18. — Стб. 60—85; Он же. Город // Сибирская Советская Энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — С. 702—703; Кабо Р. М. Города Западной Сибири. — М., 1949. — С. 3—48; Нофа Л. Е. Города Урала. — М., 1951. — Ч. 1. — С. 3—50; Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири. — Иркутск, 1959. — С. 3—31; Сергеев В. И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1962; Он же. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестн. истории мировой культуры. — 1960. — № 3. — С. 113—124; Города феодальной России. — М., 1966. — С. 3—6, 178—206, 271—297, 333—349, 397—416, 506—511; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 253—285; Вилков О. Н. Социальная структура сибирского города XVII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1970. — Вып. 2, № 6. — С. 32—36; Он же. К характеристике городов Восточной Сибири в XVIII в. // Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVII — нач. XX в. — Новосибирск, 1972. — С. 36—49. (Бахрушинские чтения 1971 г.; Вып. 2); Он же. Тобольск — торгово-ремесленный центр Сибири в XVII в. // Материалы науч. конф., посв. 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 32—41; Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. — Новосибирск, 1974. — С. 3—297; История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск, 1977. — С. 3—301; Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 3—333; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978. — С. 4—15, 171—256; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. — М., 1978. — С. 5—188; Перчик Е. И. Город в Сибири. — М., 1980. — С. 72—172; Сибирские города XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1981. — С. 3—218; Реаун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII в. — Новосибирск, 1982. — С. 3—219; Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1983. — С. 3—178; Феодализм в России: Юбилейные чтения, посв. 80-летию со дня рожд. академика Льва Владимировича Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 30 октября. — 1 ноября 1985 г. — М., 1985. — С. 117—178.
- ⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.: Л., 1937. — Т. 1. — С. 270, 273—275, 281, 284, 287, 305, 308; 1941. — Т. 2. — С. 21—22.
- ⁵ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // Краткие сообщ. Ин-та материальной культуры. — М., 1955. — Вып. 50. — С. 11—20; Оборин В. А. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV—XVII в. (на примере Урала) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII — начале XIX в. — Томск, 1978. — С. 126; Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 349, 356, 376; Иванова В. И. Возникновение Якутска и его роль в социально-экономическом развитии края // Города феодальной России. — С. 344; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 66.
- ⁶ Белов М. П., Овсешников О. В., Старков В. Ф. Мангазейский морской ход. — Л., 1980. — Ч. 1. — С. 30—34; Миллер Г. Ф.

- История Сибири. — Т. 1. — С. 289—290; Т. 2. — С. 44, 50—55, 340; Кудрявцев Ф. А., Вендрик Г. А. Иркутск: Очерки по истории города. — Иркутск, 1958. — С. 12—13; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья... — С. 64—88; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 36—37; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. — Новосибирск, 1965. — С. 22—23; Город у Красного Яра: Док. и материалы по истории Красноярска XVII—XVIII вв. — Красноярск, 1981. — С. 25—30; Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1959. — Т. 4. — С. 13—22; Колесников А. Д. Из истории заселения Среднего Прииртышья // Изв. Омск. отд. Геогр. о-ва СССР. — Омск, 1963. — Вып. 5(12). — С. 137—140; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии... — С. 185—186.
- ⁷ Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. — М., 1955. — С. 198—199; Алферова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII вв. // Вопр. истории. — 1977. — № 7. — С. 50—66; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 68—255; Он же. К характеристике сибирского города XVII в. // Города феодальной России. — С. 334—335; Оборин В. А. Некоторые особенности формирования и развития городов... — С. 121—143; Волдарский Я. Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. // Русское население Поморья в Сибири. (Период феодализма). — М., 1973. — С. 200—204; Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1959. — Т. 4. — С. 114—151; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 3—323; Он же. К вопросу о внутренней торговле Сибири XVII в. (по материалам тобольской таможи) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1971. — Вып. 3, № 11. — С. 87—94; Он же. Тобольский посад XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XX вв.). — Новосибирск, 1968. — С. 41—58; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972. — С. 212—320; Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.). — Новосибирск, 1982. — С. 3—73, 125—131; Никитин Н. П. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. — Новосибирск, 1988. — С. 3—25, 141—193; Емелянов Н. П. К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // История СССР. — 1981. — № 4. — С. 80.
- ⁸ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. — Омск, 1973. — С. 331; Кабузан В. М. Намещение в размещении населения в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1971. — С. 86—70; Очерки истории СССР. XVIII в. Первая четверть. — М., 1954. — С. 214; Устюгов Н. В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 169—172; Вилков О. Н. Тобольский посад... — С. 58; Кудрявцев В. И. Социальная структура населения сибирского города в XVII в. (по материалам Тюмени) // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. — Новосибирск, 1976. — С. 35; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974. — С. 3—251; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 86—89; История Сибири... — Т. 2. — С. 138—178, 312—322; Чистикова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. — Воронеж, 1975. — С. 203—235; Реаун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города... — С. 58—180; Емелянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. — Томск, 1982. — Ч. 2. — С. 137—235.
- ⁹ Сергеев В. И. Основание городов Западной Сибири... — С. 3—16; Кабузан В. М. Намещение в размещении населения... — С. 62—70; Оглы Б. И. Строительство городов Сибири. — Л., 1980. — С. 10—

28; Оберин В. А. Некоторые особенности формирования и развития городов... — С. 121—143.

¹¹ Миронов Б. Н. Американская буржуазная историография русского феодального города // *Вопр. истории*. — 1984. — № 7. — С. 31.

¹² Оглобин Н. Н. Обзорные столбцы в книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). — М., 1900. — Ч. 2. — С. 20—29; Кизеветтер А. А. Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник // *Сб. ст. посв. В. О. Ключевскому*. — М., 1909. — С. 77—120; Базилевич К. В. Таможенные книги как источник экономической истории России // *Проблемы источниковедения*. — М.; Л., 1936. — Сб. II. — С. 71—89; Митлев К. Г. К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в. (Смоленские таможенные книги) // *Тр. ист.-архив. ин-та*. — М., 1948. — Т. 4. — С. 283—300; Мерзон А. П. Рынок Устюга Великого во второй четверти XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1948. — С. 1—90; Он же. Таможенные книги XVII в. // *Учеб. пособие по источниковедению истории СССР*. — М., 1957. — С. 3—67; Он же. Устюжские таможенные книги XVII в. // *Проблемы источниковедения*. — М., 1958. — Сб. VI. — С. 67—129; Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60-х годов XVII в. // *Ист. зап.* — М., 1959. — Т. 53. — С. 258—290; Александров В. А., Чистякова Е. В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // *Вопр. истории*. — 1959. — № 2. — С. 132—143; Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // *Русское государство в XVII в.: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни*. — М., 1961. — С. 73—78; Он же. Условная оценка товаров в сибирских таможенных в XVII в. // *Вопр. социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России*. — М., 1961. — С. 73—78; Он же. Из истории таможенного дела в Сибири // *Археологический ежегодник за 1964 г.* — М., 1965. — С. 350—370; Александров В. А. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII — начало XVIII в.) // *Сов. этнография*. — 1978. — № 3. — С. 131—138; Леонтьев В. М. Березовская таможенная книга 1646/47 г. как исторический источник // *Источниковедение городов Сибири*. — С. 66—76; Он же. Таможенные приходные книги Березова как источник по истории торговли города (по материалам книг 79 (1635/36 г.), 227 (1646/47 г.), 542 (1667/68 г.)) // *Торговля Сибири конца XVI — начала XX в.* — Новосибирск, 1987. — С. 27—40; Башкатова З. В. Советская литература о сибирских таможенных книгах как историческом источнике // *Источниковедение городов Сибири*. — С. 27—42.

¹³ Вилков О. Н. «Русские» товары на тобольском рынке в XVII в. // *Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.* — Новосибирск, 1965. — С. 40—111; Он же. К вопросу о внутренней торговле Сибири XVII в. — С. 87—94; Он же. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 82, 167, 179, 198, 216—217, 306—307, 310—311, 384—385; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 225—227, 233, 280—294; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 230—247; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 105—106, 126—129, 144—146, 296—306, 321—345; Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торговля на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1980. — С. 96—98; Белов М. Н., Овсепьян О. В., Старков В. Ф. Мангазей... — Ч. II. — С. 90—92; Александров В. А. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. // *О первоначальном накоплении в России XVI—XVIII вв.* — М., 1968. — С. 438—451; Кашик О. Н. Торговля в Восточной Сибири

в XVII — начале XVIII в. // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. — Новосибирск, 1981. — С. 191—198; Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. — Иркутск, 1947. — С. 3, 39—40; История Сибири... — Т. 2. — С. 277; Вилков О. Н. К истории Кяхты в XVIII в. // *Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук*. — 1972. — Вып. 2, № 6. — С. 41—47; и др.

¹⁴ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—989; кн. 181, л. 1—855, 752; кн. 231, л. 1—656; кн. 263, л. 1—605; кн. 348, л. 1—434; кн. 433, л. 1—327; кн. 533, л. 1—451; кн. 540, л. 1—442; кн. 547, л. 1—456; кн. 989, л. 1—200; кн. 892, л. 1—257; кн. 1078, л. 1—225; кн. 1368, л. 1—235; Вилков О. Н. «Русские» товары... — С. 40—43; Он же. Состав яванцев слободского хлеба в Тобольск в 30—90-е годы XVII в. // *Вопросы истории Сибири дореволюционного периода*. — Новосибирск, 1973. — С. 77—98. — (Бахрушинские чтения, 1969).

¹⁵ Вилков О. Н. Роль Тобольска на начальной стадии формирования всероссийского рынка // *Роль Тобольска в освоении Сибири*. — Тобольск, 1987. — С. 83—85.

¹⁶ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 25—82; Наш край в документах и иллюстрациях. — Свердловск, 1966. — С. 89; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. — М., 1965. — С. 67—68, 117; Копылов С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII в. — Новосибирск, 1979. — С. 26—46, 86—108.

¹⁷ Наш край... — С. 90, 96—98; ГИПРО, Эрмитажное собрание, № 237, л. 43; Гольденберг Л. А. О первом историке Сибири // *Русское население Поморья и Сибири*. — М., 1973. — С. 227; Водарский Н. Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. // Там же. — С. 197; Голодников К. Тобольск и его окрестности. — Тобольск, 1887. — С. 54.

¹⁸ Вилков О. Н. Тобольск — центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в. // *Русское население Поморья и Сибири*. — М., 1973. — С. 169—170; ЦГАДА, СП, кн. 3, 1161; Никитин Н. Н. Служилые люди... — С. 165.

¹⁹ Описание путешествия в Сибирь и далее в различные местности страны иностранца в XVII в. // *Исторический архив*. — М., 1936. — Вып. 1. — С. 163—164.

²⁰ Квещинская Т. Е. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // *История городов Сибири*. — С. 98.

²¹ Никитин Н. Н. Служилые люди... — С. 165.

²² Курилов В. Н. Сельскохозяйственный сектор в анонимные Тюмени в XVII в. // *Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири*. — Новосибирск, 1972. — С. 25.

²³ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 115—116; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия... — С. 127.

²⁴ Копылов А. Н. К характеристике сибирского города... — С. 341. Эта цифра (251 чел.) определена нами на основании процентного соотношения между городскими (42,7 %) и сельскими (57,3 %) жителями Енисейского посада в 1719 г. (см.: Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 95) и общим их числом в 1703 г. — 587 чел. городских и деревенских енисейских посадских людей (см.: Шунков В. И. Очерки по истории земледелия... — С. 126); 42,7 % от 587 чел. будут составлять около 251 чел.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 20.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 21.

²⁷ Там же. — С. 58.

²⁸ Там же. — С. 328—331.

²⁰ ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 1—180.

²¹ Там же, кн. 328, л. 1—44; **Тобольск: Материалы для истории города XVII—XVIII столетий.** — М., 1985. — С. 1—42. Наши данные несколько расходятся с данными Н. И. Никитина (**Никитин Н. И. Торги и промыслы служилых людей Западной Сибири XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв.** — М., 1983. — С. 3—24).

²² **Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири.** — С. 35—36, 121, 163—164.

²³ **Вилков О. Н. Тобольский посад.** — С. 58; **Курилов В. Н. Социальная структура населения сибирского города.** — С. 35; **Копылов А. Н. Русские на Енисее.** — С. 118; **Кудряшнев Ф. А., Вендрик Г. А. Иркутск.** — Иркутск, 1971. — С. 71; **Колесников А. Д. Из истории заселения Среднего Прииртышья.** — С. 139; **Бахрушин С. В. Науч. тр.** — Т. 4. — С. 86—89; **Устинов Н. В. Научное наследие.** — М., 1974. — С. 169—172.

²⁴ **Заверская Е. Н. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // Вопр. истории.** — 1949, № 6. — С. 76; **Кислицкая Т. Е. Ремесла г. Верхотурья.** — С. 99; **Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазей.** — Ч. II. — С. 5—11; **Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в. // Ист. зап.** — М., 1957. — Т. 59. — С. 260; **Миненко Н. А. Северо-западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.** — Новосибирск, 1975. — С. 36—83; **Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.).** — Новосибирск, 1984. — С. 14—99; **Колесников А. Д. Из истории заселения Среднего Прииртышья.** — С. 137—151; **Он же. Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Изв. Омск. отд. Геогр. о-ва СССР.** — Омск, 1965. — Вып. 7(12). — С. 133—160; **Людизарская А. А. К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири.** — Новосибирск, 1972. — С. 3—14; **Бахрушин С. В. Науч. тр.** — Т. 4. — С. 114—136, 147—151; **Шеретобоев В. Н. Илимская пашня.** — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 37—60; **Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии.** — С. 49—66, 171—185; **Он же. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии.** — С. 94; **Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII — начале XVIII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма.** — С. 76—94; **Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири.** — С. 77; **Он же. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной советской историографии // Историография городов Сибири.** — С. 6—35; **Курилов В. Н. Социальная структура населения сибирского города.** — С. 28—39; **Он же. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма.** — С. 94—104; **Никитин Н. И. Торги и промыслы служилых людей.** — С. 3—21; **Он же. Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII в. // История СССР.** — 1980. — № 2. — С. 161—173; **Ионин А. Р. Торги и промыслы служилых людей Западной Сибири (XVIII в.) // Исторический опыт освоения Сибири: Межкузовский сб. науч. тр.** — Новосибирск, 1986. — С. 12—18; **Он же. Городное казачество Западной Сибири XVIII — начала XIX в. в работах советских историков // Научение Сибири в советскую эпоху.** — Новосибирск, 1987. — С. 116—126. (Бахрушинские чтения 1987 г.).

²⁵ **Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири.** —

С. 129, 133, 166, 182—185, 216—217, 300—302, 306—307, 310—311; **Он же. Состав ввозителей слободского хлеба.** — С. 78. В отличие от ранее опубликованного материала автором дан сейчас в суммированном виде удельный вес каждой из торговых групп в Тобольске категорий сибиряков и совокупной стоимости в каждой группе товаров за годы, указанные в тексте. Этого раньше сделано не было.

²⁶ См. их работы, названные в примечании 33.

²⁷ **Миллер Г. Ф. История Сибири.** — Т. 1. — С. 306; Т. 2. — С. 389; **Дмитриев А. А. Пермская старина.** — Пермь, 1897. — Вып. 7. — С. 46; **Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников.** — Харьков, 1889. — С. 20, 150, 163; **Тюмень в XVII в.: Сб. материалов для истории города.** — М., 1903. — С. 17—32; **ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 3, Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазей.** — Ч. I. — С. 60—72; **Кочеданов В. И. Первые русские города Сибири.** — 1978. — С. 61, 75—87, 117—121, 123; **Бояринов З. Я. Основание русского города на Томи // Томску 375 лет.** — Томск, 1979. — С. 18—19; **Белковец Л. П. Томск в известиях западноевропейских путешественников и ученых // Там же.** — С. 28; **Копылов А. Н. Русские на Енисее.** — С. 23; **Бахрушин С. В. Науч. тр.** — Т. 4. — С. 100—108; **Первое столетие Иркутска: Сб. материалов.** — Сиб., 1902. — С. 1—13; **Кудряшнев Ф. А., Вендрик Г. А. Иркутск.** — С. 17—18; **Шеретобоев В. Н. Илимская пашня.** — Т. 1. — С. 44—49; **Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII — начале XIX в.** — Якутск, 1957. — С. 3—55; **Он же. Русские промыслы и торги.** — С. 78; **Иванов В. Н. Возникновение Якутска и его роль в социально-экономическом развитии края // Города феодальной России.** — М., 1966. — С. 349. Утверждение Р. М. Кабо, будто бы «в Енисейске не было гостиницы двора» (см.: **Кабо Р. М. Города Западной Сибири.** — С. 121), опровергается данными источников и, в частности, исследованиями А. Н. Копылова (см.: **Копылов А. Н. Русские на Енисее.** — С. 23) и В. И. Кочеданова (см.: **Кочеданов В. И. Первые русские города Сибири.** — С. 117—121).

²⁸ ЦГАДА, СП, стб. 17, л. 48; ДАН. — Сиб., 1851. — Т. IV. — С. 358.

²⁹ ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 32—37.

³⁰ Там же, кн. 5, л. 20—21.

³¹ ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 34—38; кн. 3, л. 33; кн. 44, л. 976—982; **Тюмень в XVII столетии.** — С. 20; **Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазей.** — Ч. I. — С. 69—81; **Копылов А. Н. Русские на Енисее.** — С. 23; **Слюцов П. А. Историческое обозрение Сибири.** — Сиб., 1886. — Кн. 1. — С. 38.

³² ЦГАДА, СП, стб. 603, л. 97—101, кн. 547, л. 714, 725; **Поли. собр. ученых путешествий по России.** — Сиб. — Т. 6. — С. 307.

³³ В XVII в. в Тобольске было более десяти пожаров, в которых горели гостиницы двора (Северный архив. — 1826. — № 3. — С. 240).

³⁴ **Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих.** — Сиб., 1755. — № 9. — С. 203; **Поли. собр. ученых путешествий по России.** — Т. 6. — С. 397; **Голодников К. Тобольск и его окрестности.** — Тобольск, 1887. — С. 32; **Тобольск. губернии. ведомости.** — 1857. — № 14; **Копылова С. В. Каменное строительство.** — С. 28—34.

³⁵ **Бакланова Н. А. Постройка нового гостиницы двора в Москве в 1660—1665 гг. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню его семидесятилетия.** — М., 1952. — С. 193—195; **Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских.** — С. 209.

³⁶ ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 11; **Миллер Г. Ф. История Сибири.** — Т. 1. — С. 389.

- ⁴⁶ Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских... — Спб., 1756. — С. 12.
- ⁴⁷ ЦГАДА, СП, кн. 540, л. 1—442; кн. 892, л. 1—257; кн. 44, л. 9; кн. 348, л. 375; кн. 540, л. 214; ДАН. — Спб., 1853. — Т. IV. — С. 93; Тобольск, губери. ведомости. — 1857. — № 14.
- ⁴⁸ ЦГАДА, СП, кн. 603, л. 97—101.
- ⁴⁹ Там же, кн. 3, л. 33—38.
- ⁵⁰ Дмитриев А. А. Пермская старина. — Вып. VII, с. 46; Тюмень в XVII столетии. — С. 17—21; Буцинский П. Н. Заселение Сибири... — С. 150.
- ⁵¹ ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 33—38, 71, 73—74. Отметим попутно, что итоговые данные (324 дв.), подсчитанные переписчиками Дозорной книги 1624 г. по Тобольску, расходятся с нашими подсчетами (345 дв.) по ее же материалам.
- ⁵² Тюмень в XVII столетии. — С. 17—32.
- ⁵³ ЦГАДА, СП, стб. 67, л. 213.
- ⁵⁴ Там же, л. 214.
- ⁵⁵ Там же, кн. 328, л. 1—44.
- ⁵⁶ Там же, кн. 328, л. 1—44; кн. 44, л. 1—989; кн. 263, л. 1—605; кн. 433, л. 1—327.
- ⁵⁷ Там же, кн. 44, л. 1—989; кн. 348, л. 1—434; кн. 433, л. 1—327; кн. 533, л. 1—451; кн. 540, л. 1—442; кн. 547, л. 1—456.
- ⁵⁸ Там же, стб. 263, л. 484—485.
- ⁵⁹ Исторический архив. — Вып. I... — С. 169.
- ⁶⁰ Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки... — С. 38.
- ⁶¹ В 1624 г. на 29 казенных лавок приходилось 52 частных лавки. В 1639/40 г. при сохранении этого же соотношения (1:1,86) на 81 казенную лавку должна была приходиться как минимум 151 частная. ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—989; кн. 547, л. 1—456.
- ⁶² ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—989; кн. 547, л. 1—456.
- ⁶³ Там же, кн. 547, л. 1—456; стб. 603, л. 97—101.
- ⁶⁴ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 290.
- ⁶⁵ ЦГАДА, СП, кн. 1121, л. 20.
- ⁶⁶ Там же, кн. 1200, л. 185.
- ⁶⁷ Там же, кн. 88, л. 1—374; кн. 44, л. 1—989; кн. 181, л. 1—665; кн. 752 и 231, л. 1—665; кн. 263, л. 1—605; кн. 301, л. 1—212; кн. 327, л. 1—384; кн. 348, л. 1—434; кн. 371, л. 1—356; кн. 412, л. 1—180; кн. 410, л. 1—274; кн. 433, л. 1—327; кн. 490, л. 1—490; кн. 533, л. 1—451; кн. 540, л. 1—442; кн. 547, л. 1—456; кн. 588, л. 1—515; кн. 611, л. 1—304; кн. 892, л. 1—257; кн. 920, л. 1—226; кн. 989, л. 1—200; кн. 1078, л. 1—225; кн. 1118, л. 1—325; кн. 1200, л. 1—257; кн. 1202, л. 1—492; кн. 1368, л. 1—235.
- ⁶⁸ Подробнее см.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 81—220; Он же. Социальная структура сибирского города... — С. 32—38; Он же. Тобольск — административно-демографический, ремесленный и торговый центр Западной Сибири // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. — Ч. II. — Новосибирск, 1971. — С. 20—32; Никитин Н. И. Служилые люди... — С. 141—198.
- ⁶⁹ ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 34—36; Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири... — С. 332—333.
- ⁷⁰ ЦГАДА, СП, стб. 17, л. 60; стб. 62, л. 38.
- ⁷¹ Там же, стб. 62, л. 38—357; кн. 44, л. 1—989; кн. 181, л. 1—655; кн. 752 и 231, л. 1—656; кн. 273, л. 1—605; кн. 348, л. 1—434.
- ⁷² Там же, кн. 433, л. 1—332; кн. 533, л. 1—451; кн. 547, л. 1—456; кн. 797, л. 1—171; кн. 892, л. 1—257; кн. 989, л. 1—200; кн. 1161, л. 272.

- ⁷³ Там же, стб. 62, л. 5.
- ⁷⁴ Там же, стб. 62, л. 161, 164, 179, 204, 211, 216, 218.
- ⁷⁵ Там же, стб. 82, л. 300, 304, 356—357.
- ⁷⁶ Там же, кн. 181, л. 1—655; кн. 752 и 232, л. 1—656; кн. 263, л. 1—605; стб. 768, л. 170.
- ⁷⁷ Там же, стб. 51, л. 285; Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазей и Мангазейский уезд (1601—1645) // Зап. Харьк. ун-та. — Харьков, 1893. — Кн. 1. — С. 90.
- ⁷⁸ ЦГАДА, СП, стб. 102, л. 327.
- ⁷⁹ Там же, кн. 433, л. 334.
- ⁸⁰ Там же, кн. 533, л. 302.
- ⁸¹ Там же, стб. 930, л. 29; Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири... — С. 360; Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // Проблемы источниковедения. — М.; Л., 1936. — Вып. 2. — С. 84—85.
- ⁸² ЦГАДА, СП, стб. 930, л. 30; Базилевич К. В. К вопросу изучения таможенных книг XVII в. — С. 84—85.
- ⁸³ ЦГАДА, СП, кн. 892, л. 160.
- ⁸⁴ ПСЗ РИ. — Собр. 1-е. — Спб., 1830. — Т. III. — С. 132, 161.
- ⁸⁵ ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 1—40.
- ⁸⁶ Там же, кн. 533, л. 270.
- ⁸⁷ Там же, кн. 44, л. 433, 734.
- ⁸⁸ Там же, л. 432.
- ⁸⁹ Там же, кн. 433, л. 297.
- ⁹⁰ Там же, кн. 533, л. 245.
- ⁹¹ ПСЗ РИ. — Т. I. — С. 304.
- ⁹² Там же. — С. 682.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же. — Т. III. — С. 307—308.
- ⁹⁵ ЦГАДА, СП, кн. 236, л. 111.
- ⁹⁶ Там же, стб. 251, л. 5—6; ДАН. — Т. 4. — № 138. — С. 357—359, 361.
- ⁹⁷ ПСЗ РИ. — Т. III. — С. 130—141.
- ⁹⁸ ЦГАДА, СП, стб. 251, л. 7—8.
- ⁹⁹ Там же, стб. 62, л. 49—50, 123—127.
- ¹⁰⁰ Там же, стб. 251, л. 63—82.
- ¹⁰¹ Там же, стб. 81, л. 528—529.
- ¹⁰² Там же, стб. 95, л. 37—44; Буцинский П. Н. К истории Сибири... — С. 35—90.
- ¹⁰³ ЦГАДА, СП, стб. 1056, папка 1, л. 63.
- ¹⁰⁴ Там же, стб. 378, л. 129.
- ¹⁰⁵ ДАН. — Т. IV. — № 138. — С. 365—368.
- ¹⁰⁶ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 348, 433, 533, 540, 547, 892, 989, 1078, 1368; Слонов П. А. Историческое обозрение Сибири. — С. 212—213.
- ¹⁰⁷ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 299—300; Александров В. А. Русское население Сибири. — С. 224—229, 233, 271, 274; Он же. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 39; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 231—233, 243—245; Юхт А. И. Проекты В. Н. Татищева 1721—1726 гг. о развитии торговли и промышленности на Урале и в Сибири // История и историки: Историографический ежегодник. — М., 1973. — С. 302; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 358—408; Леонтьева Г. А. Сметные и пометные списки как источник для характеристики бюджета сибирского города (на примере денежных смет и помет Нерчинского уезда 80-х годов XVII — начала XVIII в.) //

- Источниковедение городов Сибири... — С. 81—82; Она же. Место поступления от торговли в бюджет Тобольского разряда // Торговля городов Сибири в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск, 1987. — С. 100—114; Шеретобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. I. — С. 103—108.
- ¹⁰⁸ ЦГАДА, СП, стб. 62, л. 233, 308; стб. 251, л. 155; ДАН. — Сб. 1848. — Т. III. № 9. — С. 45.
- ¹⁰⁹ ЦГАДА, СП, стб. 62, л. 261.
- ¹¹⁰ Там же, стб. 251, л. 98.
- ¹¹¹ Там же, стб. 62, л. 261.
- ¹¹² Там же, стб. 251, л. 84; ДАН. — Т. III. — № 9.
- ¹¹³ Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645). — Харьков, 1893. — С. 3—100.
- ¹¹⁴ Леонтьева Т. А. Место поступления от торговли в бюджет Тобольского разряда XVII в. — С. 101—102.
- ¹¹⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — Прил. № 238. — С. 333—334; Прил. № 240. — С. 337.
- ¹¹⁶ Там же. — Прил. № 238, 34; ДАН. — Т. II. — № 67.
- ¹¹⁷ ЦГАДА, СП, стб. 251, л. 54—55; ДАН. — Т. III. — № 9.
- ¹¹⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — Прил. № 17. — С. 365—366.
- ¹¹⁹ Там же. — Т. 2. — Прил. № 4. — С. 150.
- ¹²⁰ Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. — С. 332.
- ¹²¹ РИБ. — Т. II. — Стб. 63. — С. 142.
- ¹²² Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. 1. — Приложение № 45. — С. 403—405.
- ¹²³ Оглобин Н. Н. Описание столбов и книг Сибирского приказа. — М., 1895. — Ч. I. — С. 46—48; 117—119.
- ¹²⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. 1. — С. 403.
- ¹²⁵ ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 34—38, 112—121.
- ¹²⁶ Там же, кн. 1, л. 46—47, 105; кн. 2, л. 32, 34; ДАН... — Т. 2. — № 30; Фишер И. Э. Сибирская история... М., 1774. — С. 202; Буцинский П. Н. Заселение Сибири... — С. 20; Он же. К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд... — С. 5—12; ПСЗ РИ. — Т. III. — № 1655. — С. 517—522; Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. 1. — Прил. № 38. — С. 389; Копылов А. Н. Таможенная политика... — С. 332.
- ¹²⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. 1. — Прил. № 38. — С. 389.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. — С. 389—390.
- ¹³¹ ЦГАДА, СП, стб. 251, л. 155; ДАН... — Т. III. — № 9; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 265—273.
- ¹³² Миллер Г. Ф. История Сибири... — Т. 2. — Прил. № 240. — С. 336.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. — С. 337.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же.

- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ ЦГАДА, СП, стб. 17, л. 119—120.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Лепин В. И. Полн. собр. соч. — Т. I. — С. 153.
- ¹⁴⁶ Рублевая пошлина с иногородних взималась в размере 4—6 денег с рубля. Николаева А. Т. Уставные таможенные грамоты Московского государства XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1947. — С. 110.
- ¹⁴⁷ В одновременном существовании однообразия (Верхотурье, Тобольск, Сургут) и разнообразия (эти города и Енисейск и Березов) отразилась борьба нового и старого. Подробнее см. табл. 41.
- ¹⁴⁸ ЦГАДА, СП, кн. 236, л. 8.
- ¹⁴⁹ Николаева А. Т. Уставные таможенные грамоты... — С. 91. Она считает, что в это время в Европейской России было 27 видов разных пошлин, а Е. Осюки (Внутренние таможенные пошлины в России XVI—XVII вв. — Казань, 1820) полагает, что их собиралось около 43. В Сибири же в середине XVII в. было только 180 видов разных пошлин.
- ¹⁵⁰ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия... — С. 250—254.
- ¹⁵¹ Шунков В. И. Меры сыпучих тел в Сибири в XVII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. — М., 1952. — С. 166—174.
- ¹⁵² Устинов Н. В. Очерк пресверрусской метрологии // Исторические записки. — М., 1946. — Т. 19. — С. 328, 331—338.
- ¹⁵³ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия... — С. 328—351, 429—431; Шеретобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. I. — С. 353—357, 569—594; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 242—294; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 230—255; Вилков О. Н. Тобольск — центр хлебной торговли... — С. 164—173; Он же. Состав производителей свободной торговли... — С. 77—99; Клепцкая Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1987. — С. 68—85.
- ¹⁵⁴ ЦГАДА, СП, стб. 102, л. 209—219.
- ¹⁵⁵ Там же, л. 212.
- ¹⁵⁶ Шунков В. И. Меры сыпучих тел в Сибири... — С. 169.
- ¹⁵⁷ ЦГАДА, СП, кн. 989, л. 119.
- ¹⁵⁸ Там же, кн. 231, л. 187, 370, 407.
- ¹⁵⁹ Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. — С. 84—89; Копылов А. Н. Условная оценка товаров в сибирских таможенных XVII в. — С. 76; Вилков О. Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 35—44; Он же. О приближении тобольских таможенных оценок к реальным рыночным ценам через увеличение весового содержания тобольских таможенных четвертей XVII в. // Проблемы истории советского общества. (Материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири). — Вып. II: История крестьянства Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1970. — С. 85—94.
- ¹⁶⁰ ЦГАДА, СП, кн. 236, л. 301, 321, 375. 8-пудовая торговая четверть существовала в 1636 г. и в Томске. Приехавшие с государственной соболиной казной в Москву и распрошенные 21 ноября 1636 г. в Сибирском приказе томичи показали: «А торговой (томской. — О. В.) четверти будет 8 пуд, а в Московскую, в государеву в казенную медную меру будет не той томской торговой меры 2 чети ржи» (см.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636—1654: Сб. документов. — М., 1974. — С. 71).

- ¹⁶¹ Там же, кн. 231, л. 187.
¹⁶² ЦГАДА, СП, кн.: 44 (1639/40 г.), л. 1—998; 181 (1644/45 г.), л. 1—655; 752 (1647/48 г.), л. 1—134; 231 (1647/48 г.), л. 1—379 (продолжение кн. 752); 348 (1655/56 г.), л. 1—432; 533 (1668/69 г.), л. 1—144; 540 (1669/70 г.), л. 1—650; 547 (1670/71 г.), л. 1—500; 892 (1688/89 г.), л. 1—257; 989 (1690/91 г.), л. 1—200; 1078 (1694/95 г.), л. 1—225; 1368 (1703 г.), л. 1—345.
¹⁶³ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия...— С. 56.
¹⁶⁴ Он же. Очерки по истории колонизации...— С. 156—164.
¹⁶⁵ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 348, 533, 540, 547, 797, 892, 989, 1078, 1368.
¹⁶⁶ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия...— С. 242—248; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 234—238; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в.— М., 1961.— С. 137, 144—147.
¹⁶⁷ ЦГАДА, СП, кн. 562 (1671/72 г.), л. 260.
¹⁶⁸ Там же, кн. 44, 348, 533, 540, 547, 892, 1078, 1368.
¹⁶⁹ Там же, стб. 354, л. 57—58.
¹⁷⁰ Там же.
¹⁷¹ Там же, л. 63—64.
¹⁷² Там же, стб. 354, л. 57—65; Вилков О. Н. Унификации мер сыпучих тел в Сибири (1686—1687 гг.) // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.— Новосибирск, 1965.— С. 311—314.
¹⁷³ ЦГАДА, СП, стб. 354, л. 57—65; Шунков В. И. Меры сыпучих тел...— С. 167.
¹⁷⁴ ЦГАДА, СП, кн. 892, л. 141.
¹⁷⁵ Там же, кн. 892, л. 1—257.
¹⁷⁶ Там же, кн. 892, л. 234.
¹⁷⁷ Там же, кн. 1078, л. 1—225.
¹⁷⁸ Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири...— С. 360—362.
¹⁷⁹ ДРВ.— 2-е изд.— М., 1788.— Ч. III.— С. 266.
¹⁸⁰ ПСЗ РИ.— Т. III, № 1474.— С. 160—167.
¹⁸¹ Там же.— Т. 3.— № 1654.— С. 498.
¹⁸² Там же.— Т. 3.— № 1654.— С. 512—513; ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 11 об., 61, 102 об., 135.
¹⁸³ Лешин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 153.

4. Бухарцы и их торговля в Сибири

- ¹ См.: Бахрушин С. В. Народы Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока XIV—XV вв. // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.— М., 1953.— Ч. 2.— С. 463—464; Он же. Науч. тр.— М., 1959.— Т. 4.— С. 121—136, 195—214; По следам древних культур: От Волги до Тихого океана.— М., 1954.— С. 12, 40, 59, 63, 86, 110, 173, 181; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.— М., 1967; Окладников А. П., Вилков О. Н. Присоединение Западной Сибири к России и развитие экономических связей с Казахстаном в конце XVI—первой четверти XVIII в. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук.— 1982.— № 3.— С. 19—33.
² См.: Бадер О. Н., Смирнов А. П. Серебро закамское первых веков нашей эры.— М., 1954.— С. 23; Слюцов П. А. Историческое обозрение Сибири.— Сиб., 1889.— С. 75.
³ Сибирские летописи.— Сиб., 1907.— С. 37, 147—148, 168.
⁴ См.: Чулошников А. П. Торговля Московского государства со

- Средней Азией в XVI—XVII вв. // МИУТыТССР.— Л., 1932.— Вып. 3, ч. 1.— С. 61—88.
⁵ См.: Сибирские летописи.— С. 147—149.
⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.: Л., 1937.— Т. 1.— С. 365.
⁷ Там же.— С. 365—366.
⁸ МИУТыТССР.— С. 108, 296; Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.: Л., 1941.— Т. 2.— Прил. № 4.— С. 150.
⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— С. 150; МИУТыТССР.— Вып. 3, ч. 1.— С. 108.
¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— С. 150.
¹¹ Там же.
¹² Там же; ЦГАДА, СП, кн. 11, л. 59 об., 60.
¹³ МИУТыТССР.— Вып. 3, ч. 1.— С. 296—299.
¹⁴ Там же.— С. 298.
¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров.— М., 1819.— Ч. 2.— С. 129.
¹⁶ МИУТыТССР.— Вып. 3, ч. 1.— С. 296—298; Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— Прил. № 23.— С. 168.
¹⁷ ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 184 об.— 185; Зинев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI—XIX вв.).— Ташкент, 1964.— С. 22.
¹⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— Прил. № 17.— С. 365.
¹⁹ Там же.— Т. 2.— Прил. № 4.— С. 150.
²⁰ РИВ.— 1875.— Т. II.— № 63.— С. 142.
²¹ Там же.
²² МИУТыТССР.— Вып. 3, ч. 1.— С. 109.
²³ АИ.— 1841.— Т. 2, № 94.— С. 337.
²⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— Прил. № 191.— С. 289.
²⁵ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 263, 327, 348, 371, 533, 547, 562.
²⁶ ПСЗ РИ.— Т. 3.— № 1474.— С. 163—164.
²⁷ Там же.— Т. 3.— № 1654.— С. 509.
²⁸ Там же; ДАН.— Т. IV.— № 138.— С. 361.
²⁹ ЦГАДА, СП, тобольск. тамож. кн. 44 (1639/40 г.), 752 и 231 (1647/48 г.).
³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— С. 12; Т. 1.— С. 292; Слюцов П. А. Историческое обозрение Сибири.— Сиб., 1882.— Т. 1.— С. 2; Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в. // ЧОИДР.— Т. II.— С. 73—74; Кабо Р. М. Города Западной Сибири.— М., 1946.— С. 70.
³¹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 172.
³² МИУТыТССР.— Вып. 3, ч. 1.— С. 354—355; ЦГАДА, СП, тарские приходные таможенные книги 362, 649, 678, 936, 949, 1127.
³³ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— Прил. № 4.— С. 150.
³⁴ Там же.— Прил. № 34.— С. 179.
³⁵ МИУТыТССР.— Вып. 3, ч. 1.— С. 109.
³⁶ Исторический архив.— 1936.— Т. 1.— С. 191.
³⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— Прил. № 188.— С. 287—288.
³⁸ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 2.— Прил. № 191.— С. 289.
³⁹ Русско-монгольские отношения. 1636—1654: Сб. документов.— М., 1974.— Док. № 92.— С. 292—294.

- ⁴⁰ Там же.—С. 294; Миллер Г. История Сибири.—Т. 2.—Прил. 448.—С. 519.
- ⁴¹ Бахрушин С. В. Науч. тр.—М., 1959.—Т. 4.—С. 202.
- ⁴² Русско-монгольские отношения...—Док. 115.—С. 360—361.
- ⁴³ Там же.—Док. № 92.—С. 294.
- ⁴⁴ Там же.—Док. № 92.—С. 295; Док. № 93.—С. 295—296, 424; Док. № 115.—С. 360—361; Слесарчук Г. И. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. // Вопросы социально-экономической истории и историкоисследования периода феодализма в России.—М., 1964.—С. 261.
- ⁴⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 2.—Прил. № 222.—С. 316; Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху.—Томск, 1984.—С. 104.
- ⁴⁶ Потанин Г. Н. Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII в. // Вестн. ИРГО.—Сиб., 1859.—Т. 27, № 12.—С. 144.
- ⁴⁷ Бахрушин С. В. Науч. тр.—Т. 4.—С. 202.
- ⁴⁸ Там же.—С. 121—122.
- ⁴⁹ Там же.—С. 122—124, 126, 129, 131, 202; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).—Хабаровск, 1984.—С. 112—113, 114, 115.
- ⁵⁰ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах...—С. 112—114; Златкин Н. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758).—М., 1964.—С. 233—318.
- ⁵¹ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России.—Улан-Удэ, 1958.—С. 190.
- ⁵² Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы: В 2 т.—М., 1969.—Т. 1 (1608—1683).—Док. № 197.—С. 475, 477—478.
- ⁵³ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах...—С. 114.
- ⁵⁴ Чулошников А. П. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. // МИУТыТССР.—Вып. 3, ч. 1.—С. 68.
- ⁵⁵ ПГАДА, СП, ф. 199, Портфели Миллера, портф. 482, ч. 1, л. 6, л. 25.
- ⁵⁶ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...—С. 172—173; Зилев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI—XIX вв.).—Ташкент, 1964.—С. 38—39.
- ⁵⁷ ПГАДА, СП, кн. 44 (1639/40), 181 (1644/45), 752 и 231 (1647/48), 263 (1649/50), 327 (1654/55), 348 (1655/56), 371 (1657/58), 410 (1659/60), 533 (1668/69), 540 (1669/70), 547 (1670/71).
- ⁵⁸ Преображенская П. С. Торговые связи поволжских городов с калмыками в середине XVII века // Города феодальной России.—М., 1966.—С. 328—333 (Сб. ст. памяти Н. В. Устинова).
- ⁵⁹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...—С. 28—38, 54—57, 96—98, 103—105.
- ⁶⁰ Там же.—С. 95—96, 100—102, 191.
- ⁶¹ Там же.—С. 96—98, 103—105.
- ⁶² МИУТыТССР.—Вып. 3, ч. 1.—С. 334, 453.
- ⁶³ Небольсин П. Н. Очерки торговли России со Средней Азией // Зап. вост. Рус. геогр. о-ва.—Сиб., 1855.—Кн. X.—С. 293.
- ⁶⁴ Фахратдинова Д. А. О среднеазиатских тканях «занданчи» в XVI—XVII вв. // Обществ. науки в Узбекистане.—1971.—№ 3.
- ⁶⁵ Анопова Н. Г. Народы Казахстана и Средней Азии // Очерки истории СССР. XVII в.—М., 1955.—С. 885.
- ⁶⁶ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...—С. 175—187.

- ⁶⁷ ПГАДА, СП, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 327, 348, 371, 410, 533, 540, 547; МИУТыТССР.—Вып. 3, ч. 1.—С. 451—461; Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. // История СССР.—1958.—№ 1.—С. 118—120; Он же. Ремесло и торговля Западной Сибири...—С. 174—178.
- ⁶⁸ ПГАДА, СП, кн. 44, л. 696.
- ⁶⁹ Там же, кн. 44, л. 980.
- ⁷⁰ Там же, кн. 44, л. 317—384, 695—696, 840—963, 980—982.
- ⁷¹ Там же, л. 964—968, 972—973.
- ⁷² Там же, кн. 348, л. 115—116, 187, 205—207, 320; кн. 327, л. 197; кн. 371, л. 298—300.
- ⁷³ Там же, кн. 371, л. 158.
- ⁷⁴ Там же, кн. 433, л. 187.
- ⁷⁵ Там же, тобольские таможенные книги: 44 (1639/40), л. 1—989; 181 (1644/45), л. 1—655; 263 (1649/50), л. 1—605; 327 (1654/55), л. 1—384; 348 (1655/56), л. 1—434; 371 (1657/58), л. 1—356; 412 и 410 (1659/60), л. 1—180, 1—274; 433 (1661/62), л. 1—327; 490 (1665/66), л. 1—490; 533 (1668/69), л. 1—451; 562 (1671/72), л. 1—601; 588 (1673/74), л. 1—545; 611 (1675/76), л. 1—304; 797 (1683/84), л. 1—171; 892 (1686/87), л. 1—287; 920 (1688/89), л. 1—22; 989 (1690/91), л. 1—200; 1078 (1694/95), л. 1—225; 1118 (1696/97), л. 1—325; 1200 (1698/99), л. 1—257.
- ⁷⁶ Там же, кн. 44, 181, 263, 327, 348, 371, 412 и 410, 433, 490, 533, 562, 588, 611, 797, 892, 920, 989, 1078, 1118.
- ⁷⁷ МИУТыТССР.—Вып. 3, ч. 1.—С. 337.
- ⁷⁸ Алексеев М. П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив.—1936.—Т. 1.—С. 192.
- ⁷⁹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...—С. 194—198; Путешествие Николая Спафария в 1675 г.—Сиб., 1882.—С. 43.
- ⁸⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 1.—Прил. № 69, 77; Т. 2.—Прил. № 46, 147, 205, 183, 191, 115, 194, 201, 370, 382, 367, 412, 427 и др.; ДАН.—Т. X.—№ 80.—С. 375—391; МИУТыТССР.—Вып. 3, ч. 1.—С. 63, 79—80, 263—267; Вилков О. Н. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1968.—Вып. 2.—С. 3—20.
- ⁸¹ ПГАДА, СП, кн. 348, л. 426; кн. 371, л. 127об.; кн. 412, л. 42—44; кн. 562, л. 260—262.
- ⁸² Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 1.—С. 201; ПСЗ РИ.—Т. II.—С. 816; Т. IV.—С. 169; Соколов Ю. А. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России // Тр. Среднеазиат. ун-та им. В. И. Ленина. Нов. сер.—Вып. 142.—Ташкент, 1958.—С. 30.—(Исторические науки; Кн. 30).
- ⁸³ ПГАДА, СП, стб. 263, л. 248.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ ПСЗ РИ.—Т. IV.—С. 169.
- ⁸⁶ Там же; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири.—Т. 1.—С. 155—156; ЧОИДР.—Т. II.—С. 74.
- ⁸⁷ Потанин Г. Н. О караванной торговле...—С. 70.
- ⁸⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 2.—С. 549—550; ПГАДА, СП, стб. 263, л. 484; Пунцов В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в.—М., 1956.—С. 52—53; Потанин Г. Н. О караванной торговле...—С. 71.
- ⁸⁹ ПГАДА, СП, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 348, 433, 533, 540, 547, 611, 892.

- ⁹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — С. 549—550; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 208.
- ⁹¹ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 301, 327, 348, 371, 412 и 410, 433, 490, 533, 540, 547, 562, 588, 611, 797, 892, 920, 989, 1078, 1118, 1200, 1202, 1206, 1368.
- ⁹² Там же, кн. 44, л. 701, 759; кн. 433, л. 72, 191, 216, 225, 329—330 и др.
- ⁹³ Там же, кн. 44, л. 189; кн. 752, л. 86; кн. 231, л. 433; кн. 263, л. 11, 69, 99, 100, 207; кн. 348, л. 406; кн. 533, л. 175; Потанин Г. Н. О караванной торговле... — С. 72.
- ⁹⁴ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 208.
- ⁹⁵ ЦГАДА, СП, кн. 433, л. 11.
- ⁹⁶ Там же, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 348, 433, 533, 540, 611; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 208—210.
- ⁹⁷ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 348, 433, 533, 540, 611.
- ⁹⁸ Там же, кн. 327, л. 35; кн. 234, л. 1—129; кн. 301, л. 4—36.
- ⁹⁹ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 212—213; Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — С. 550; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 201—202, 204—205.
- ¹⁰⁰ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 590б. — 60, 165—166.
- ¹⁰¹ Филиппов А. М. Новые данные о посольстве Сметкула Абляна // Сов. востоковедение. — 1958. — № 2. — С. 136.
- ¹⁰² ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 386—387, 699—700, 940.
- ¹⁰³ Там же, кн. 181, 752 и 231, 263, 301.
- ¹⁰⁴ Русско-китайские отношения в XVII в. ... — Т. 1 (1608—1683). — Док. 64. — С. 141; Док. 67. — С. 143; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. — М., 1966. — С. 87—88; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. — М., 1980. — С. 80—81.
- ¹⁰⁵ Мясников В. С. Империя Цин... — С. 81, 85—86; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. — М., 1958. — С. 99; Русско-китайские отношения в XVII в. ... — Т. 1. — С. 216.
- ¹⁰⁶ Мясников В. С. Империя Цин... — С. 108—109, 11; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. — С. 100.
- ¹⁰⁷ Сладковский М. Н. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). — М., 1974. — С. 93—95; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. — С. 105.
- ¹⁰⁸ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 263, 301, 327, 348, 371, 412 и 410, 490, 533, 540, 547, 562, 588; МНУТ СССР. — Вып. 3, ч. 1. — С. 348—349, 353—356.
- ¹⁰⁹ Правдивое описание нашего далекого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, прилежно наблюдая, в 1666 году, в обществе 48 офицеров, для полного осеждения любителей, как это ныне следует // Исторический архив. — 1936. — Т. 1. — С. 169—170.
- ¹¹⁰ ЦГАДА, СП, кн. 44 (1639/40), 181 (1644/45), 752 и 231 (1647/48), 263 (1649/50), 301 (1652/53), 327 (1654/55), 348 (1655/56), 371 (1657/58), 412 и 410 (1659/60), 433 (1661/62), 490 (1665/66), 533 (1668/69), 540 (1669/70), 547 (1670/71), 562 (1671/72), 588 (1673/74), 611 (1675/76), 797 (1683/84), 892 (1686/87), 920 (1688/89), 989 (1690/91), 1078 (1694/95), 1118 (1696/97), 1200 (1698/99), 1206 (1700), 1368 (1703).
- ¹¹¹ Там же, кн. 181, 348, 433, 533, 540, 547, 797, 892.
- ¹¹² Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 210.
- ¹¹³ ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 34—37; Бахрушин С. В. Науч. тр. —

Т. 4. — С. 309; Правдивое описание нашего далекого путешествия... — С. 169.

¹¹⁴ ЦГАДА, СП, кн. 3, 44, 348, 433, 533, 892, 1078 и др.

¹¹⁵ Там же, кн. 44, 181, 752 и 231, 263, 348, 433, 533, 540, 547, 797, 892, 1368.

¹¹⁶ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 129—132, 184—185, 300—301.

¹¹⁷ Будицкий П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Харьков, 1885. — С. 328.

¹¹⁸ Чудовников А. П. Торговля Московского государства... — С. 85.

5. Сибирская хлебная торговля

¹ См.: Шунков В. Н. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. — М.; Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. — М., 1956; Шерстобоев В. Н. Илимская нация. — Иркутск, 1949. — Т. 1; Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Томск. гос. ун-та. Сер. ист.-филол. — Томск, 1950. — Т. 112; Она же. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. — М., 1952. — Сб. 1. — С. 246—278; Она же. Томск в XVII—XVIII вв. // Очерки истории города Томска (1604—1954). — Томск, 1954. — С. 3—40; Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII в. — Якутск, 1956; Он же. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). — Якутск, 1961; Камин О. Н. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII — начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1952; Она же. Торговля в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 187—198; Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. — М., 1956; Он же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVI—XVIII вв. — Челябинск, 1966. — Ч. 1; Копылов А. Н. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение в снабжении Восточной Сибири хлебом // Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. — М., 1957. — Т. 10. — С. 115—134; Он же. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. — Новосибирск, 1985; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. — М., 1961. — С. 131—150; Он же. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964; Он же. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). — Хабаровск, 1984; Вилков О. Н. Тобольский хлебный рынок в 40—90-е годы XVII в. // Тез. докл. и сообщ. на 5-й сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (г. Минск, сентябрь 1962 г.). — Минск, 1962. — С. 158—165; Он же. К вопросу об унификации мер сыпучих тел Сибири XVII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1963. — № 5, вып. 2. — С. 112—116; Он же. К вопросу об экономических связях сибирского города с прилегающей округой в XVII в. // Там же. — 1966. — № 1, вып. 1. — С. 105—114; Он же. О приближении тобольских таможенных оценок к реальным рыночным ценам через увеличение весового содержания тобольских таможенных четвертей //

- Проблемы истории советского общества Сибири. — Новосибирск, 1970. — С. 85—94; Он же. Тобольск — центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). — М., 1973. — С. 164—193; Он же. Состав ввозителей свободного хлеба в Тобольск в 30—90-е годы XVII в. // Вопросы истории досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973. — С. 77—99; История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968. — Т. 2: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982; Курмачева М. Д. Торговля Сибири в XVII в. (По материалам верхотурской таможенной книги 1635/36 г.) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. — М., 1984. — С. 107—119; Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1987. — С. 68—85; и др.
- ² В тобольской таможенной практике с лиц, уплативших десятую пошлину с хлеба, не взымали померную и, наоборот, с уплативших померную пошлину не брали десятую.
- ³ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 231, 263, 348, 433, 533, 540, 541, 611, 752, 797, 892, 989, 1078, 1368. Данные за 1647/48, 1649/50, 1675/76, 1683/84 гг. неполные, ибо в кн. 231 и 752 (1647/48 г.) нет сведений за сентябрь, а в кн. 263 (1649/50 г.) — за август. Кн. 611 (1675/76 г.) и 797 (1683/84 г.) содержат сведения только за сентябрь — первую половину мая. Кроме того, 1649/50 и 1661/62 гг. были неурожайными. Так как в таможенных книгах 1686—1695 гг. при измерении хлеба указывалось песовое содержание четверти, то это позволило нам перевести все измерения в 8-пудную четверть. В 1703 г. измеряли хлеб только одной четвертью — 8-пудной, а в 1686—1695 гг. — тремя четвертями: 8-, 20- и 40-пудными.
- ⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). — М., 1960. — С. 508 (примеч. 20), 517, 527, 541; Каменцева Е. П., Устюгов Н. В. Русская метрология. — М., 1965. — С. 100.
- ⁵ ЦГАДА, СП, кн. 541.
- ⁶ ЦГАДА, СП, кн. 1368; Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала... — С. 126.
- ⁷ Троицкий С. М. Архангельский хлебный рынок в I четверти XVIII в. // Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. — М., 1957. — Т. IX. — С. 180; ЦГАДА, СП, кн. 1368.
- ⁸ ЦГАДА, СП, кн. 231—232, 752, 558, 562; Вилков О. Н. К вопросу об унификации мер сыпучих тел в Сибири XVII в. — С. 113.
- ⁹ Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья... — С. 73.
- ¹⁰ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 286—287.
- ¹¹ Там же. — С. 262—265; Шунков В. И. К вопросу о характере хлебооборота Сибири в XVII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. — М., 1961. — С. 79—82.
- ¹² Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 179—181.
- ¹³ Он же. Торговые связи енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — С. 101.
- ¹⁴ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 248.
- ¹⁵ ЦГАДА, СП, кн. 892.
- ¹⁶ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах... — С. 158.
- ¹⁷ Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок во второй половине XVII в. // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 260.

- ¹⁸ ЦГАДА, СП, кн. 433, 533.
- ¹⁹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 44.
- ²⁰ Там же. — С. 55—56.
- ²¹ Вилков О. Н. К вопросу об экономических связях сибирского города... — С. 105—113.
- ²² Там же; Вилков О. Н. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1968. — Вып. 2. — С. 3—36; Он же. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения Сибири в XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1968. — С. 59—81.
- ²³ ЦГАДА, СП, кн. 44, 433, 438, 533, 540.
- ²⁴ Там же, кн. 44.
- ²⁵ Там же, кн. 1203, л. 1—177; кн. 1117, л. 130—237; кн. 1161, л. 1—271.
- ²⁶ Там же, кн. 3.
- ²⁷ Там же, кн. 1161.
- ²⁸ Там же, кн. 3.
- ²⁹ Там же, кн. 1161.
- ³⁰ У них имелось 469 чел. не положенных в посадское тягло детей, братьев, племянников, втчуч и пасынков (ЦГАДА, СП, кн. 1161, л. 271), т. е. в 1698 г. тобольского посадского населения было 748 + 468 чел. = 1216 мужчин всех возрастов.
- ³¹ Будинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков, 1989. — С. 109; ЦГАДА, СП, кн. 46, л. 317—326.
- ³² Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 50.
- ³³ Исторический архив. — 1956. — № 1. — С. 163—164.
- ³⁴ См.: Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. — М., 1950. — № 34. — С. 214—215; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города (Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.). — М.; Л., 1951. — С. 203; Митлев К. Г. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в XVII в. // Исторические записки. — М., 1949. — № 13. — С. 60.
- ³⁵ ЦГАДА, СП, кн. 3, л. 1—74; кн. 328, л. 1—44; кн. 1161, л. 1—271.
- ³⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 634, л. 803, 840—875, 994—1038.
- ³⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 25—80.
- ³⁸ ЦГАДА, СП, кн. 1078, л. 220.
- ³⁹ Там же, кн. 1368, л. 273.
- ⁴⁰ Там же, л. 300.
- ⁴¹ Там же, кн. 44, 231, 348, 433, 533, 547, 611, 752, 797, 982, 989, 1078.
- ⁴² Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 32, 37, 41—49.
- ⁴³ Северный архив. — 1826. — Ч. XIX, № 2. — С. 132—134.
- ⁴⁴ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... — С. 188.
- ⁴⁵ ЦГАДА, СП, кн. 236, л. 110; кн. 44, л. 402, 289 и др.
- ⁴⁶ Там же, кн. 231, л. 366.
- ⁴⁷ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 56.

- ⁸⁸ Там же. — С. 45—46. Итог выведен нами на основании общих данных о запашке земли крестьянами.
- ⁸⁹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... — С. 159—161.
- ⁹⁰ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 231, 752. В табл. 13 эти закупки не отражены.
- ⁹¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... — С. 170.
- ⁹² ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 231, 348, 433, 533, 540, 547, 752, 892, 1078, 1368.
- ⁹³ ПСЗ. — Т. III. — № 1474. — С. 160—167.
- ⁹⁴ Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья... — С. 64—84.
- ⁹⁵ ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 231, 263, 752.
- ⁹⁶ Это хорошо показано в работах В. И. Шункова, В. Н. Шерстобоева, Ф. Г. Сафронова, З. Я. Бокришиной, В. А. Александрова, А. Н. Копылова и др.
- ⁹⁷ ЦГАДА, СП, кн. 562, л. 260.
- ⁹⁸ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 342.
- ⁹⁹ Там же. — С. 344, 353.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 342.
- ¹⁰¹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... — С. 513—514; Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок... — С. 269.
- ¹⁰² ЦГАДА, СП, кн. 44, 181, 263, 348, 433, 450, 533, 547, 562, 797, 892, 989, 1078, 1368.
- ¹⁰³ Визков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 199.
- ¹⁰⁴ ЦГАДА, СП, кн. 1078, л. 202.
- ¹⁰⁵ Там же, кн. 1368, л. 150.
- ¹⁰⁶ Там же, кн. 1078.
- ¹⁰⁷ Там же, кн. 1368.
- ¹⁰⁸ Там же, кн. 562, л. 321.
- ¹⁰⁹ Там же, кн. 1368.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же, л. 1—235.
- ¹¹² Там же, кн. 989, л. 50.
- ¹¹³ Там же, кн. 1078, л. 167, 187—188.
- ¹¹⁴ Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья... — С. 75—84.
- ¹¹⁵ ЦГАДА, СП, кн. 44, 540, 1078.
- ¹¹⁶ Миненко Н. А. Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв. // История городов Сибири дореволюционного периода. — Новосибирск, 1977. — С. 193—194.
- ¹¹⁷ ЦГАДА, СП, кн. 236, л. 460б. — 47, 257.
- ¹¹⁸ Там же, кн. 533, л. 320.
- ¹¹⁹ Там же, кн. 540, л. 254, 267.
- ¹²⁰ Там же, л. 300.
- ¹²¹ Там же, кн. 547, л. 331.
- ¹²² Там же, л. 566.
- ¹²³ Там же, кн. 236, л. 206об., 257.
- ¹²⁴ Там же, кн. 562, л. 560, 589об.
- ¹²⁵ Там же, кн. 892, л. 156.
- ¹²⁶ Там же, кн. 1078, л. 165.
- ¹²⁷ Там же, кн. 44, л. 404—406; кн. 562, л. 260об.
- ¹²⁸ Там же, кн. 182.

- ¹²⁹ Там же, кн. 231.
- ¹³⁰ Там же, кн. 263, 348.
- ¹³¹ Там же, кн. 433, л. 296—297.
- ¹³² Там же, кн. 231, 263, 348, 433, 481, 533, 547, 562, 611, 797.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же, кн. 181, 263, 533, 540, 797.
- ¹³⁵ Там же, кн. 797, л. 144; кн. 892, л. 211; кн. 989, л. 157; кн. 1078, л. 171; кн. 1368, л. 164—170.
- ¹³⁶ Там же, кн. 562, л. 198.
- ¹³⁷ Там же, кн. 181, 231, 433, 533, 540, 547, 562.
- ¹³⁸ Там же, кн. 533, л. 225, 390—392, 422—424; кн. 540, л. 285—267, 519; кн. 547, л. 333, 349, 539, 556, 637, 643, 668; кн. 562, л. 482, 547.
- ¹³⁹ Там же, кн. 1161, л. 73.
- ¹⁴⁰ Там же, кн. 44, 181, 231, 263, 348, 433, 533, 540, 547, 562, 611, 752, 797, 892, 989, 1078.
- ¹⁴¹ Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья... — С. 76.
- ¹⁴² ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 45—46, 88, 107—109, 175—183.
- ¹⁴³ Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья... — С. 78.
- ¹⁴⁴ ЦГАДА, СП, кн. 1078, л. 124—125.
- ¹⁴⁵ Там же, кн. 1368, л. 55—56, 61—62, 89, 185—186.
- ¹⁴⁶ Там же, л. 55—56, 61—62.
- ¹⁴⁷ Там же, л. 185—186.
- ¹⁴⁸ Квещинская Т. Е. Хлебная торговля г. Верхотурья... — С. 76.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Леонтьева Г. А. Хлеб в бюджете Сибири на рубеже 17—18 вв. // Крестьяне и сельское хозяйство России в 16—18 веках. — М., 1989.
- ¹⁵¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 291—306.

6. Промыслово-промышленная деятельность русских крестьян Сибири в конце XVI — начале XVIII в.

¹ См.: О первоначальном накоплении в России. — М., 1958; Поллакский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. — М., 1958; Вопросы генезиса капитализма в России. — Л., 1960; Русское государство в XVII в. — М., 1961; Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. — М., 1965; Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. — М., 1968; Переход от феодализма к капитализму в России. — М., 1969; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. — М., 1969; Проблемы генезиса капитализма. — М., 1970; Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. — Л., 1975; Проблемы генезиса капитализма. — М., 1978; Проблемы генезиса капитализма. — М., 1979; Эволюция феодализма в России. — М., 1980; Россия и Финляндия: Торговля, промыслы, крупная промышленность. — Л., 1981; Промышленность и торговля в России XVI—XVIII вв. — М., 1983; Проблемы социально-экономической истории феодальной России. — М., 1984; Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. — М., 1987; и др.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 87.

³ Там же. — Т. 1. — С. 458—459.

- ⁸ См.: Там же. — Т. 17. — С. 71—73; Т. 3. — С. 21—27.
⁹ Там же. — Т. 3. — С. 378, 329.
¹⁰ Там же. — С. 58.
¹¹ Дискуссии о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма // История СССР. — 1966. — № 1. — С. 74.
¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 378—380.
¹³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 5—6, 503—508.
¹⁴ Вилков О. Н. Промыслы // Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 67—77; Он же. Промыслово-промышленное освоение Сибири крестьянами в конце XVI — начале XVIII в. // Вопр. истории. — 1983. — № 1. — С. 28—29.
¹⁵ Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. — Красноярск, 1974. — С. 3—4, 52—105, 210; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 163, 221, 225; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промысленность и торговые связи Енисейского уезда. — Новосибирск, 1965. — С. 40—41, 43, 47—48, 52—55, 234—238, 252.
¹⁶ Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 1. — С. 213; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 113, 331, 371; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 90; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX вв.). — Якутск, 1961. — С. 35, 343; Копылов А. Н. Русские на Енисее. — С. 251—252; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири. — С. 221, 291; Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири. — С. 52—58, 99, 104.
¹⁷ Курилов В. Н. Город Тюмень в XVII в. (Дипломная работа, выполненная в 1970 г. в НГУ); Люндарская А. А. Город Томск в XVII в. — Новосибирск, 1970.
¹⁸ ЦГАДА, СП, кн. 44 (1639/40 г.), 181 (1644/45), 752 и 231 (1647/48), 263 (1649/50), 301 (1652/53), 327 (1654/55), 348 (1655/56), 371 (1657/58), 412 и 410 (1659/60), 433 (1661/62), 490 (1665/66), 533 (1668/69), 540 (1669/70), 547 (1670/71), 562 (1671/72), 588 (1673/74), 611 (1675/76), 797 (1683/84), 892 (1686/87), 920 (1688/89), 989 (1690/91), 1078 (1694/95), 1118 (1696/97), 1200 (1698/99), 1206 (1700), 1368 (1703); Копылов А. Н. Русские на Енисее. — С. 91.
¹⁹ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 34, 59об., 285, 740—742, 756 об.; кн. 433, л. 103; кн. 533, л. 139об.; кн. 797, л. 100; кн. 1368, л. 98.
²⁰ Копылов А. Н. Русские на Енисее. — С. 91.
²¹ Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири. — С. 54—58 (подсчеты пашни. — О. В.).
²² Там же. — С. 187—188.
²³ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 372 (процент вычислен мною. — О. В.).
²⁴ ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 44; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии. — С. 346; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII в. — Якутск, 1966. — С. 169—170; Миненко Н. А. Северо-западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. — Новосибирск, 1975. — С. 50, 53; Дмитриев А. Пермская старина: Верхотурский край в XVII веке. — Пермь, 1897. — С. 209. — (Сб. ист. ст. и матер.; Вып. VII).
²⁵ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири. — С. 304—306; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. — С. 170—176; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. — С. 50—51.
²⁶ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 372; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири. — С. 304; Александров

- В. А. Русское население Сибири. — С. 222—224; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. — С. 170; Народы Сибири: Этнографические очерки. — М.; Л., 1956. — С. 157; Апохлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 25—26; Биркенгофф А. А. Потомки землепроходцев. — М., 1972. — С. 23, 27, 30, 39, 54, 67.
²⁷ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 372.
²⁸ Копылов А. Н. Русские на Енисее. — С. 91; Александров В. А. Русское население Сибири. — С. 98 (подсчеты пашни. — О. В.).
²⁹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 373 (подсчеты процентов пашни. — О. В.).
³⁰ Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1974. — С. 199.
³¹ Александров В. А. Русское население Сибири. — С. 223, 277.
³² Там же. — С. 288.
³³ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 1—908; кн. 232, л. 3; кн. 236, л. 1—290; Хорунжий О. Н. Торговля Туринска в середине XVII в. — С. 43. — (Дипломная работа, выполненная в 1974 г. в НГУ).
³⁴ Дмитриев А. Пермская старина. — С. 215.
³⁵ Там же. — С. 200, 203, 207, 209, 211, 213, 215—216.
³⁶ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972. — С. 235.
³⁷ ЦГАДА, СП, кн. 88, л. 315.
³⁸ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. — С. 51.
³⁹ ЦГАДА, СП, кн. 236, л. 104об. — 107; кн. 547, л. 158об.; кн. 892, л. 235; кн. 1206, л. 365об.
⁴⁰ Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда в Русском государстве XVII в. // Историческая география России XVII — начала XX в. — М., 1975. — С. 138; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР. — 1974. — № 6. — С. 42.
⁴¹ Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1978. — Т. 28. — С. 318—319; ЦГАДА, СП, кн. 348, л. 313, 363; кн. 540, л. 416, 465; кн. 88, л. 306б.; кн. 1127, л. 6; кн. 348, л. 328—329; Люндарская А. А. Город Томск. — С. 92; Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда. — С. 135; Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1959. — Т. 4. — С. 83, 115—116.
⁴² ЦГАДА, СП, кн. 88, л. 30; кн. 181, л. 26; кн. 611, л. 80—90; кн. 892, л. 235; кн. 348, л. 328—329; кн. 1127, л. 6.
⁴³ Хорунжий О. Н. Торговля Туринска. — С. 51; Люндарская А. А. Город Томск. — С. 92; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 115—116.
⁴⁴ ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 165.
⁴⁵ Бояршинова З. Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. — М., 1952. — С. 1. — С. 247; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. — С. 78; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. — С. 176—177; Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII в. в Сибири. — М., 1951. — С. 69—76, 105—106; Громыко М. М. Трудные традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). — Новосибирск, 1975. — С. 222—229.
⁴⁶ Александров В. А. Русское население Сибири. — С. 253—258; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 363, 368—369; Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Томск. гос. ун-та. Сер. ист.-филол. — Томск, 1950. — Т. 12. — С. 138.

- ⁴³ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири... — С. 233—235.
- ⁴⁴ Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 44.
- ⁴⁵ ЦГАДА, СП, кн. 1078, л. 5—202; кн. 1368, л. 51—202; Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // *Вопр. истории*. — 1949. — № 6. — С. 73.
- ⁴⁶ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 100, 134—135; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 410—411. 569—570; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. — М., 1956. — С. 315—321, 325; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 228—230; Люндарская А. А. К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. // *Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири*. — Новосибирск, 1978. — С. 56—57; Кашин О. П. Ремесло и промыслы в Прибайкалье в XVII—XVIII вв. // *Очерки истории Сибири*. — Иркутск, 1973. — Вып. 4. — С. 10—11; Кафенгауз В. Б. Строительство первых уральских заводов // *Вопр. истории*. — 1945. — № 5—6. — С. 59, 65.
- ⁴⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 66—69; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 94, 136—138, 141; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 208—209; Пасханова А. А. Город Верхотурье в XVII в. — С. 76—77. (Дипломная работа, выполненная в 1970 г. в НГУ); Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений... — С. 72—73.
- ⁴⁸ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 138, 141; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 66, 68; Пасханова А. А. Город Верхотурье... — С. 76; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 228; Он же. К проблеме общественного разделения труда... — С. 136.
- ⁴⁹ Пасханова А. А. Город Верхотурье... — С. 76; Квещинская Т. Е. Город Верхотурье в последней трети XVII в. — Новосибирск, 1974. — С. 45; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня... — С. 480.
- ⁵⁰ ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 54—205.
- ⁵¹ Там же, кн. 44, л. 1—998; кн. 181, л. 1—655; кн. 752, л. 1—134; кн. 331, л. 1—479; кн. 263, л. 1—505; кн. 348, л. 1—432; кн. 433, л. 1—432; кн. 533, л. 1—451; кн. 540, л. 1—442; кн. 562, л. 1—274; кн. 797, л. 1—171.
- ⁵² Пасханова А. А. Город Верхотурье... — С. 75; Квещинская Т. Е. Город Верхотурье... — С. 43.
- ⁵³ Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 37.
- ⁵⁴ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 68—69; ЦГАДА, СП, кн. 649, л. 30; кн. 1368, л. 42; кн. 540, л. 215об., 246.
- ⁵⁵ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 481, 540—571; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 138—139; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 253.
- ⁵⁶ ЦГАДА, СП, кн. 371, л. 282.
- ⁵⁷ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 286—287; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. — М.; Л., 1946. — С. 109—111; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 90, 155—156, 158.
- ⁵⁸ ЦГАДА, СП, стб. 354, св. 8, л. 1.
- ⁵⁹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия... — С. 326.
- ⁶⁰ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 142.
- ⁶¹ ЦГАДА, СП, кн. 371, л. 282; кн. 579, л. 160.
- ⁶² Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... — С. 111; ЦГАДА, СП, стб. 354, л. 1; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 253.
- ⁶³ Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда... — С. 136.
- ⁶⁴ ЦГАДА, СП, кн. 547, л. 400; кн. 797, л. 152; кн. 1169, л. 319—319об.; кн. 1200, л. 197об. — 198; кн. 1247, л. 18—49, 44—45, 67, 77, 91; кн. 649, л. 140об.; кн. 1269, л. 15, 20, 22; кн. 1368, л. 209—211, 273; кн. 562, л. 285, 482об.
- ⁶⁵ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 90, 159.
- ⁶⁶ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 116; Кондрашенков А. А. Крестьяне в XVII—XVIII вв. — Челябинск, 1969. — Ч. 2. — С. 143; Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда... — С. 136; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 90, 157, 159, 252—253.
- ⁶⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 116—117; 200, 321—322; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). — М., 1969. — С. 223—226; Он же. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 53.
- ⁶⁸ ЦГАДА, СП, кн. 547, л. 400; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 95—100, 147—150; Люндарская А. А. Город Томск... — С. 99; Курилов В. Н. Город Тюмень... — С. 134; Квещинская Т. Е. Город Верхотурье... — С. 139—141; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 51—55; Кудряшова М. А. Торговля Березова в середине XVII в. — С. 39—42. (Дипломная работа, выполненная в 1974 г. в НГУ).
- ⁶⁹ Дмитриев А. А. Пермская старина... — С. 165, 241; Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда... — С. 136; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 143; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня... — С. 374; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов... — С. 162—166; Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений... — С. 73; Томск в XVII в.: Материалы для истории города XVII в. — В. м., б. г. — С. 27.
- ⁷⁰ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня... — С. 277—371.
- ⁷¹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 37.
- ⁷² ЦГАДА, СП, кн. 1206, л. 428; кн. 1269, л. 31; кн. 1368, л. 38, 97, 106.
- ⁷³ Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 37.
- ⁷⁴ ЦГАДА, СП, кн. 1368, л. 1—292.
- ⁷⁵ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 102—108, 152—157, 170—220; Пасханова А. А. Город Верхотурье... — С. 109—112, 142—149; Квещинская Т. Е. Город Верхотурье... — С. 69—71, 103—111; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — С. 53—54; Он же. Россия на дальневосточных рубежах... — С. 220—221.
- ⁷⁶ Бахрушин С. В. Науч. тр. ... Т. 4. — С. 118; Кузин А. А. История открытия рудных месторождений в России. — М., 1961. — С. 69.
- ⁷⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 232—233; Кузин А. А. История открытия рудных месторождений... — С. 42—43.
- ⁷⁸ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 232—233.
- ⁷⁹ Комогорцев Н. П. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. — Новосибирск, 1965. — С. 35; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 123.
- ⁸⁰ Кузин А. А. История открытия рудных месторождений... — С. 40.

- ⁸¹ ЦГАДА, СП, кн. 1444, л. 269.
- ⁸² Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— С. 363, 368; Александров В. А. Русское население Сибири...— С. 253; Бахрушин С. В. Науч. тр.— Т. 4.— С. 117.
- ⁸³ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 120, 122; Бахрушин С. В. Науч. тр.— Т. 4.— С. 117.
- ⁸⁴ Комогорцев И. И. Очерки истории черной металлургии...— С. 47—48; Кузин А. А. История открытия рудных месторождений...— С. 41—47; ЦГАДА, СП, кн. 1444, л. 262; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 256—259.
- ⁸⁵ Кузин А. А. История открытия рудных месторождений...— С. 40; Бахрушин С. В. Науч. тр.— Т. 4.— С. 117.
- ⁸⁶ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 123, 256—259; Александров В. А. Русское население Сибири...— С. 98 (подсчеты пашни.— О. В.).
- ⁸⁷ Дмитриев А. А. Пермская старина...— С. 207—219; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 256.
- ⁸⁸ ЦГАДА, СП, кн. 144, л. 72—326.
- ⁸⁹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— С. 284—285.
- ⁹⁰ Кафепгауз В. Б. Строительство черных уральских заводов...— С. 48—49; Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений...— С. 74.
- ⁹¹ Заозерская Е. И. К вопросу зарождения капиталистических отношений...— С. 73; Кузин А. А. История открытия рудных месторождений...— С. 41.
- ⁹² Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 127.
- ⁹³ ЦГАДА, СП, кн. 1444, л. 72—326; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— Т. 1.— С. 279—285.
- ⁹⁴ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— Т. 1.— С. 369.
- ⁹⁵ Кашик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 16.
- ⁹⁶ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 129—130; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки...— С. 44.
- ⁹⁷ Видлов О. Н. Ремесло и торговля...— С. 88—89, 138—142; Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки...— С. 51.
- ⁹⁸ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 233—234; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 122; Кашик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 19—22.
- ⁹⁹ ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 700—705; кн. 433, л. 282—283, 288, 290, 302—304; кн. 540, л. 462—463, 466; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 122; Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья...— С. 86; История Сибири...— Т. 2.— С. 85—86; Якутия в XVII в.— Якутск, 1953.— С. 428—430.
- ¹⁰⁰ Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII вв.— Новосибирск, 1979.— С. 18—19, 89—90, 101—102, 105—106, 117, 137—138, 235; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 162.
- ¹⁰¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 227; Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири...— С. 102—103.
- ¹⁰² Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири...— С. 105—106, 154, 235, 252.
- ¹⁰³ Там же.— С. 88—90, 93, 96, 98—106, 137, 150.
- ¹⁰⁴ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— С. 363—368; История Сибири...— Т. 2.— С. 215; Кашик О. И. К вопросу о положении пашенных крестьян в Восточной Сибири // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.).— Новосибирск, 1968.— С. 128—129.
- ¹⁰⁵ Дмитриев А. А. Пермская старина...— С. 38—219; ЦГАДА,

СП, кн. 1444, л. 181—201, 215—230, 243—326; Александров В. А. Русское население Сибири...— С. 253; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— С. 364—365. Выражаю сердечную признательность А. А. Люцдарской за любезно представленные архивные данные (ЦГАДА, СП, кн. 1408, л. 571—886) о томских крестьянских мельницах.

- ¹⁰⁶ ЦГАДА, СП, кн. 1444, л. 72—326; кн. 1408, л. 571—886; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— Т. 1.— С. 366—368.
- ¹⁰⁷ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— Т. 1.— С. 364.
- ¹⁰⁸ ЦГАДА, СП, кн. 1444, л. 72—236.
- ¹⁰⁹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— Т. 1.— С. 366—367.
- ¹¹⁰ Кашик О. И. К вопросу о положении пашенных крестьян...— С. 128—129.
- ¹¹¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 294—298; ЦГАДА, СП, кн. 1408, л. 571—886; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня...— Т. 1.— С. 367; Кашик О. И. К вопросу о положении пашенных крестьян...— С. 131.
- ¹¹² Вилков О. Н. Тобольск — центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в. // Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.— С. 167—173; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в.— М., 1951.— С. 179.
- ¹¹³ Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда...— С. 137; Дмитриев А. А. Пермская старина...— С. 208.
- ¹¹⁴ ЦГАДА, СП, кн. 533, л. 19—20, 422, 442; кн. 540, л. 408, 415, 462—463, 466, 493, 517; кн. 433, л. 282—283, 288, 290, 302—304; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 94; Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда...— С. 140—141.
- ¹¹⁵ Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений...— С. 76 (подсчеты процентов пашни.— О. В.).

7. Формирование и использование наемного труда в неземледельческой сфере хозяйства Сибири

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 241; Там же.— Т. 3.— С. 60; Там же.— Т. 39.— С. 40, 76; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в.— Новосибирск, 1965; Вилков О. Н. В. И. Ленин о проблеме формирования всероссийского рынка // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1969.— № 11, вып. 3.— С. 75—81; Он же. Проблема всероссийского рынка и сибирская торговля и промышленность XVII в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1971.— С. 76—101; Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка в современной советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма.— М., 1970.— С. 200—223; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972.— С. 214—224; Ковальченко Н. Д., Милош Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века.— М., 1974.— С. 5—39; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы.— М., 1980.— С. 221—234; Рабочий класс в дооктябрьский период.— Новосибирск, 1982.— С. 5—36; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 88—97; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.— М., 1983; и др.

² История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 38, 44, 54, 64—67.

³ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). — М., 1960. — С. 605, 607, 611, 617; Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. — 1961. — № 6. — С. 60—79; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969. — С. 241—242, 282—291; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. — Вологда, 1976. — С. 232—257; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. — Л., 1978. — С. 230—231.

⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 70, 214—216; Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 1. — С. 198—211; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 235—239; Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. — Красноярск, 1974. — С. 182—194.

⁵ Шунков В. Н. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. — М.; Л., 1946. — С. 22—27; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. — М., 1956. — С. 42—44, 48—50, 60—66, 77—78, 399; Болришинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. ист.-фил. — Томск, 1950. — Т. 112. — С. 124—126, 154—155, 159, 167—169, 173, 176—177, 179—184; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 78—106; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 64—74, 113—114, 200, 250; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). — Якутск, 1961. — С. 30—35; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 231—232, 240—241, 252—254; История Сибири... — Т. 2. — С. 65.

⁶ Шунков В. Н. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 173, 389—392; Болришинова З. Я. Население Томского уезда... — С. 188; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 86—87; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 499, 501, 504; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 105—106, 108, 112, 118, 291—306; Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири... — С. 163—203; Он же. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1973. — С. 31—34; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 107—108.

⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 101.

⁸ Словарь русского языка XI—XII вв. — М., 1977. — Вып. 4 (Г — Д). — С. 155—157; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 100—124; Болришинова З. Я. Население Томского уезда... — С. 155—157; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 498—504; Устюгов Н. В. Работные люди на Сухово-Движском водном пути в XVII в. // Исторические зап. — 1940. — Т. 6. — С. 167—194; Он же. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. — М., 1957. — С. 144—201; Степанов Н. В. Гулящие рабочие люди в Поволжье в XVII в. // Исторические зап. — 1951. — Т. 36. — С. 142—164; Памратова А. М. Формирование пролетариата в России XVII—XVIII вв. — М., 1963. — С. 65—69; Голыкова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. — М., 1965.

⁹ Шунков В. Н. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 73—74; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 105.

¹⁰ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 104—105.

¹¹ Там же. — С. 105; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 499—503.

¹² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 107—111.

¹³ Вилков О. Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири в XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — С. 76; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 86; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 88, 106.

¹⁴ Вилков О. Н. Торговые пути... — С. 76; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 108.

¹⁵ Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. — Спб., 1911. — Т. 1. — С. 69; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 439—504; Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск: Очерки по истории города. — Иркутск, 1971. — С. 24—25.

¹⁶ Ключков М. Население России при Петре Великом... — С. 69; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 35—38, 56—66, 68—80; Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII в. — Новосибирск, 1979. — С. 130—215; Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в дореволюционный период. — Новосибирск, 1974. — С. 60—86; Города Сибири дореволюционного периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск, 1977. — С. 97—129, 153—174, 291—301; Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 5—103, 171—179; Очерки по истории города Томска (1604—1954). — Томск, 1954. — С. 1—32; Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск... — С. 8—34.

¹⁷ Ключков М. Население России при Петре Великом... — С. 62—69 (процент вычислен нами. — О. В.).

¹⁸ Устюгов Н. В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 169—172.

¹⁹ Вилков О. Н. Тобольский посад в XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — С. 58.

²⁰ Курилов В. Н. Социальная структура населения сибирского города в XVII в. (по материалам города Тюмени) // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 35.

²¹ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 118.

²² Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск... — С. 21; Колесников А. Д. Из истории заселения Среднего Прииртышья // Изв. Омск. отд. Геогр. о-ва СССР. — 1963. — Вып. 5. — С. 139; Бахрушин С. В. Науч. тр. — М., 1959. — Т. 4. — С. 86—89.

²³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 304.

²⁴ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 87.

²⁵ Там же. — С. 87—88.

²⁶ Там же. — С. 88.

²⁷ Колесников А. Д. Из истории заселения Среднего Прииртышья. — С. 146.

²⁸ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 283.

²⁹ ПГАДА, СП, кн. 44, л. 706; кн. 433, л. 366б.; кн. 533, л. 379, 382; Викитин Н. Н. Торгово-промышленная деятельность военнослуживших людей Тобольска в середине XVII в. // Проблемы отечественной истории. — М., 1973. — Т. 1. — С. 25; Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири... — С. 141.

³⁰ Ключков М. Население России при Петре Великом... — С. 66—69.

³¹ Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 87.

³² Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 296.

³³ Тихомиров М. Н., Ефимов П. П. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высшей школы. — М., 1961. — С. 167—168.

- ³⁴ Яценский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв.: Избр. тр. — М., 1973. — С. 76—77.
- ³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 184—185.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46, ч. 1. — С. 452.
- ³⁷ Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири... — С. 181—182; Он же. Пушной промысел... — С. 31; Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 3, ч. 1. — С. 193—201.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 224.
- ³⁹ Павлов П. Н. Пушной промысел... — С. 33.
- ⁴⁰ Он же. Промысловая колонизация Сибири... — С. 79, 85, 101—102, 105, 109—126, 149—150.
- ⁴¹ Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 204, 216, 223; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 86—87; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 229—296.
- ⁴² Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири... — С. 157.
- ⁴³ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 230—234; Павлов П. Н. Пушной промысел... — С. 308—315.
- ⁴⁴ Вилков О. Н. Рыбная торговля Тобольска XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1968. — Вып. 1. — С. 5—14; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 234—236; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 217, 222—224, 231, 245; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 183—186; Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1974. — С. 106—119; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII — начале XVIII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 83—84.
- ⁴⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... — С. 234; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 149—184.
- ⁴⁶ Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья... — С. 114—119; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 223.
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 1, кн. 634, л. 804—1063.
- ⁴⁸ Бахрушин С. В. Науч. тр. — Т. 4. — С. 150; Леонтьева Г. А. — Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.: По материалам Иркутского и Нерчинского уездов: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1972. — С. 231; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978. — С. 237; Иркутск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1883. — С. 13—14; Камик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье в XVII—XVIII вв. // Очерки истории Сибири. — Иркутск, 1973. — Вып. 1. — С. 4, 6—8; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Т. 1. — С. 371, 501; Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири... — С. 272.
- ⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 21—23.
- ⁵⁰ Очерки истории СССР. XVII в. — М., 1955. — С. 75.
- ⁵¹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 28—38, 79, 102—103, 152—153, 189, 198; Копылов А. Н. Русское население Сибири... — С. 253—254; Курилов В. Н. Новые данные о промышленном развитии города Тюмени к концу XVII — началу XVIII в. // Бахрушинские чтения 1971 г. — Новосибирск, 1971. — Вып. 2. — С. 20—21; Люндарская А. А. К вопросу о роли служилого населения в развитии Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. — Новосибирск, 1972. — Ч. II. — С. 13—14; Квещинская Т. Е. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода. — Ново-

- сибирск, 1977. — С. 99—100; Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда в Русском государстве XVII в. // Историческая география России. XII — начало XX в. — М., 1975. — С. 135—136, 138; Камик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1965. — С. 189—190, 192, 197.
- ⁵² Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 146.
- ⁵³ Камик О. И. Торговля в Восточной Сибири... — С. 193, 195, 197; Она же. Ремесло и промыслы в Прибайкалье... — С. 7—8; Люндарская А. А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири... — С. 72—79; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей... — С. 80—90; Александров В. А. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. // О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв. — М., 1958. — С. 439, 447, 455.
- ⁵⁴ Леонтьева Г. А. Роль служилых людей... — С. 80; Она же. Служилые люди Восточной Сибири... — С. 249.
- ⁵⁵ Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья... — С. 99—104.
- ⁵⁶ Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. — М., 1961. — С. 131—150; Он же. Русско-китайская торговля... — С. 435; Он же. Русское население Сибири... — С. 260.
- ⁵⁷ Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — Свердловск, 1973. — С. 57.
- ⁵⁸ Там же. — С. 62—63; Камик О. И. Торговля в Восточной Сибири... — С. 197; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. — Новосибирск, 1965. — С. 60.
- ⁵⁹ Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири... — С. 65.
- ⁶⁰ Там же. — С. 55.
- ⁶¹ Квещинская Т. Е. Ремесла г. Верхотурья... — С. 111; Курилов В. Н. Новые данные... — С. 255; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 192—193; Александров В. А. Русское население Сибири... — С. 245; Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири... — С. 231; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии... — С. 116—117, 215—216, 235—238.
- ⁶² Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 35—38.
- ⁶³ Там же. — С. 35—36; Камик О. И. Торговля в Восточной Сибири... — С. 194—197; Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири... — С. 58; Волков М. Я. Купеческие покровительные предприятия первой четверти XVIII в. // История СССР. — 1966. — № 7. — С. 145—148.
- ⁶⁴ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 1, кн. 634, л. 832об.; Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири... — С. 59.
- ⁶⁵ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири... — С. 35.
- ⁶⁶ Там же. — С. 44—48; Курилов В. Н. Новые данные... — С. 22—23; Копылов А. Н. Русские на Енисее... — С. 164—166; Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири... — С. 115.
- ⁶⁷ Камик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье... — С. 6—7; Александров В. А. Русско-китайская торговля... — С. 437.
- ⁶⁸ Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири... — С. 251—252.
- ⁶⁹ Там же. — С. 251—252; Камик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье... — С. 7.

- ⁷⁰ Прикутск: Материалы для истории...— С. 12—13; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей...— С. 90; Александров В. А. Русское население Сибири...— С. 258; Он же. Русско-китайская торговля...— С. 437.
- ⁷¹ Александров В. А. Русско-китайская торговля...— С. 435; Он же. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 138, 170.
- ⁷² Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 144—145, 170, 173; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей...— С. 84—85; Она же. Служилые люди Восточной Сибири...— С. 272—275; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 30—31, 45—46.
- ⁷³ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 41—42, 106, 155; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 149; Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири...— С. 57.
- ⁷⁴ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 147—149; Прикутск: Материалы для истории...— С. 12.
- ⁷⁵ Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда...— С. 138; Он же. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в.— М., 1956.— С. 177—179; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 35—38.
- ⁷⁶ Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 137.
- ⁷⁷ Кашник О. Н. К вопросу о положении напешных крестьян Восточной Сибири (XVII—начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.).— Новосибирск, 1968.— С. 126—129, 131.
- ⁷⁸ Александров В. А. Русское население Сибири...— С. 258; Он же. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)— М., 1969.— С. 40.
- ⁷⁹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 292—298, 304; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 282—286, 292—296.
- ⁸⁰ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 364—365; Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала...— С. 168—169.
- ⁸¹ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 174—180; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 133—136; Кашник О. Н. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 42; Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья...— С. 98; Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири...— С. 277.
- ⁸² Ушат — обручная посуда для носки воды вдвоем (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.— Сиб., 1882.— Т. 4.— С. 526). В ушате было пять ведер (Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья...— С. 98).
- ⁸³ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 178; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 134.
- ⁸⁴ Словоцков П. А. Историческое обозрение Сибири.— Сиб., 1886.— С. 30.
- ⁸⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 232, л. 23; кн. 1078, л. 212—222; кн. 1368, л. 225, 249, 258, 298, 300; Волков М. Я. Очерки истории промыслов в России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Винокурное производство.— М., 1979.— С. 25—88, 314—322; Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири...— С. 140—141; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 178—181; Кашник О. Н. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 41—45; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 583—584; Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья...— С. 93; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 108; Бахрушин С. В. Науч. тр.— Т. 3, ч. 1.— С. 287.
- ⁸⁶ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 179—181; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 136—137; Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири...— С. 140—141; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 584; Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири...— С. 268; Кашник О. Н. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 42.
- ⁸⁷ Кашник О. Н. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 45—46; Машанова Л. В. Хозяйственное освоение Забайкалья...— С. 97; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 285.
- ⁸⁸ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 175.
- ⁸⁹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников.— Харьков, 1889.— С. 22.
- ⁹⁰ История Сибири...— Т. 2.— С. 81; Любидарская А. А. Промышленное развитие города Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири: Экономика, управление и культура...— С. 61—65; Квещинская Т. Е. Ремесла г. Верхотурья...— С. 99—104; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей...— С. 79—81.
- ⁹¹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 73.
- ⁹² Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 141.
- ⁹³ Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири...— С. 207; ЦГАДА, ф. 271, кн. 634, л. 955—1000; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 66—67.
- ⁹⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 227—228; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 66—67; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 141; Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // Вопр. истории.— 1949.— № 6.— С. 70—76.
- ⁹⁵ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в.— Новосибирск, 1974.— С. 127—133; Леонтьева Г. А. Роль служилых людей...— С. 80; Кашник О. Н. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 8—10.
- ⁹⁶ Очерки истории СССР. XVIII в. Первая четверть.— М., 1954.— С. 752; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни...— С. 133.
- ⁹⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 75; ЦГАДА, ф. 271, кн. 6, 634, л. 802—1079.
- ⁹⁸ Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири...— Прил. 3.— С. 224, 227—228, 231, 233, 235—236, 239, 241—242, 247, 249—251, 253.
- ⁹⁹ Там же.— С. 95—96, 102—103, 105—106, 115, 132—134, 137—138, 142—143, 167—168, 220—224; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 226—228.
- ¹⁰⁰ Лешин В. Н. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 330.
- ¹⁰¹ Шумов В. И. Очерки по истории земледелия Сибири...— С. 315—321; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 228—230; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 134—135; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 469—470; Любидарская А. А. К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. // Промышленность и рабочие кадры дореволюционной Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 56—67; Кашник О. Н. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 10—11; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 142.
- ¹⁰² Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 253; Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 134.

- ров В. А. Русское население Сибири...— С. 253; Шеретобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 481.
- ¹⁰⁹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 228.
- ¹⁰⁴ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 137; Шеретобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 470.
- ¹⁰⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 229.
- ¹⁰⁶ Кузин А. А. История открытий рудных месторождений...— М., 1961.— С. 34—51, 64—70, 97—130, 164—166; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.).— Л., 1937.— С. 45—47; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.— М.; Л., 1949.— Т. 1.— С. 56—58, 63—64; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 230—233; Скалон В. Н. Русские землепроходцы в XVII веке в Сибири.— М., 1951.— С. 49—51; Канник О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 79.
- ¹⁰⁷ Скалон В. Н. Русские землепроходцы...— С. 52—67; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 237—257; Канник О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 19—22.
- ¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 1, кн. 634, л. 804—1063.
- ¹⁰⁹ Бахрушин С. В. Науч. тр.— Т. 4.— С. 148—151; Шеретобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 369—371; Леонтьева Г. А. Служившие люди Восточной Сибири...— С. 284; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии...— С. 237.
- ¹¹⁰ Комогорцев И. И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири.— Новосибирск, 1965.— С. 34—38, 50—51.
- ¹¹¹ Кузин А. А. История открытий рудных месторождений...— С. 35; Очерки истории техники с древнейших времен до 60-х годов XIX в.— М., 1978.— С. 102; Комогорцев И. И. Очерки истории черной металлургии...— С. 34—38; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР.— М., 1954.— Т. 1.— С. 18; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 250—251.
- ¹¹² Кафенгауз Б. Б. Строительство первых уральских заводов // Вопр. истории.— 1945.— № 5—6.— С. 48—49, 53—55.
- ¹¹³ Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 128.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Струмилин С. Г. История черной металлургии...— С. 57—58.
- ¹¹⁶ Любимов П. Г. Очерки истории русской промышленности.— М., 1947.— С. 291—292; Струмилин С. Г. История черной металлургии...— С. 146, 293—294, 296.
- ¹¹⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 245, 249—254, 257; История Урала.— Пермь, 1976.— Т. 1.— С. 71.
- ¹¹⁸ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых...— С. 45—81, 94—95, 106—110, 120, 352—372; Любимов П. Г. Очерки истории русской промышленности.— С. 337—339, 207—208; Очерки истории СССР...— С. 87—88, 90—92, 94, 102, 114—115, 119—121, 123—126; Павленко П. И. История металлургии в России в XVIII в.— М., 1962.— С. 73—74; Струмилин С. Г. История черной металлургии...— С. 144—164, 183—188, 259—297; Поллакский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII в.— М., 1956; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 231—245.
- ¹¹⁹ Канник О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 18—22; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь...— С. 233—234.
- ¹²⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.; Л., 1941.— Т. 2.— Прил. 19.— С. 163; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири...— С. 194—200; ЦГАДА, СП, кн. 44, л. 702—717; кн. 348, л. 313—314; кн. 433, л. 281—284, 290—292; кн. 533, л. 385—389; кн. 540, л. 422—423, 466—467; кн. 547, л. 628—643.

- ¹²¹ Александров В. А. Русское население Сибири...— С. 248—250; Копылов А. Н. Русские на Енисее...— С. 186—189.
- ¹²² Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы...— С. 138—139; Канник О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье...— С. 35—38.
- ¹²³ Шеретобоев В. Н. Илимская пашня.— Т. 1.— С. 585—589.
- ¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 378.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.— С. 379.
- ¹²⁷ С точки зрения социально-экономической уже в первый период развития рабочего класса вырисовываются такие его основные стадии: предпролетариат, мануфактурный пролетариат, пролетариат фабрично-заводского типа (Пономарев Б. Н. Международное рабочее движение // Коммунист.— 1976.— № 6.— С. 18).
- ¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 544.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Ленинская концепция всероссийского рынка и интерпретация начального этапа его формирования в советских исследовани- ях 60—80-х годов	22
2. Торгово-транспортные пути в Сибирь, по Сибири и в сопре- дельные страны и динамика торгового движения по ним	36
3. Сибирская таможенная система и торгово-промышленные функции города	113
4. Бухарцы и их торговля в Сибири	173
5. Сибирская хлебная торговля	223
6. Промыслово-промышленная деятельность русских крестьян Сибири в конце XVI — начале XVIII в.	273
7. Формирование и использование наемного труда в неземле- дельческой сфере хозяйства Сибири	294
Примечания	316

Научное издание

Вилков Олег Никандрович

**ОЧЕРКИ
социально-
экономического
РАЗВИТИЯ
СИБИРИ
конца XVI —
начала XVIII в.**

Редактор издательства Н. Г. Зыкова

Художник Н. А. Пискаун

Технический редактор Г. Я. Герасимчук

ИБ № 34898

Сдано в набор 29.05.90. Подписано к печати 20.11.90. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага ин.-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Усл. печ. л. 19,3. Усл.
кр.-отт. 19,3. Уч.-изд. л. 24. Тираж 1400 экз. Заказ № 207. Цена 4 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение,
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславско-
го, 25.